

Космёр

7
ИЮЛЬ
1971

Космёр

7

ИЮЛЬ

1971

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Яблоки, яблоки, ан-
тоновские яблоки...

2

Операция „Пионер-
ский километр“ объ-
явлена!

30

О школе, в которой
ребята на выдумки
горазды.

34

Про Ирину, Одину и
девочку с твердым
непоколебимым ха-
рактером.

38

Открытие, начало ко-
торого теряется где-
то во тьме тысяче-
летий.

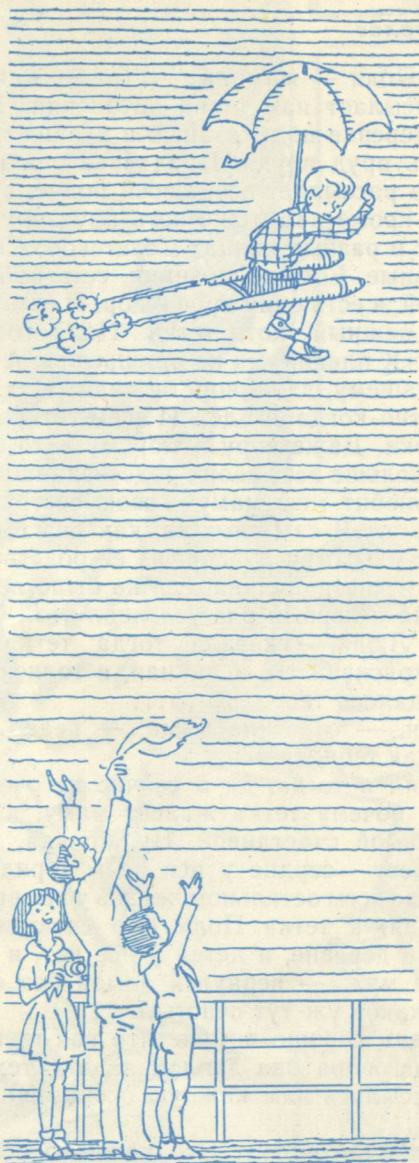
44

Какими полезными
делами заняты вы,
дорогие читатели?

1—64

Рисунок М. Беломлинского
На обложке рисунок
Б. Семенова

Лето, каникулы. А чем же заняты читатели «Костра»? Как участвуют во Всесоюзном Марше «Всегда готов!», чем помогают своей стране?

Подумал КОСтя ТЕРкин, посоветовался с сотрудниками и редактором да и взял командировку на весь Советский Союз. Ведь всегда важно самому увидеть, самому услышать, самому узнать!

Почтарик одолжил КОСте зонтолет, и путешествие к читателям началось.

Доброго пути, КОСтя ТЕРкин!
До встречи на странице 20.

ПОВОРОТ

Вадим Фролов

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. Харкевича

Тетка Поля — мамина сестра — каждую осень присылает нам ящик антоновки. Тетка живет в деревне под Рязанью и всяких яблок у нее хоть пруд пруди. Продавать она их не продает, а рассылает всей своей родне, а родни у нее, кроме нас, тоже хоть пруд пруди, и все живут в разных концах Советского Союза. И все разные. Есть колхозники, есть рабочие. Есть Герой, и есть один профессор. И есть один какой-то важный, хотя тетка Поля говорит про него: «К плечи ума не пришьешь». А есть, к стыду нашему, даже вор, он сидит в тюрьме и неизвестно, когда выйдет. И всем тетка посылает яблоки. Даже вору в тюрьму и то посылает. Но больше всех своих родственников тетка Поля любит мою маму — свою сестру. Это я знаю точно. Я сам слышал, как она говорила, что мама самая лучшая из ее родственников, хотя и «незадачливая». Мне было лет девять, когда я первый раз услышал это.

— Эх, Люда, — сказала тогда тетка Поля, — и красивая ты, и ладная, и толковая, а вот не задалось тебе чего-то...

— Поля, — ответила мама, — редко кому счастье, как тебе, дается.

Не понял я тогда, да и сейчас не очень-то понимаю, почему тетка жалеет маму, а себя считает самой счастливой. Ну, правда, мама часто болеет — сердце у нее не в порядке, а так ведь во всем остальном жизнь у нас вполне нормальная, а тетка Поля всю свою жизнь прожила в деревне, и детей у нее нет, и дядя Петя — ее муж — вернулся домой без обеих ног. Так какое уж тут счастье?

И я очень хорошо помню, что как-то после такого разговора она заплакала и с тех пор стала присылать нам каждую осень ящик антоновки.

Я люблю антоновку. Это какие-то особенные яблоки. Это, по-моему, самые настоящие яблоки. Я всегда сам распечатываю ящик. Беру отвертку, клещи и распечатываю — медленно и с удовольствием, и, как только подхожу к ящику, я чувствую, что у меня, как у нашего пса Повидлы, начинает шевелиться нос: я приноживаюсь. Я с удовольствием приноживаюсь к запаху антоновских яблок, и у меня текут слюнки, но я не тороплюсь. Я осматриваю ящик со всех сторон — где бы получше зацепить, поворачиваю его и так и этак, потом начинаю не спеша открывать. Выдеру один гвоздь и опять постою, подумаю, а то иногда и гвоздь начну выправлять, а все смотрят, сопят, даже кое-кто чуть не хрюкает. А мне весело — погодите, думаю, как будет здорово,

когда у каждого окажется яблоко, от которого так замечательно пахнет и вкуснота такая, что мне всегда становится жалко тех, кто не пробовал настоящей антоновки. Вот так, не торопясь, я делаю это очень важное дело, а вокруг меня стоят все и пускают слюнки и заглядывают в ящик через мое плечо.

Самый нахал это Повидло. Как только я беру инструмент, он тут как тут. Уши торчком, хвост дрожит, будто через него пропускают ток, глаза такие — вот, мол, я такой хороший, а стоит мне чуть приподнять дощечку — его нос уже там. Второй нос — Олин, хотя она сидит на табуретке и делает вид, что учит уроки — она, по-моему, всегда учит уроки — очень сознательная второклашка. Но когда я открываю ящик с антоновкой, она обязательно приволакивается на кухню со своими тетрадками и писклявым голосом спрашивает у нашей соседки Ангелины Павловны, можно ли ей поучить уроки за ее — соседкиным — столиком, а нос у нее прямо нацелен на ящик с яблоками.

— Конечно, — говорит Ангелина Павловна ласковым таким басом, — мой стол свободен, я не буду вам мешать и с вашего разрешения уйду.

Но, ясно, она никуда не уходит. Во-первых, потому, что ее никто не отпускает, а во-вторых, потому, что ей и самой интересно, как я открою этот ящик.

Мишка стоит около окна, засунув руки в карманы и выпятив нижнюю губу, дескать, подумаешь, я бы лучше открыл, а на яблоки эти мне начихать.

А я медленно и уверенно открываю ящик, и запахи антоновки разносятся по всей кухне, по всей квартире.

Яблоки, яблоки, антоновские яблоки... Чавкает под раковиной наш пес Повидло, облизывается и смотрит на меня — не дам ли еще? Ахает Ангелина Павловна, аккуратно ножичком отрезая ломтики и вспоминая какого-то великого русского писателя, который так писал об антоновских яблоках, так писал!..

Яблоки достаются всем.

Мама берет пяток и сразу кладет их в шкаф, в ящики, где чистое белье, — так ее научила Ангелина Павловна, которая об этом прочитала у того же великого писателя. Могу сказать, что тот писатель был не дурак. Я вначале смеялся, а потом понял, как здорово спать на простыне, которая пахнет яблоками.

Оля идет в комнату, садится за стол и кладет яблоко перед собой, доучивая уроки.

Мишка, получив одно, мрачно говорит:
— Два, — и почему-то не смотрит на нас.
— Стоит ему два? — серьезно спрашивает
батьа.

— Стоит, — говорю я. Потому что, мне ка-
жется, я Мишку понимаю — чего не бывает в
пятом классе!
Потом мы с батей занимаемся распределе-

нием. Это — летчику. Есть у нас еще один сосед: дядя Саша, летчик. Правда, он довольно редко бывает дома, но он тоже очень любит антоновку.

Откладываем еще кое-кому — знакомым, друзьям. Оставляем маме на варенье, для гостей, и у нас остается примерно еще десяток.

— Давай съедем по одному, — говорю я.

— А как же, — говорит батя.

И мы съедаем по крупному антоновскому яблоку, и при этом батя начинает жаловаться на свою жизнь и завидовать тетке Поле. Завидует, правда, как-то смешно. «Вот жил бы я в деревне, да не могу я жить в деревне, вот был бы у меня сад, да какой я садовод, вот чихал бы я на все, да не могу я чихать на все, вот...» — и так далее. Я только последнее время стал прислушиваться — к чему бы он это?

Знаю, что одно яблоко отец обязательно положит к себе в стол, а потом будет его иногда вынимать, нюхать, качать головой, чему-то

улыбаясь про себя, вздохнет и опять спрячет в стол.

С моим пятком я тоже знаю что произойдет: одно выключит Мишка, одно я сам отдам Оле в награду за какую-нибудь очередную ее потерку, третье мы не выдержим и съедем с этим подхалимом Повидлой, четвертое я спрячу на всякий непредвиденный случай, а пятое... пятое я подарю кому-нибудь... ну, например, той смешной девчонке, которая живет в доме наискосок от нас.

Зовут ее Маша. Она порядочная заноза, но, по-моему, неплохой человек и, кажется, хороший товарищ. И... она красивая... эта Маша Басова. Она здорово красивая, и с этого года я учусь с ней в одной школе, в одном классе и даже уселся за ее парту. Она злится, а мне весело. Вообще-то, мне, конечно, совсем не хочется, чтобы она злилась, но уж больно смешно она это делает — фыркает, как кошка, только что когти не выпускает. И смотрит так презрительно, словно миледи на мушкетеров. А мне совсем не страшно. Пусть смотрит.

Вчера она прямо зашипела на меня, когда я хотел понести ее портфель.

— Ну, что ты пристал ко мне, как репейник? Появился неизвестно откуда и пристал. И ходит и ходит... Телепатик несчастный!

Я не знаю, что это — «телепатик», и хотел было обидеться, но слово уж больно смешное — те-ле-па-тик — и я засмеялся, а она трахнула меня портфелем и умчалась.

А в самом деле, чего это я к ней прицепился, как репейник? И хожу и хожу? Знаю, чего: нравится она мне — вот и все! Я, конечно, могу и отцепиться, но не отцеплюсь — мне почему-то кажется, что мы с ней подружимся. Пусть еще позлится немного, а потом все равно подружимся. И фырчат на меня, как кошка, перестанет. Хотя вряд ли она перестанет: все равно будет фырчать, но, наверное, уже не так. Поживем — увидим. А яблоко я ей завтра в школе подарю. И пусть злится сколько влезет — я тоже упрямый.

Между прочим, со своей парты она меня не прогнала и сама не пересела, а это, по-моему, кое-что значит. Ведь могла бы сесть, ну, с Геркой, например, — он, думаю, для нее место берет. Я ее спросил, почему она, если уж так на меня злится, не пересядет туда, на первую парту, где Герка сидит и ее дожидается?

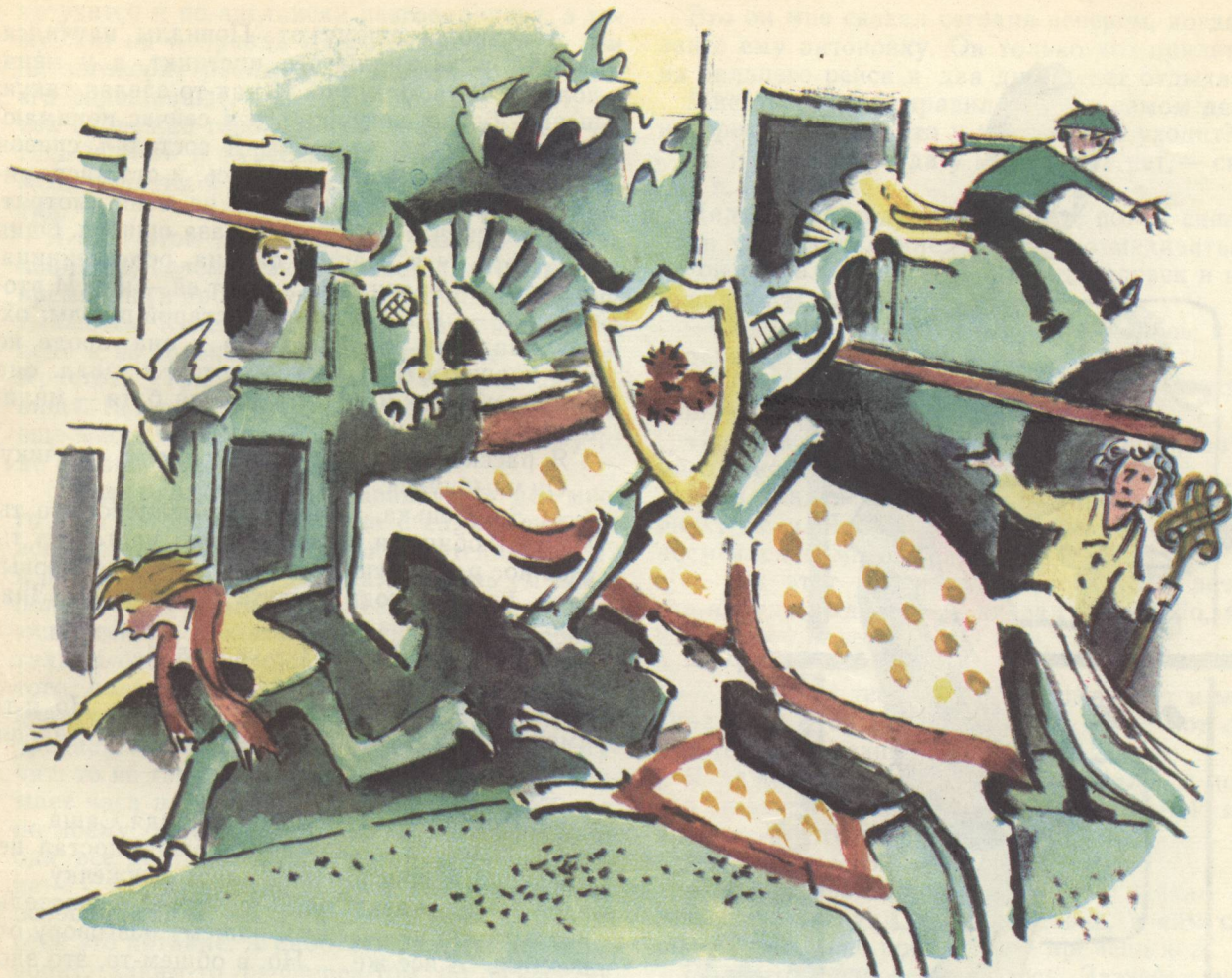
— Где хочу, там и сижу, — ужасно сердито сказала она. — И вообще, эта парта моя.

— Ну тогда я пересяду, — сказал я благородно.

— Твое дело. Ты для меня все равно пустое место.

Я сделал вид, что обиделся, и начал собирать свои манатки, а она дернула меня за рукав и прошипела:

— Сиди уж, рыцарь!

Рыцарем меня почему-то прозвала ее бабушка. «А-а, здравствуйте, юный рыцарь», — говорит Машина бабушка, когда встречает меня. Я не очень-то понимаю, почему она зовет меня рыцарем, но мне это как-то даже приятно. И однажды мне приснился смешной сон, как я в рыцарских доспехах с копьем наперевес мчусь на коне по нашей Моховой, за мной, тоже в доспехах, мчится пес Повидло, у него из стальных штанов только хвост наружу торчит, и от нас в диком страхе и ужасе разбегаются в разные стороны фуфлы и хлястики — это те ребята, которые здорово надоели всем на нашей улице и которых, по-моему, надо бить. Они бегут и визжат со страха, а я нанизываю их одного за другим на копье и въезжаю во двор, где живет Маша Басова, и складываю весь этот шашлык к ногам Машкиной бабушки, а она хлопает меня выбивалкой для ковров по стальному плечу и говорит:

— О, мой юный герой! Посвящаю вас в рыцари Ордена Святого Репейника, а доблестного пса Повидлу назначаю вашим верным оруженосцем.

Мне немножко обидно, что это она, а не Машка посвящает меня в рыцари, но я становлюсь на одно колено и делаю вид, что целую подол ее роскошного платья, а пес Повидло прыгает вокруг меня и лижет в нос через поднятое забрало. И тут я просыпаюсь, потому что нахал Повидло действительно лижет меня в нос, ему пора гулять. Смешной сон.

Ну, это я так, к слову, а бабка у Маши очень славная и, по-моему, хитрющая. Она ко мне хорошо относится — я всегда чувствую, когда ко мне человек хорошо относится, — а Маша удивляется: почему это ее бабушка, папа, мама и даже сморчок Витька, братишка, сразу, как я только с ними познакомился, стали ко мне хорошо относиться.

Я и сам удивляюсь иногда — отчего это все ко мне хорошо относятся? Нет, есть, конечно, есть — как Райкин говорит, — есть и такие, которые ко мне плохо относятся, но это, наверное, потому, что я и сам их не люблю. Они, наверное, это чувствуют, и им ничего другого не остается, как и меня не любить.

Дядя Саша, летчик, наш сосед, как-то мне сказал:

— Вот ты обратил внимание, что твой Повидло очень любит дядю Гришу, водопроводчика, хотя дядя Гриша твоему Повидлу ни разу доброго слова не сказал. А вот ласковую Ангелинушку Повидло терпеть не может. Почему?

— Ну, не знаю, — сказал я, — может, от нее слишком здорово духами пахнет?

— А от дяди Гриши гудроном... — засмеялся дядя Саша. — Нет! Просто псы очень здорово чувствуют, когда их не любят или боятся.

Вот я вспомнил этот разговор и решил, что

я, наверно, кое-чему от Повидлы научился. Только у Повидлы это инстинкт, а у меня, должно быть, разумно. И как-то сделал такую штуку. Глупо, конечно, это я сейчас понимаю, а тогда еще не понимал. Я составил список всех, к кому хорошо отношусь, и стал вспоминать и проверять, а как они на меня смотрят. Оказалось, что я всего два раза ошибся. Один раз — это тетя Настя, папина родственница. Мне-то она нравилась, а я вот ей — нет. И второй раз — одна девчонка из старой школы: ох, как она мне нравилась! Да и она вроде ко мне хорошо относилась, а потом я узнал: она смеялась надо мной, что у меня батя — милиционер.

Я рассказал об этом дяде Саше, летчику. Он улыбнулся.

— Эх, Сенька, Сенька, это отлично, что ты людей любишь и им веришь, но много раз ты себе нос расшибешь. Не хочу тебя разочаровывать, но... «Люди, будьте бдительны!» Знаешь, кто это сказал?

— Маршал Гречко? — сказал я.

Дядя Саша усмехнулся.

— Он это, конечно, тоже говорит. Но я-то имею в виду Фучика, Юлиуса Фучика. Знаешь такого?

— Н-не, — сказал я.

— Позор, — сердито сказал дядя Саша.

Он подошел к книжной полке и достал небольшую в красном переплете книжечку.

— На, — сказал он, — прочитай обязательно, хотя это не совсем к нашему разговору относится. А все же... Но, в общем-то, это здорово, что ты в своем анализе всего два раза ошибся. Мне бы так!

Я тогда эту книжку так и не прочитал. Занят был. А если честно говорить, дядя Саша надолго улетел и некому было у меня спросить — прочитал я эту книжку или нет. Но сейчас постараюсь все-таки прочесть: может, и верно из нее кое-что узнаю? А все эти списки и анализы, конечно, ерунда, но все-таки понять, почему к тебе один человек относится так, а другой совсем по-другому — надо.

Интересно, как ко мне будут относиться в новой школе? Мне кажется, что неплохо. Ребята в нашем классе, по-моему, ничего, веселые. Правда, мне не очень понравилось, как они иногда принимаются прорабатывать кого-нибудь за дисциплину. И еще мне не понравилось, что очень уж командует Герка Александров, и все его вроде слушаются. Парень-то он ничего — я его еще по детскому саду знаю, — только иногда начинает здорово важничать, как будто умнее всех, смелее всех, сильнее всех и справедливей всех. А это обидно. Не завидно, а обидно — вроде все чем-то ниже его полочаются. Но вот чему я действительно завидую — не тому, что он на пятероч-

ки учится и по-английски разговаривает, а тому, что он и правда много чего знает; о чем ни заговорят ребята — он все знает. А когда его спрашивают, откуда он все это знает, он так небрежно говорит, что надо побольше читать и быть в курсе всех достижений современной науки и техники и политических событий.

Я-то в этом деле слабоват, честно. Сам не понимаю, почему так получается, что мне все время книги про шпионов да про войну подвешиваются. Конечно, и про это надо читать, но ведь и не только про это. Или еще «Монте-Кристо», «Три мушкетера», «Остров сокровищ». Конечно, книги хорошие, но ведь есть и еще много хороших, да вот мне они почему-то не попадают.

Соседка Ангелина Павловна — у нее много книг — говорит, что надо с самого детства воспитывать в себе привычку к чтению умных и полезных книг, тогда и сам будешь умным и полезным. Я с этим согласен, только удивляюсь немного, как это она столько книг прочитала, а очень-то умной не стала. Да и насчет того, полезная она или нет, тоже не знаю. В квартире она не то что полезная, а просто вредная бывает: всех воспитывает, учит и журит: то не так, это не так, а сама ванную занимает часа на три. Это дома. А на работе она, по-моему, и не бывает: когда ни придешь — она все дома торчит, то в ванной, то на кухне — у нее куча всяких болезней и ей нужно особое питание. Вот она день и ночь и готовит себе это питание. А работает она, как сама говорит, каким-то ре-фе-рен-том по искусству. Хорошая, видно, работенка у этих референтов. Не пыльная. Но других, которые по-настоящему работают, она не очень-то уважает.

Батя как-то с ней поспорил насчет одного кинофильма. Она на него так посмотрела — дескать, ну что вы, милиционер, понимаете в искусстве. «У вас несколько иная сфэ-ра деятельности, уважаемый Василий Тимофэ-вич», — сказала она и улыбнулась, словно ребенку какому, а я в нее чуть картошкой не запустил...

Ну, ладно, аллах с ней. А вот что дядя Саша, летчик, меня поругивает — это хуже. Я его уважаю.

— Серый ты человечек, Сенька, — говорит он мне, когда я чего-нибудь не знаю, — тебе надо просвещаться.

И еще он говорит, что я шепутной и неорганизованный — не умею свое время распределить разумно. А время надо уметь уплотнять.

— Вот ты попробуй как-нибудь прохронометрируй свой день. Смотри на часы и записывай, что ты делал по часам и минутам. А потом проанализируем вместе и сделаем выводы.

Это он мне сказал сегодня вечером, когда я занес ему антоновку. Он только что прилетел из дальнего рейса и два дня будет отдыхать.

Мне эта идея понравилась — в самом деле, интересно, на что это у меня время уходит?

— Я бы сделал, да у меня часов нет, — сказал я.

Дядя Саша подумал-подумал, потом снял с руки часы и дал мне. Я начал отмахиваться, но он сказал, что я несерьезный человек и нацепил часы мне на руку.

— Ладно, — сказал я, — вы не бойтесь, я не потеряю.

— А я и не боюсь, — сказал он. — Потеряешь — купишь.

«Интересно, на какие шиши?» — подумал я, но только кивнул.

Батя увидел часы и строго спросил, откуда они у меня. Я сказал. Он задумался, а потом посмеялся немного.

— Уж этот Александр Степанович вечно что-нибудь выдумает, — сказал он. — Но, пожалуй, это полезно. Хотя...

— Что хотя? — спросил я.

— Да что у тебя жизнь нелегкая, тут и моя вина есть, — он развел руками, — да вот обстоятельства такие, брат Сенька...

Я даже глаза на него вытаращил — с чего это он взял, что жизнь у меня нелегкая? И какие еще обстоятельства?

— Ты что, батя?

— Давай поговорим, Сеня, — сказал он серьезно и усадил меня на диван, а сам сел рядом. — Давно пора, да все времени нет.

Но поговорить не пришлось. Зазвенел звонок. Кто-то открыл, а потом к нам в дверь постучали и вошла какая-то женщина — молодая, заплаканная.

— Уж вы извините, товарищ участковый, что я прямо домой... да поздно так, — сказала она виновато. — Прямо уж не знаю, что делать.

— Опять? — спросил отец.

Она только всхлипнула и кивнула молча.

— Ну, Сень, в другой раз, — сказал отец. Встал, надел мундир, фуражку, взял свою папку и пошел с той женщиной.

— Когда придешь, Вася? — спросила мама из-за ширмы. — Ведь ночь...

— Не знаю, Люда, но постараюсь поскорее, если еще что не задержит.

— Вы уж извините... — опять виновато сказала женщина, и они ушли.

— И не видим мы его совсем, — вздохнув, сказала мама, — все работа, работа...

— Такое у него дело, мать, — сказал я, и мама засмеялась.

— Ну точь-в-точь как он говорит, — сказала она.

А я ведь нарочно сказал, чтобы посмешить. Посмеется и, может, меньше думать будет, а то до его прихода и не уснет.

Я разделся, положил летчиковы часы под подушку и улегся. А пожалуй, дядя Саша, я тебя перехитрю: я свой день так распределю, что и комар носу не подточит и хронометраж у меня будет не хуже, чем у какого-нибудь токаря или чемпиона в беге на дальние дистанции. Я встал, достал из батиного стола новенький блокнот и написал на обложке:

С. Половинкин 8 сентября

ХРОНОМЕТРАЖ

7.30 — Проснулся.

7.30—7.35 — Лежал и думал о... Вспомнил, что надо записывать.

7.35—7.40 — Вставал.

7.40—8.00 — Умывался. Прибирался.

8.00—8.12 — Будил Мишку.

8.12—8.20 — Будил Ольгу.

8.20—8.35 — Готовил завтрак (мама плохо себя чувствовала).

Одновременно гнал Мишку умываться. Уплотнял время.

8.35—8.40 — Завтракал.

8.40—8.45 — Прогулял Повидлу. Встретили Мухтара. Они играли.

Погода хорошая. Пожалел Повидлу и гулял его еще 5 мин. До 8.50.

8.50—8.55 — Прогонял Мишку в школу. Ольга уже ушла. Иск. учеб. по мат.

8.55—9.02 — Бежал в школу. Опозд. на 2 мин. (Плохо!)

9.02—9.45 — Урок литературы. Схват. 2. (Исправлю!)

Примечание № 1. Было пять уроков до 13.45. Тут хронометрировать нечего. Уроки как уроки, и они хочешь не хочешь, а идут по расписанию. А вот большую перемену потерял зря. Вместо того чтобы отдохнуть — все 15 мин. стоял как истукан перед завучем за то, что на ур. дал по ш. Ап. (Плохо! Надо учесть, хотя по шее я ему дал прав!)

13.45 — Последний звонок. Остался в классе, чтобы все записать. Довольно мучительное дело этот хронометраж, но раз уж взялся — надо кончить. Только кончил записывать — в класс вошла очень сердитая Маш. Бас. и сказала мне, что я... Ну, да это к делу не относится — я ведь не дневник веду. Расскажу потом. Здесь только запишу, что разговаривали мы с ней до 14.00 и не знаю, потерянное это время или нет? С одной стороны, вроде бы и потерянное, а с другой...

14.00—14.10 — Шел домой и думал о... и о том, как мне все-таки уплотнить время.

14.10—14.20 — Встретил у ворот Фуфлу и Хлястика.

— Давай поговорим, — они мне сказали.

— Нечего мне с вами разговаривать, — сказал я, — у меня дела. — И посмотрел на часы.

— Часики завел, — сказал Хлястик.

— А ну покажь! — сказал Фуфлу.

— Шиш тебе! — сказал я, и тут мы крепко поговорили о том, кто я такой и кто они такие. Они сказали, что если я буду вообр. и лезть не в св. дел., то схлоп. как след. А я ск., что чих. на них и если они будут прист. ко всем, то все реб. им покаж. Они смеялись. Я сказал, что хорошо смеется тот, кто смеется последним. Они хот. отн. часы, но я не дал и ушел домой. А дома все это записал, посмотрел на часы — ничего поговорили!

14.20 — Взял деньги у мамы, авоську, кусок булки с колбасой и книжку, которую дал мне дядя Саша. Чтобы не встретиться опять с этими и не терять время зря, пошел через другой двор и в овощной магазин пришел в...

14.30 — Встал в очередь за картошкой и решил уплотнить время — открыл книжку. «Репортаж с петлей на шее». Я вначале подумал, что опять про шпионов, но оказалось совсем другое... Совсем другое. Меня толкали, куда-то отодвигали, а я читал. Кто-то смеялся, кто-то чего-то спрашивал, а я читал. Потом здоровенный дядька двинул меня под ребро и заорал в самое ухо:

— Чего под ногами путаешься! Читатель!

— Извините, — сказал я и отошел к окну. Потом вдруг посмотрел на часы: мама-мачка!..

15.00 — Купил картошку и помчался в «Молоко». Книжку убрал подальше, чтобы не отвлекала.

16.00! — Это я только что домой пришел с молоком и картошкой. Полтора часа ходил! Ну, ладно в овощном зачитался: значит, какая-то польза, все-таки есть, тем более что книжка-то... Эх, вот это книжка! Спасибо, дядя Саша! А вот в «Молоке» что я почти целый час делал? А вот что. Купил молоко, посмотрел на часы, достал блокнот и пристроился на подоконнике, чтобы записать время. Подходит продавщица — худющая, как кочерга, и злая.

— Чего это ты тут пишешь? — спрашивает она.

— Да так, — говорю, — ничего. — И закрываю блокнотик.

— Ничего и дома много, — говорит она и тянет руку за блокнотиком. — А ну, покажь!

Совсем как Фуфло.

Я говорю, что это, мол, мое дело, что я пишу. Может быть, стихи.

— Я тебе покажу стихи, — говорит эта кочерга, — ишь писатель! Какие ты у нас непорядки выискивал? Мал еще у нас непорядки выискивать!

— Да ничего я у вас не выискивал, — говорю я. Прячу блокнот в карман и хочу идти, но она не пускает, а тут еще кассирша свой голос подала и покупатели зашумели — кто за меня, кто против меня. Кто кричит на кочергу, чтобы она становилась за прилавок и работала, а кто кричит, что надо разобраться: может, я в карман плавленый сырок сунул. Пропади он пропадом, этот хронометраж! Хорошо, какой-то старичок вмешался и меня вызволил.

— Я, — говорит, — его знаю. Он мальчик вполне приличный и действительно стихи пишет. Очень хорошие.

Тут все заулыбались и начали меня хвалить, и даже кассирша стала меня просить, чтобы я почитал стихи вслух. Час от часу не легче. Стою красный как рак и рта открыть не могу.

— Он застенчивый, — говорит старичок, а сам подталкивает меня к двери, — настоящие поэты все застенчивые.

— А может, он частушки на нас сочиняет, — не унимается продавщица.

Но тут уж все зашумели, чтобы она оставила мальчика в покое, и я под шумок даю дра-ла. Уношу ноги. Потом оборачиваюсь посмотреть, не бежит ли кто за мной, и вижу, что старичок стоит у магазина и в руках у него огромная сумка и палочка. Мне становится известно, что я ему даже спасибо не сказал, и я возвращаюсь. В результате я забираю у него сумку и провожаю его до дому. Живет он аж у рынка — чего он в наш магазин забрался? всю дорогу старичок читает мне наизусть разные стихи. Вроде ничего стихи — хорошие, хотя я не очень-то в них разбираюсь. Но одни мне даже запомнились. Как это: «Гвозди бы делать из этих людей — крепче бы не было в мире гвоздей!» Это ничего, это мне нравится. Это вот про таких, как Юлиус Фучик, и про Алексея Мересьева, и про космонавтов.

Старичок живет на пятом этаже здоровенного серого дома, и лифт не работает, и мы ползем с ним потихоньку наверх. Он на каждой площадке отдыхает, а у самой двери приглашает меня в гости и говорит, что у него отличная внучка, моя ровесница, и тоже очень любит стихи. Он, кажется, и сам поверил, что я пишу стихи, но, в общем, ничего старичок — добрый. Он опять приглашает меня в гости, но я вежливо отказываюсь и говорю, что зайду в другой раз, когда буду посвободней. Прощаюсь и бегу домой, вернее, еду трамваем: времечко-то уже — охо-хо!

Примечание № 2. Дяде Саше все это можно не читать. Это я просто так записал. Для себя.

16.00—16.10 — Выгонял Мишку гулять с Повидлой. Наказал ему строго, чтобы больше 30 мин. не гулял — обедать надо.

16.10—16.20 — Уговаривал Ольгу подмести пол, но она заныла, что у нее много уроков и если она не отдохнет, то не сможет их приготовить. Подмел сам.

16.20—16.50 — Помогал маме готовить обед. Чистил картошку и пр. Оля смиростивилась — накрыла на стол. В кухне мама вдруг села на табуретку... — сердце! Я было побежал за каплями, но она сказала, что не надо, а потом сказала таким жалобным голосом (мне всегда завывать хочется, когда она говорит таким голосом):

— Сенечка, а папа ведь так и не приходил с вечера. Я уже не хотела тебя беспокоить, думала: вот-вот придет, а сейчас не могу. Сбегай узнай, что он там...

Вот, черт, я с этим хронометражем и не заметил, что бати утром не было. Правда, он и раньше часто уходил, когда мы еще спали, но тут-то с ночи его нет...

16.50—17.00 — У отца через три дома от нас, где жилконтора, есть отдельный кабинет, как

он говорит. А какой уж там кабинет — так, комнатуха: стол, два стула, шкаф, да еще железный ящик — сейф. Там он держит документы всяких нарушителей. В этом кабинете его не было, и в жилконторе сказали, что сегодня он еще не приходил.

17.00—17.15 — Помчался в райотдел милиции. Ну, слава богу! Батя был там — в дежурке. Собирался уходить. Мы вышли вместе. Он положил мне руку на плечо и спросил:

— Чего примчался? Случилось чего?

Я почему-то разозлился.

— «Случилось, случилось!» — передразнил я его. — Он ночами пропадает, а потом еще спрашивает, не случилось ли чего!

Я размахивал руками — я всегда размахиваю руками, когда злюсь, батя держал меня за плечо, и так мы шли и выясняли, какие там у нас дела. Он сокрушенно качал головой и все твердил, что работа у него такая.

— Предупредить-то мог! — кричал я. — У него работа, а мы ночи не спи! Да? У него работа, а у мамы — сердце! Мог бы...

— Мог бы, — виновато соглашался он, — да закрутился, Сеня.

На углу он остановился, снял руку с моего плеча и сказал, глядя в сторону:

— Понимаешь, Сеня, я и сейчас домой еще не могу, — он развел руками. — Маме скажи, чтобы не волновалась. Приду к ужину.

Я только рукой махнул — что с ним будешь делать.

17.15—18.00 — Пока шел домой... Нет, не буду сейчас ничего писать. Потом расскажу. В общем, сорок пять минуток пшикнули, сгорели голубым огнем, совершенно не производительно. Дела!

18.00—18.25 — Пришел домой и успокоил маму насчет отца, а она все равно беспокоится — Мишки, паразита, нет. Понесся искать. Двадцать минут искал этого тунеядца. Нашел у самой Невы. Идет как ни в чем не бывало, посвистывает, а Повидло какую-то корягу тащит и хвостом виляет. Тоже тунеядец порядочный.

— Где был? — спрашиваю Мишку.

— А мы на Петропавловку прошвырнулись.

Ну, я не выдержал: дал Мишке подзат., а Повидле хорошего пинка... Так они еще обиделись!

18.25—19.00 — Обедали. А после обеда я все-таки заставил этого тунеядца Мишку посуду вымыть. И даже не слушал, что он там ноет, а взял и ткнул его носом в раковину. Правда, получил замечание от Ангелины Павловны.

— Ф-фи, Сеня, — сказала она басом, — от тебя я этого не ожидала. Такой воспитанный мальчик и... физические методы. Фи!

— А, катитесь вы! — сказал я. Уж не знаю, как это у меня вырвалось, но вырвалось, факт.

19.00—19.10 — Десять минут извинялся перед Ангелиной! Наконец простила. Даже по голове погладила.

19.10—20.10 — Делал уроки. Первая четверть только началась и уроков не так уж много, но все же час ухлопал. Бати еще нет.

20.10—20.20 — Засадил Мишку за уроки. Десять минут засаживал. Чуть было опять не применил физический метод, да маму пожалел. Она ужасно это переживает.

— Иди, Сеня, погуляй, отдохни, — сказала мама, а потом, словно извиняясь, добавила: — Если сможешь, в аптеку забеги. Наверно, лекарство готово... А то Мишутка потом сбегает...

— Нет уж, никуда Мишутка не сбегает. Набегался, — сказал я и взял рецепт.

В аптеке я потерял минут десять. Занес лекарство домой, а потом до 22.00 гулял. Ну, это время личное, имею я на него право или нет? А что я в это время делал — расскажу в другой раз. Между прочим, всего-то полтора часика и погулял, но рассказать есть о чем.

22.00 — Пришел домой. А дальше все неинтересно. Пришел батя. Ужинали. Батя сидел мрачный, а раз он мрачный, значит, спрашивать у него не надо. Сам расскажет, если захочет — такой у нас порядок. Но он ничего не рассказал, а только, когда уже из-за стола вставали, спросил меня:

— Слушай-ка, ты Балашова-мальчишку знаешь?

— Веньку, что ли? Жука? Из 27-го?

— Да.

— Знаю. А что?

— Ничего... так. Завтра поговорим. Ну, я пошел.

— Опять, Вася? — спросила мама.

— Что сделаешь, Люда.

И уже в дверях опять спросил меня:

— Ну, как твой хронометраж?

Я только рукой махнул.

Вот и весь хронометраж!

... Дядя Саша лежал на тахте, курил и читал, и вид у него был такой довольный и спокойный, что я даже позавидовал. В его комнате, у тахты, большая лампа на палке с абажуром — торшер называется. Вдоль стен — полки с книгами, а на стенах и в стеклянном шкафу много разных сувениров, прямо музей. Он ведь весь мир облетал и отовсюду привозил что-нибудь интересное. «Тряпки меня не интересуют, их я и дома купить могу, — говорит он, — а вот такую штуковину, например, где ты увидишь? Разве в музее только». — И он показывал какую-нибудь страшную маску, или красивую раковину, или открытки с вида-

ми разных стран. «Вот это — интересно: тут и история, и география, и память...»

— А-а, здорово! — сказал дядя Саша, когда я вошел. — Ну, как делишки?

Я протянул ему часы, он положил их на столик около тахты и посмотрел на меня с любопытством.

— Сделал хронометраж? — спросил он.

— Сделал, — сказал я и махнул рукой.

— Что так мрачно? — спросил он и засмеялся.

— Ерунда получилась, — сказал я.

— Дай-ка сюда.

— Да не сто́ит. Чепуха на постном масле.

— Давай-давай, вместе разберемся, — и он протянул руку за моим блокнотиком.

«Ладно уж, — подумал я, — может, он чего интересное скажет». И отдал ему блокнот. Ну и хохотал же он. Я чуть было не обиделся, но он так здорово смеялся, что я тоже не выдержал и начал смеяться вместе с ним. Он наконец отхохотался, вырвал из блокнота листок, взял со столика шариковую ручку и начал разными цветами писать что-то на этом листке. Писал-писал, а потом протянул мне эту страничку.

— Вот какая схема получилась, — сказал он, — полюбуйся.

Я полюбовался. Красивая схема. Ничего не скажешь!

Сутки — 24 часа, или 1440 минут.

«Рабочий день» — от подъема в 7.30 до отбоя в 23.30 — 16 часов 00 минут, или 960 минут.

Сон: 1440 минут минус 960 минут — 480 минут. Из 960 минут бодрствования непроизводительно потеряно (пшикнули!):

а) до школы — 40 минут,

б) в школе — 60 минут,

в) после школы — 260 минут.

Всего: 40 мин. + 60 мин. + 260 мин. = 360 мин.

Производительно затрачено:

960 мин. — 360 мин. = 600 мин.

Составим пропорцию: $960 - 100\%$

$360 - X$; $X = 37,5\%$

Итак: время, которое сгорело голубым огнем, составляет почти 37,5% (!!!)

Кошмар!!!

— Вот такие пироги, Семен, — сказал дядя Саша. — Баланс, прямо скажем, не в твою пользу. Что делать думаешь?

«А что тут делать?» — подумал я и только головой помотал. До чего же безалаберный я человек! И вот ведь что, как досадно получается: вроде и минуты свободной нет — все дела и дела, а на проверку оказывается не дела, а один пшик.

Дядя Саша посматривал на меня и так хитренько улыбался.

— Ладно, — сказал я, — допустим, с собой я как-нибудь справлюсь, а вот как быть со всякими... непредвиденными обстоятельствами?

Сказал и сам удивился — ишь как заговорил.

— Человек должен быть сильнее обстоятельств, — сказал дядя Саша.

— Это как? — спросил я.

— А вот так: ну, какое для тебя «обстоятельство» Мишка, который не хочет просыпаться? А ведь ты на него в общей сложности, — дядя Саша посмотрел на листок, — в общей сложности совершенно зря потерял больше часа! Ухлопал ни за что ни про что.

— Я на него иногда еще больше ухлопываю, — разозлился я.

— А ты не ухлопывай, — спокойно сказал дядя Саша, — ты воспитывай. Скажи один раз «подъем» — и все! Как в армии.

— А если не встанет?

— Его дело. Раз проспит школу, два проспит, а на третий...

— Жалко. Попадет ему.

Дядя Саша поднял вверх указательный палец.

— «Не унижайте жалостью человека!» Кто это сказал? — спросил он.

— Этот... как его... ну, тот...

— Горький это сказал, балбес ты! — Дядя Саша шлепнул меня по макушке. — А теперь топай отсюда. Спать пора. А подсказывать я тебе ничего не буду. Сам не маленький. Подумай.

— Ладно, — сказал я, — подумаю. А вы вот мне что скажите: скажем, я старичка проводил — это как? Потерянное время или нет?

— Хитер! — засмеялся дядя Саша. — На доброе дело время жалеть не надо.

— Да, а вы приписали.

— Ну, ладно, — засмеялся он, — скостим полчаса на доброе дело. Но ведь все равно — плоховато.

— Плоховато. А... а... Мишку будить разве не доброе дело?

— Это я тебе уже разъяснил.

— А отца искать?

— Ты дикарь или цивилизованный человек? Телефон на что?

— А две копейки?

— Ты, парень, не только хитрец, но и нахал. Иди спать!

— Ага! Не все так-то просто. Вот ванна, например. Как же я успею, когда там...

— Марш отсюда! — закричал дядя Саша. — Он мне тут еще квартирные дразги разводить будет!

Я вежливо сказал ему «спокойной ночи» и добавил что-то насчет того, что у летчиков должны быть железные нервы. Он засмеялся и погрозил мне пальцем.

— А между прочим, — сказал он, — интересно, почему это у тебя от 17.15 до 18.00 сорок пять минуток «сгорели голубым огнем»? А?

Ну, что ты с ним делать будешь?! Уел ведь все-таки.

— Да так, — сказал я. — Так вот... как-то...

Дядя Саша хмыкнул и уткнулся в книгу, а я пошел домой и почти сразу лег. Подумать было над чем. И я стал вспоминать этот день. И, во-первых, вспомнил те сорок пять минут: от 17.15 до 18.00. А было вот что. После того как мы расстались с батей, я сразу побежал домой. Бежал, бежал, а на углу Моховой и Белинского растянулся на тротуаре. Какой-то тип подставил мне ногу, и я шлепнулся носом вперед. Правда, удачно шлепнулся — носа не расквасил. Вскочил злой, как черт. Смотрю: стоит здоровенный парень, черный, как цыган, и смеется. И зубы у него, как у нашего Повидлы — белые-белые и мелкие; мне даже показалось, что у него и клыки собачьи есть. Глаза у него маленькие, как бусины, и темные-темные, так что кажется, их вовсе и нет, а просто черные дырки вместо глаз. Мне стало почему-то страшновато. А он смеяться перестал, и рожу у него стала странная, словно ее перекосило на одну сторону. Он взял меня за плечо, прямо как будто клещами вцепился, и сказал:

— Не торопись.

Я даже рот открыл от удивления: такой здоровый парень, а голосок писклявый. Я сразу перестал его бояться.

— Куда торопишься? — спросил он.

— А тебе какое дело?!

Я попробовал вырвать плечо, но он сжал его еще крепче.

— Не сердись, не сердись, — запищал он. — У меня к тебе дело есть. Ты на Моховой живешь?

— Ну, на Моховой, — сказал я нехотя, — а тебе-то...

— А в каком доме?

— Да тебе-то что? — заорал я.

— Значит, надо, коли спрашиваю.

— Пусти! — сказал я. — Ой! В этом, в этом! — я ткнул пальцем в сторону своего дома.

— Так, — сказал он, — а из двадцать седьмого кого-нибудь знаешь? Пацанов каких-нибудь?

— Знаю, знаю! Пусти!

— Кого знаешь?

— Слушай, — завопил я, — отпусти ты мне плечо, я тебе и так скажу.

— Сбежишь?

— Нет!

— Дай честное, — он усмехнулся, — честное пионерское.

— Да ей-богу, не сбегу! — сказал я. Буду я еще каждому типу честное пионерское давать.

— Ишь, ты! — удивленно пропищал он и отпустил мое плечо.

Я все-таки хотел дать деру, но что-то меня

удержало. Вдруг стало интересно, что этому типу надо и кто он такой.

— Костюку из двадцать седьмого знаешь? — спросил он. — Фуфлу?

Тут уж мне совсем интересно стало — какие у этого типа могут быть дела с Фуфлой?

— Знаю.

— Тогда сходи к нему, он в тридцать первой квартире живет. И скажи, что его ждут.

— А кто? Ждет-то кто?

— Скажи... сосед. Понял? Я тут в садике

буду. Ну, топай. Погоди. — Он снова ухватил меня за плечо. — Если его дома нет, ты никому ничего не говори. Понял? Только ему. Да смотри, если смоешься — я тебя из-под земли достану. — И он опять засмеялся, и глаза у него опять стали как две черные дырки.

Я пошел, а почему пошел, и сам толком не знаю. Не то что испугался, пожалуй, любопытно мне стало и подозрительно что-то, больно уж тип какой-то странный.

В тридцать первой квартире мне открыла дверь толстая накрашенная, как кукла, женщина в халате.

— Тебе кого, мальчик? — спросила она.

— Мне... Фуфлу, — сказал я и осекся. Вот ляпнул!

Она засмеялась.

— Кого, кого?

— Костю, — вдруг вспомнил я.

— Костю? — она посмотрела на меня подозрительно. — Зачем?

Ненавижу врать, да что тут сделаешь...

— У нас сегодня... тренировка... футбол.

— Футбо-ол? — удивилась женщина. — А я и не знала, что...

И тут в переднюю вышел сам Фуфло, собственной персоной. Увидел меня и разинул рот.

— Ты чего? — спросил он, когда пришел в себя.

Женщина смотрела на нас во все глаза.

— Ты что, не знаешь, что у нас тренировка сегодня! — заорал я. — Всю команду подводишь.

Фуфло опять разинул рот. Потом закрыл его и хотел что-то сказать, но я ему не дал.

— Пошли-пошли, нечего тут! — снова заорал я и стал толкать и тянуть его к двери, а он снова разинул рот и так с разинутым ртом я вытащил его за дверь.

Он перевел дыхание и сказал свирепо:

— В глаз захотел, да? Чего приперся?

Я ему сразу сказал, в чем дело.

— Какой еще сосед? — спросил он. — Со... сед?! — он вдруг запнулся и даже позеленел.

Стоит передо мной — длинный такой, неуклюжий, волосы чуть не по плечи, губу нижнюю выпятил, моргает, и от нахальства ни шиша не осталось.

— Ну? — спросил он тихо. — Где ждет-то?

— В садике, на Белинского.

— Черный?

— Черный.

— П-перекошенный?

— Перекошенный.

— Визжит?

— Пищит.

— Он, — сказал Фуфло и вздохнул. Да так вздохнул, что мне его жалко стало. Мой пес Повидло так вздыхает, когда ему тяжело.

— Может, не пойдешь? — спросил я.

— Чего уж, — сказал Фуфло и опять вздохнул, — пойдю.

Мы вышли из парадной на Моховую. Фуфло огляделся по сторонам и пошел к садiku. Я пошел за ним.

— Ты отвали, — сказал он.

Он шел уже своей обычной походочкой и даже посвистывал, но я-то видел, что поджилки у него дрожат.

— Отвали, — он вдруг разозлился, — по-хорошему говорю!

— Ладно, — сказал я, — но, если что...

— Пошел ты, — сказал Фуфло, и я отстал от него. Отстал, но сам потихоньку пошел за ним: мало ли что — уж больно он испугался, да и тип тот какой-то... непонятный. Но типа в садике не было. Фуфло покрутился немного, стрельнул у кого-то сигарету и пошел на Литейный, а я отправился домой.

Вот эти-то сорок пять минут я и потерял совсем зря. А может, и не зря? Кто знает?

Сейчас, когда день кончился, я почему-то очень здорово все вспоминаю. Прямо как в кино — прокручиваю все снова и вперед и назад. И все так и стоит перед глазами. Вот и дальше я довольно легко вспомнил, что было, когда я отдыхал — от 20.10 до 22.00. Конечно, это мое личное время. И тут никто ничего не скажет. Но мне-то самому интересно — потерял я это время или... нашел?

Значит, так. В этот район я переехал недавно. В школе этой — всего несколько дней. Ребят знакомых по-настоящему — никого. Скукота. И очень мне вдруг захотелось увидеть Машу Басову. Надо мне было ей кое-что сказать. Она, по-моему, думает обо мне не так, как на самом деле надо думать. Хотя бы с тем антоновским яблоком. На третьем уроке я взял и положил это яблоко на парту прямо перед ней, на ее тетрадку. Она вначале удивилась, посмотрела на меня, а я улыбнулся, дескать, это тебе, бери, яблоко хорошее.

— Антоновка, — сказал я.

Яблоко лежало перед ней такое большое, чуть желтоватое, красивое, и от него так пахло, что ребята в классе начали крутить носами и принюхиваться, но никто ничего не увидел, а увидел только Аполоний — есть у нас такой трясучий парень — зануда такая, ко всем цепляется. Маша сперва нахмурилась, а потом тоже улыбнулась и погладила яблоко, и тут этот трясун прошипел на весь класс:

— Вот из-за этого и началась Троянская война.

Какая еще война, подумал я, а Маша сразу отдернула руку от яблока и столкнула его на пол. Я нагнулся, поднял его, положил к себе в карман, вылез из-под парты и дал Аполонию по шее — он через проход от меня сидит, и я легко дотянулся. Дотянуться-то дотянулся, да схлопотал выговор от учительницы, а потом еще всю большую перемену простоял навзничь перед завучем и слушал разные разговоры про честь школы и про то, что я новенький, а новеньким тем более не положено эту честь марать. Как будто не новеньким — положено.

А потом, когда я после уроков остался в классе, чтобы записать свой хронометраж, появилась Маша Басова и высказалась насчет репейника и насчет того, чтобы я не делал из нее пошлости, что и так уже из-за меня все над ней смеются, и чтобы я приберег свои паршивые яблоки для кого-нибудь другого, например, для той новенькой, которая пялит на меня глаза.

Тогда я ей сказал, что если я репейник, то она тоже не фиалка, а скорее, крапива, и что никто над ней не смеется, кроме этого трясучего

Аполония — я со злости даже его имя перепутал — и если на всяких трясучек внимание обращать, тогда вообще надо на край света бежать или удавиться. «Ну и давай», — сказала она, а я сказал, что это ей надо давиться, ведь это она на этого Аполония внимание обращает, а не я. Тогда она сказала, что по шее-то ему дал я, а не она, значит, это я на него внимание обращаю, и что лучше бы я внимание обращал на ту новенькую, которая...

Тогда я разозлился и сказал, что, может быть, и обращаю, потому что она, по крайней мере, не шипит ни на кого, как кошка, и еще сказал, что если для нее антоновка «паршивые яблоки», то она просто чокнутая. Тогда она сказала... И я сказал. В общем — поговорили!

И вот поэтому мне здорово захотелось встретиться с ней, чтобы все-таки поговорить по-настоящему. Ну, что в самом деле — чудачка какая-то, что я ей плохого сделал?

Но так я ее и не встретил. Покрутился около ее дома, даже во двор заглянул, но так и не встретил. А ведь еще пару дней назад она мне на каждом шагу попадалась.

Я еще с полчаса покрутился около ее дома, даже подумывал, не зайти ли — ведь уже заходил раза три, но махнул рукой и пошел куда глаза глядят. Шел и думал, как бы мне оставшееся время с пользой убить. Вот сморозил! «Убить с пользой». Я посмеялся над собой и тут увидел ту самую новенькую, про которую Маша говорила, что она... Чепуха это — вовсе она и не пялит глаза специально на меня.

Увидел я ее вдруг и подумал: а что, если я возьму и подойду к ней? Интересно, что получится? А что должно получиться? Охо-хо, Половинкин, подумал я, чего-то ты не того... И подошел.

— Здорово! — сказал я.

— А-а, здравствуй, Семен Четвертинкин, — сказала она и засмеялась.

На шутки я не обижаюсь и потому засмеялся тоже.

— Здравствуй, Татьяна Шарикова, — сказал я. Ее фамилия — Шарова.

— Здорово, Восьмушкин, — ответила она.

— Привет, Шарикоподшипникова, — сострил я.

— Салют, Полуторкин, — сострила она.

— Чао... Шарообразникова.

— Салям алейкум... Десятичкин.

Я понял, что мне ее не одолеть и засмеялся. Она тоже засмеялась и сказала:

— Ну, остановились? А то я так до периодических дробей дойду. Пока 4:3 в мою пользу. Так?

— Так, — согласился я.

— Ну, раз так, — сказала она, — тогда здорово, Половинкин. — И протянула мне руку.

Я хлопнул ее по руке и тоже сказал:

— Здорово, Шарова!

— Ого, — сказала она, — с чего это ты стихами заговорил?!

И мы опять засмеялись. Ничего, славная она девчонка, веселая.

— Куда бредешь? — спросил я.

— Прожигать жизнь, — сказала она.

— Как так?

— Ну, кутить.

— Чего, чего?

— Серый ты, Половинкин, — вздохнула она. — Ну, по мороженому ударить. Айда!

Я свистнул и хлопнул себя по карманам.

— Это не беда, — сказала она. — Сам пропадай, а товарища выручай. Пошли!

— Неудобно как-то, — промямлил я.

— Вот уж не думала, что ты пижон, Половинкин, — сказала она насмешливо.

— Ну, ладно, — сказал я, — за мной будет. А куда?

Она достала из карманчика кошелек, взяла меня за руку, высыпала мне на ладонь всю мелочь и начала считать.

— Девяносто шесть коп., — сказала она, — четыре раза по девятнадцать и двадцать коп. на газировку. Кутить так кутить.

И мы пошли на Литейный в «Мороженое», купили по четыре шарика, разного, и сифон газировки. Сели за столик у окна и начали разговаривать на разные темы и, в первую очередь, конечно, о нашем классе — мы ведь оба были новенькими и нам было интересно узнать, что каждый думает о ребятах и учителях. Кто-нибудь услышал бы нас, сказал бы — вот расплетничались. Но мы вовсе не сплетничали, а просто обменивались мнениями. И в большинстве случаев у нас мнения были одинаковы, только она как-то очень здорово умела определить человека. Скажет два-три слова — и полная характеристика.

Из учителей нам больше всего понравилась Маргарита Васильевна — Маргоша, как ее в классе зовут. Она у нас классная руководительница, а преподает географию, и очень интересно преподает — всегда у нее что-нибудь новенькое узнаешь, чего и в учебнике нет. И потом она все понимает и не задается, и разговаривает с ребятами без криков и без всяких там «сю-сю-сю», по-товарищески, как с друзьями, но трепачей и задавал, по-моему, не любит. И правильно! И веселая она, а я думаю, раз человек веселый и умеет шутить и смеяться, значит, он человек хороший.

— Маргоша — золото, — сказала Татьяна, — и хи-итрая.

— Почему же она хитрая? — спросил я.

— Ну, она по-хорошему хитрая, — сказала Татьяна. — Она нас всех насквозь видит.

— Верно, — сказал я, — золото. У нее и волосы золотые.

— Ишь ты, — сказала Татьяна, — заметил.

А чего же тут не заметить?

— Заметил, — сказал я. — Я и не только это заметил.

— А что ты еще заметил?

— Кое-что заметил.

— Наблюдательный, — сказала Татьяна и усмехнулась. — А ты заметил, на кого этот... как его... Аполоний похож?

— На змея, — сказал я, чтобы не ударить лицом в грязь, хотя почему на змея — и сам не знал.

— Ну уж, на змея, — сказала Татьяна, — на чики-пики он похож, вот на кого.

— На кого, на кого?

— На чики-пики. Есть такой попугай. Он все время дергается, всех передразнивает, крутится и так и сяк, чтобы его заметили, а сам такой несчастный, когда его не замечают — горючими слезами заливается.

Не знаю, может, она и придумала такого попугая, но точно, это к Аполонке подходило. Я засмеялся, но в душе-то почему-то даже жалко его стало. Чики-пики!

Про Герку Александрова она только одно сказала:

— Сознательный-самостоятельный.

И тут я не понял, то ли она хвалит его, то ли ругает. Вообще, и верно, может показаться, что мы сплетничаем — только чужие недостатки обсуждаем. Неверно это. Наоборот, мы решили, что ребята в классе хорошие, только их немного расшевелить надо.

— А кто мы такие, чтобы их расшевеливать? — спросил я, потому что мне пришло в голову, что мы еще не знаем их как следует — мы новенькие, а у них уже давно свой коллектив.

Я сказал об этом Татьяне, а она сказала, что поживем — увидим. А потом еще сказала, что вообще-то она зайцев не любит, то есть самих зайцев любит, а вот людей-зайцев — нет. Не любит еще врунов, подхалимов, нытиков, задавал, воображал, пижонов, жуликов, деяг, зубрил, дураков, нахалов и тех, у кого «моя хата с краю» и «своя рубашка ближе к телу». Словом, всех, кого я сам терпеть не могу, только я их не всегда умею распознать и довольно часто ошибаюсь, и это довольно обидно.

Я ей об этом сказал, и тут она меня огоршила.

— А ты, чтобы не ошибаться, — сказала она, — чаще на себя посматривай.

— Эт-то как п-понимать? — спросил я. — Эт-то что же? Значит, и я тоже?..

Опять стихами заговорил, — засмеялась она.

Футы-нуты! Может, и прав был тот старичок, что я стихи пишу?!

— Ладно, — сказал я, — ты не отговаривайся. Что же, значит, и я...

— Конечно, — сказала она. — Ну-ка, вспомни, разве ты никогда, например, не задавался? И никогда не трусил? И не пижонил?

У меня, наверно, была такая дурацкая рожа, что она вдруг посмотрела на меня и начала хохотать так, что на нас все стали оглядываться.

— Ох, и вид у тебя, — сквозь смех сказала она, — прямо как будто сейчас топиться побежишь. Да ты не расстраивайся.

Я как-то об этом никогда не задумывался, какой я есть — такой и есть. Только вот, пожалуй, последнее время стал задумываться, да и то не очень.

— А ты, кажется, ничего парень, Сеня, — сказала Татьяна. — Мне мой дед говорит, что если человек начинает задумываться, какой он, значит, еще не все потеряно. Может быть, из него тоже гвозди можно будет делать.

— Какие гвозди? — удивился я.

— Стихи есть такие. Мой дед их очень любит. «Гвозди бы делать из этих людей...»

— «Крепче бы не было в мире гвоздей!» — заорал я.

— Ага, — сказала Татьяна. — Знаешь?

По-моему, она тоже удивилась. А я подумал, что вот не иначе опять со мной происшествие. А вдруг ее дед — тот самый старичок, который меня в магазине выручил? Но я ничего не сказал. Надо проверить, а потом, если это так, взять да и закатиться к старичку в гости — ведь он меня приглашал. Вот у Татьяны глаза на лоб полезут!

— Хорошие стихи, — сказала Татьяна. — А насчет разных ошибок, так они у каждого бывают. У меня их тоже вагон и маленькая тележка.

Я растрогался и вспомнил, что у меня в кармане так и лежит яблоко, которое швырнула мне обратно Маша. Я достал яблоко и протянул его Татьяне.

— О-о! Антоновка! — сказала она.

Она сказала это так вкусно, что немножко я повеселел. И в самом деле, наверно, есть во мне и кое-что хорошее. Наверно, есть. Надо только... Но что «надо», я так и не успел додумать. За окном на тротуаре, прямо против нашего столика стояла Маша Басова и смотрела, как мы уплетаем мороженое. Глаза у нее светились зеленым светом, как у семафора. Я даже вздрогнул от неожиданности, и мороженое с ложечки упало мне на штаны. Вообще-то я редко теряюсь, а тут почему-то здорово

растерялся, как будто меня поймали на чем-то... Я уставился на Машу, а она вздернула подбородок кверху и, не оглядываясь, ушла.

— Ты чего в окно уставился? — спросила Татьяна.

— Так, — сказал я, — задумался.

— Ах, задумался, — засмеялась она, и я не понял, видела она Басову или нет.

Я вдруг заторопился. Посмотрел на летчиковы часы и сказал, что, пожалуй, пора домой, у меня еще дел невпроворот.

— Пошли, — сказала она.

Мы быстро доели мороженое и вышли. Некоторое время шли по Литейному и молчали. Потом Татьяна посмотрела на меня искоса и тихонько спросила:

— А как тебе Маша Басова? Нравится?

Я даже остановился. Что она, мысли читает, что ли? Я начал было что-то мямлить: «да так», «ничего», «так себе», но тут же разозлился на себя — что я, в самом деле, этой Татьяны боюсь? — и решительно сказал:

— Нравится! А что?

— Правильно, — сказала Татьяна. — Она, по-моему, мировая девчонка.

— Ага! — сказал я.

— Я бы хотела с ней дружить.

— Правильно! — сказал я.

— Ну, разбежались, — сказала Татьяна, когда мы дошли до улицы Некрасова.

— Я провожу, — сказал я.

— Не надо, я на трамвай — до рынка, — она протянула мне руку. — Спокойной ночи, Периодиккин.

— Спокойной ночи, Круглошарикова, — ответил я.

Рука у нее маленькая, но крепкая и теплая.

Я бежал домой и думал, что вот с этой Татьяной совсем запросто можно обо всем поговорить, и пошутить, и посмеяться, а с Машей никак ничего у меня не получается: колючая она какая-то, как ерш. Я засмеялся — она ерш, а я — репейник. Ну, раз репейник, так я от нее и не отцеплюсь! Вот такие пироги, как говорит дядя Саша.

Все это, весь свой день я и вспоминал, лежа в кровати. А когда вспомнил, решил, что в общем-то все не так уж страшно. Надо быть только более организованным и уметь исправлять свои ошибки. Вот с завтрашнего дня я и начну их исправлять.

Да, а зачем это бате понадобился Венька Жук? Не забыть бы завтра спросить.

... На следующее утро я запросто сдернул с Мишки одеяло и пошел умываться. А когда вернулся, Мишка опять был под одеялом, закутанный с головой, как в спальном мешке. Я определил, где у него уши, и дернул через одеяло за ухо. Он чего-то забурчал.

— Встаешь? — спросил я.

— Отлипни, — занял Мишка.

— Твое дело, — сказал я и пошел на кухню. В дверях обернулся и увидел, как Мишка от удивления высунул нос. «Удивляйся, удивляйся, — подумал я, — то ли еще будет».

Ольга почему-то встала самостоятельно, и мы с ней быстро позавтракали. Батю я будить не стал — на столе лежала записка: «Пришел поздно, буду спать до 12-ти».

— Выйди с Повидлой, — сказал я Ольге.

— Чего-о-о? — пропищала она. Но я не стал повторять и начал собирать портфель.

— Я опоздаю, — опять запищала Ольга.

— Не опоздаешь, — сказал я строго.

Она тоже очень удивилась, но взяла поводок. Повидло тоже, по-моему, очень удивился: посматривал то на меня, то на Ольгу, и даже повизгивал от удивления. Но я не обращал на них внимания и занимался своим делом.

Они ушли с обиженным видом. Маму я будить не стал и направился в школу. «Приду с запасом, чтобы не опоздать», — решил я. Я

уже был в дверях, когда из-за ширмы вышел отец в трусиках и в майке.

— Семен, почему Мишка не встает? — спросил он. — Заболел, что ли?

— А не знаю, — сказал я равнодушно.

— Ты что, не будил его? — удивился отец.

— Будил, — сказал я еще равнодушнее.

— Ну и что? — еще больше удивился отец.

— А ты его спроси, — сказал я.

— Гм-м, — промычал батя, — интересный разговор. Что это с тобой?

— Ничего, — сказал я и пожал плечами. — Не маленький, пусть к дисциплине привыкает.

Батя внимательно посмотрел на меня и засмеялся.

— Ишь ты! Ну что ж, может, и правильно. Не будить, значит? Опоздает ведь.

— Раз опоздает, два опоздает...

— Ладно, попробуем, — сказал батя.

— Ну, я пошел, — сказал я и тут же вспомнил, что не спросил про Веньку Жука. Но батя сам спросил у меня очень серьезно:

— Слушай-ка, так что он за парнишка, Венька Балашов?

Ну что я мог ответить? — я сам его мало знаю. Если не считать двух-трех разговоров... Кто его знает, вроде ничего парень, только злой какой-то и затюканный.

— А что? — спросил я.

— Видишь, какое дело. Похоже, у него серьезные неприятности намечаются. Хотелось бы знать... — сказал батя задумчиво.

— Что я, за ним следить должен, что ли? — спросил я. — Ты участковый, ты и следи.

— Ладно, — сердито сказал батя. — Сыпь в школу. А насчет «следить» вечером поговорим.

А в самом деле, что я — на своих ребят капать должен, если у меня отец милиционер? Дудки! И пусть не обижается. А Венька... что Венька? Парень как парень.

Во дворе я встретил Ольгу. Передник у нее был в пыли и нос в пыли, а коленки расцарапаны. Сама злая и чуть не плачет. А Повидло был ужасно виноватый и подлизывался к ней всячески.

— Ты чего? — спросил я.

— «Чего, чего», — сердито сказала она. — Не могу я с этим... Повидлой гулять. Увидел на той стороне какую-то шавку — ка-ак рванет. Я через барьер и через кусты перелетела. И на пу-зе через всю Моховую проехала. Вот теперь опоздаю из-за тебя.

Мне стало ее ужасно жалко, и я не выдержал. Взял у нее поводок, вытянул разок Повидлу вдоль спины, ухватил Ольгу за руку и понесся с ней домой. Смазал ей коленки йодом, вымыл мордаху, заставил переодеть передник, помог портфель собрать, опять схватил за руку, и мы вместе понеслись в школу. И по дороге я думал, что опять у меня что-то не так получается. Мишка-то ведь еще дрыхал. Несправедливо!

Уже совсем неподалеку от школы мне опять подставил ножку тот вчерашний парень с собачьими зубами и черными, как дырки, глаза-

ми. На этот раз я не упал — дерево помогло, я в него и врезался.

— Опять торопишься, — сказал парень.

— Беги, — сказал я Ольге. — Опоздаешь.

— А ты? — спросила она.

— Я сейчас, — сказал я.

Она побежала, но несколько раз оглядывалась. А у самой школы остановилась и некоторое время смотрела на нас. Видно, что-то ей не понравилось. Я махнул ей портфелем, и она нехотя пошла в школу.

— Ну, чего тебе? — спросил я у парня.

— Ты чего же уговор не выполняешь? — спросил он, оскалившись.

— Да ведь ты же сам ушел! — заорал я. — Я в садик вместе с твоим Фуфлой приходил, а тебя уже не было.

— А ты бы подождал, подождал бы, — пропищал он. — Так вот давай-ка сейчас стонь. А я вон на том углу подожду.

— Да пошел ты! — сказал я. — Я в школу опаздываю. И что я тебе, посыльный, что ли?

Он стиснул мне плечо, как вчера, — тут уж я чуть не запищал. И в это время на той стороне улицы я увидел Веньку Жука. А он увидел меня с этим типом и остановился как вкопанный, мне показалось, что он хочет драпануть — как-то он странно дернулся назад и вперед. В общем, явно испугался. Но потом довольно решительно направился к нам. И тут парень тоже заметил его. Он сразу выпустил мое плечо и уставился на Веньку, прищурившись. А Жук подошел как-то боком и стал рядом со мной.

— Приехал? — спросил он мрачно.

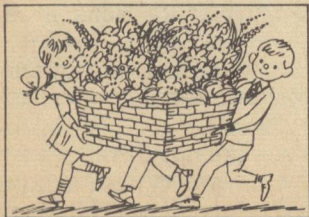
— Кто приехал? — пропищал парень. Венька и бровью не повел.

— Чего тебе от него надо? — спросил он и кивнул на меня.

— А ты кто такой, — опять спросил парень, — чтобы меня допрашивать?

— Ладно, кончай, — отрезал Венька зло, повернулся ко мне и сказал: — Ты иди.

Продолжение следует

Несет зонтолет КОСтю ТЕРкина на запад. И вот он на зеленой равнине Литвы. Видит: ребята тащат корзины чудесных цветов.

— Откуда такие? — спросил КОСтя ТЕРкин.

— Сами вырастили, — ответили ученики 27-й школы Каунаса, — в знаменитом цветководческом Жежмарском питомнике. Загляни к нашим соседям, ученикам 20-й школы, что работают в совхозе «Ботняба», увидишь, какие прекрасные овощи уродились там!

А потом в путь на страницу 31.

СЕРГЕЙ ДАВЫДОВ

Помню, как я встретился с чудом.

Мне было десять лет. Я жил в Ленинграде, в Гавани, читал книги про гражданскую войну, играл в казаки-разбойники и в лапту (была такая игра в наши «доисторические» времена) и учился в школе. Стихов я тогда не писал и даже не читал. Кро-

ме тех, конечно, которые в школе задавали.

Однажды я пришел в нашу школьную библиотеку. Она помещалась всего в одной комнате, поэтому в ней всегда было тесно, всегда стояла очередь. Я стал в очередь и от нечего делать заглянул в книжку, которую читала девчонка впереди

меня. Это были чьи-то стихи. Я прочитал четыре строчки:

*Развернись, гармоника,
по столику,
я тебя, как песню, подниму.
Выходила
тоненькая-тоненькая,
Тоней называлась потому...*

Строчки эти так меня удиви-

* * *

Я к ним приполз под вечер,
А с рассвета
Они держали церковь вшестером.
Летела штукатурка с парашута,
Трещал напротив, догорая, дом.
Колючих трасс неторопливый росчерк,
И пулемет, грохочущий в окне.
И что еще...
Но, в общем, ладно,
В общем,
Все было, как бывает на войне.
Я притащил патроны и оружие
И молча лег у бруствера седьмым...

Пусть я всегда так буду людям нужен,
Как нужен был вот этим шестерым!

1955

ли, что я стал их все время повторять про себя: «Выходила тоненькая-тоненькая... Выходила тоненькая-тоненькая...» Игру в лапту — повторяю. В казаки-разбойники — повторяю. На уроке сижу — тоже самое. Как, думаю, поэт нашел такие слова, как догадался их рядом поставить? С тех пор я и стал знакомиться с поэзией. Тогда мне даже показалось, что поэт может обращаться со словом как угодно. Даже как жонглер в цирке с шариком. Например, вот так:

*Маленькая рыбка,
жареный карась,
где твоя улыбка,
что была вчера?»*

Вот тогда я решил сам попробовать написать стихи. Но у нас в классе не было Тони. А была красивая девчонка, которую звали Женька Второва. Я и написал про нее.

А потом, через несколько лет, началась война. У меня не сохранились стихи, написанные в блокаду. В армии, а я стал сол-

датом в шестнадцать лет, я почти не писал стихов. Потом, после войны, работал на заводе, и в 1956 году вышла моя первая книжка стихотворений. В этой первой же книжке я напечатал стихи о знакомстве с поэзией. Были в этой книге, разумеется, и стихи о только что пережитой нами всеми войне.

Вот сколько лет прошло с тех пор, как я прочитал те четыре строчки. До сих пор помню ту минуту. До сих пор живет во мне это ощущение чуда.

Сергей Кавыков

ЗНАКОМСТВО С ПОЭЗИЕЙ

...А в стекло капле стучится ранняя.
В феврале нагрянула весна!
Только я на это ноль внимания,
Даром, что и парта у окна.

Книжку примостил под подоконником,
Строчки еле видны самому:
«...Выходила тоненькая-тоненькая,
Тоней называлась потому...»

Хорошо! Да что там, очень здорово!
Буквы, а какая в них краса...
Если бы и мне про Женьку Второву
Самому такое написать!

Вот возьму перо и очень просто я
Про нее, ну все, что захочу...
Нет, нельзя про Женьку, — Женька толстая
И не поэтичная ничуть.

Тут, не знаю, может, кем-то выдан
Или был замечен строгим глазом,
Только слышу: «Ну-ка встань, Давыдов,
Дай дневник и выйди вон из класса!»

Значит, снова на окошке греться
В коридоре. А потом опять
Разговор с папашей...

Так вот с детства
За стихи мне начало влетать!
1954

Рисунки В. Орлова

У самых Кавказских гор

А. Семенов

Фототелеграф и коровы

Из-за гор поднималось солнце. Утренняя работа была закончена. Заведующий Юсуф Балаев вынул из ящика стола чистый бланк и чернилами вписал в него несколько цифр. Здесь же на столе у Балаева стоял небольшой светло-серый аппарат, покрытый прозрачной крышкой. Балаев откинул крышку и вставил бланк с цифрами в прорезь круглого валика. Потом он снял с рычажка телефонную трубку, набрал номер.

— Диспетчерская? Здравствуйте... Примите от первой. Готово? Начали.

Он нажал кнопку, и аппарат заработал. Валик стал быстро вращаться с мягким жужжанием, и цифры, проставленные в бланке, слились в синие полосы.

На другом конце провода, в диспетчерской, с таким же тихим жужжанием работал второй аппарат — приемный. В нем на чистом листе бумаги возникала точная копия документа: и дата, и цифры, и подпись Балаева с тонкой змейкою на конце...

А теперь попробуйте отгадать, где происходит действие нашего репортажа: в лаборатории научного института? В горном метеоцентре? В аэропорту?

Пока шла передача, Балаев решил еще раз пройтись по ферме, проверить, все ли в порядке. В кормушках лежал свежий силос. Коровы звучно жевали, лениво помахивая хвостами...

Итак, фототелеграф установлен... в коровнике?!

Да, в коровнике. На колхозной ферме. Это, конечно, несколько непривычно, но факт

„В целях совершенствования планирования народного хозяйства обеспечить широкое применение экономико-математических методов, использование электронно-вычислительной и организационной техники и средств связи“.

Директивы XXIV съезда ЕПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы.

Раина копилка

В этот день в диспетчерской колхоза дежурила Рая Покитко.

Работы с утра было много. Фототелеграф принял сводки со всех животноводческих ферм. В них сообщалось, сколько за сутки надоено молока, сколько собрано яиц, сколько чего продано государству и еще много других важных сведений.

Пока валик фототелеграфного аппарата вращался и печатал, печатал цифры, руки у Раи были свободны. Она могла связываться по радио с полеводческими и тракторными бригадами — свое условное имя. Иначе говоря, позывные.

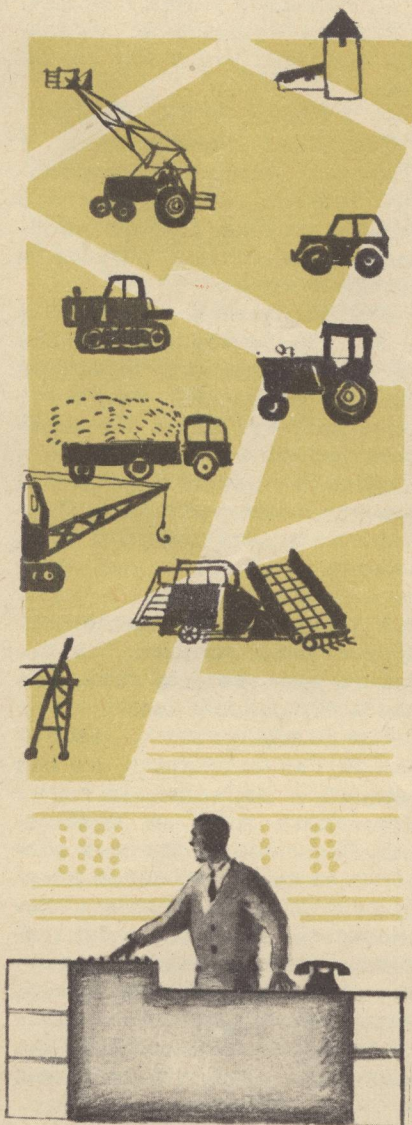
— Дунай, я Ромашка, — сказала Рая, включив рычажок на своем радиотелефонном пульте.

И тотчас же в диспетчерской раздался голос бригадира первой бригады:

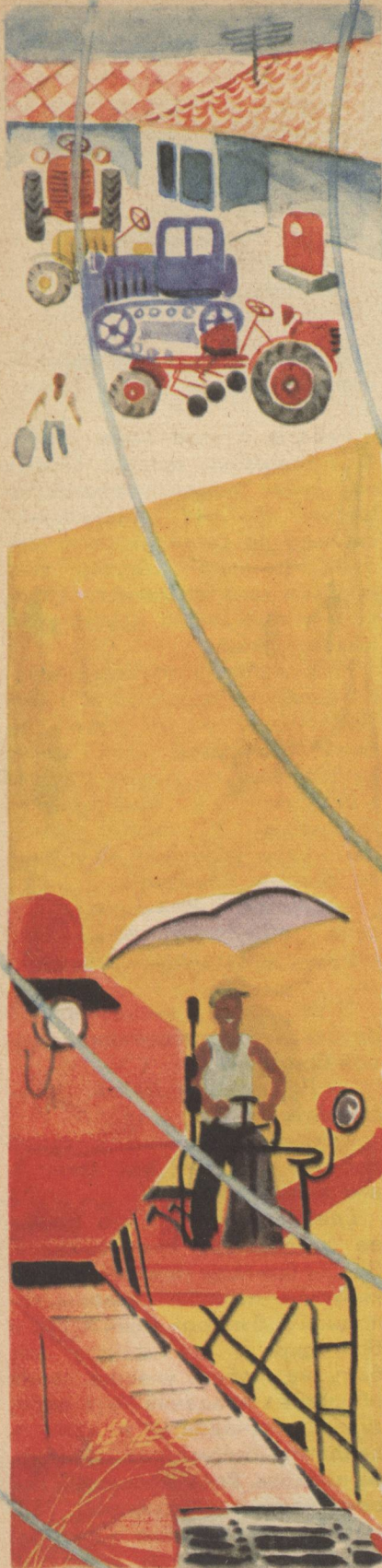
— Ромашка, я Дунай. Записывайте.

«Дунай» доложил о своей работе: как сеет, как пашет и как дела с горючим.

Где находился в это время ее собеседник, Рая не знала. Земли бригады привольно раскинулись по обе стороны холодной и быстрой реки Ассы, и бригадир в эту минуту мог быть на любом участке своих обширных владений — в десяти, в пятнадцати и даже в двадцати километрах от центра колхоза. Ведь маленькая переносная радиостанция РСВ смонтирована прямо в его машине. И в машинах у других

есть факт. Дело в том, что в станции Нестеровской, близ города Грозного, в колхозе «Путь к коммунизму», о котором мы вам рассказываем, создана диспетчерская служба. Что это такое? Для чего она? Сейчас разберемся.

колхозных руководителей такие же радиостанции. Понимаете, как это удобно? И председатель колхоза, и бригадиры, и агрономы, где бы ни находились и чем бы ни были заняты, — все они могут в любой момент связаться с диспетчерской и передать через Рая любое распоряжение, любую просьбу.

— Ромашка, я Терек. Прием. «Терек» — позывной четвертой бригады. Что у них случилось?

— Я Ромашка. Вас слушаю. Серьезная неприятность у «Терека». Испортился дизельный трактор. Вышел из строя насос-форсунка. Срочно необходима ремонтная летучка и запасные детали.

Это сообщение поступило в 11.35. Рая немедленно нашла по радио главного инженера колхоза и узнала, какую послать летучку. Затем она передала указание в мастерскую и сообщила на склад, чтобы срочно нашли запчасти. Прошло пятнадцать минут. В 11.50 ремонтная летучка уже мчалась к месту аварии.

А раньше, когда диспетчерской службы не было, на вызов летучки уходило в среднем три с половиной часа!

Однажды, уходя с работы домой, Рая подсчитала, что она приняла и передала за смену двенадцать срочных сообщений. Получалось, что она сэкономила за смену не менее десяти рабочих часов главным специалистам колхоза и шестнадцать часов машинного времени тракторов. Иначе говоря, она за смену принесла колхозу столько пользы, сколько два трактора и два специалиста с высшим образованием!

Очень ей понравились эти цифры. Прибавилось уважения к своей работе. И к себе тоже... И подумалось: «Если смена за сменой складывать эти часы и минуты, откладывать будто в копилку, это ж сколько за год получится!..»

Потом, правда, она забыла

об этой идее. Общую выгоду от диспетчерской службы вместо нее подсчитали ученые. По их расчетам выходит, что диспетчеры за год своим трудом как бы добавили колхозу десять тракторов и комбайнов, а руководителям и специалистам хозяйства сэкономили почти три месяца рабочего времени. Вот такая копилка!

Комната — записная книжка

Рая — сменный диспетчер. А главный диспетчер колхоза — Василий Семенович Павлов. У него обязанности сложнее. Он должен внимательно изучить все цифры и сводки, которые стекаются к Рае, и сделать из них полезные выводы. Необходимо быстро и глубоко разобратся, какая бригада или ферма отстала, в чем причина, чем нужно помочь.

Для этого Василий Семенович должен прекрасно помнить и знать все-все о жизни колхоза: какие у кого планы, какие сроки работ, где заняты тракторы и машины, какие в ремонте, а какие в резерве. Разве можно все это удержать в голове?

В помощь своей перегруженной памяти люди обычно заводят карманные записные книжки. Но Василию Семено-

вичу одной книжки было бы мало. Да и хлопотно это: с утра до вечера листай туда-сюда затрепанные странички.

Василию Семеновичу служит записной книжкой вся комната — вся диспетчерская.

На стенах колхозной диспетчерской развешаны и смонтированы самые разнообразные схемы и стенды. Они яркие, разноцветные и очень удобные. Один стенд ежедневно показывает, какие работы намечены в колхозе по плану именно на сегодняшнее число. Рядом — большая цветная схема всех колхозных полей. Но самая интересная страничка в «записной книжке» Василия Семеновича — стенд размещения сельскохозяйственной техники. С чем бы его сравнить?

Отчасти он похож на кукольный театр, потому что по нему самостоятельно двигаются маленькие фигурки тракторов и комбайнов. На фигурках — номера. Они соответствуют номерам настоящих тракторов и комбайнов, которыми располагает колхоз.

А еще этот стенд напоминает кино, потому что есть в нем большой экран — экран-карта колхозной территории. Он ярко освещается изнутри.

И, наконец, имеется пульт управления. На нем обычный телефонный диск с цифрами. Наберет Василий Семенович на этом диске номер нужного трактора, потом укажет на карте номер поля, где этот трактор должен работать, — макетик пополз по экрану на указанное ему место!

Так в течение трех минут можно развести по «рабочим местам» всю «колхозную технику». Этот стенд, такой наглядный и выразительный, очень помогает диспетчерам планировать и контролировать работу машинно-тракторного парка.

Между прочим, идея стенда родилась здесь же, в колхозе. Ее автор — председатель артели Дмитрий Григорьевич Ка-

чаров. А конструкцию разработали инженеры Грозненского института нефти и газа. Творческое содружество колхоза и научного института — яркая примета нашего времени.

Гаданье под окном

Бок о бок с диспетчерской разместилось колхозное машинно-счетное бюро. Там на портативных электронных машинах работают девушки-операторы. Одну зовут Люба Дацина, другую — Раиса Токарева. У счетных машин имена иностранные: «Элка», «Аскет» и «Зоемтрон».

Вот бы такие машины вам в класс! На урок математики! Они мгновенно вычитают и складывают, делят и умножают любые числа, хоть двузначные, хоть пятизначные.

Получают операторы из диспетчерской пачку листочков с цифрами (с теми самыми, помните, что были собраны со всех ферм и бригад) — раз, раз, раз — и готова общая сводка. Еще несколько операций — готова ведомость на зарплату... Только тихо постукивают светленькие кнопки и клавиши да помигивают желтые огоньки.

И Тамара, и Рая, и Рая-диспетчер, и Василий Семенович — колхозники. А работа у них — дай бог справиться инженеру или технику. Вот почему частенько у широких окон диспетчерской и у окон вычислительного бюро можно застать ребят и девчат из местной станичной школы. Они с интересом присматриваются и, конечно, примеряют к себе эти новые, очень нужные колхозу профессии.

Министр сельского хозяйства РСФСР издал приказ: в ближайшие годы диспетчерскую службу должны организовать у себя еще семь тысяч колхозов и совхозов республики. Важное, полезное дело!

ЗОРИ-ЗАРНИЦЫ

Слова Евг. Долматовского

Музыка А. Экимяна

Серебристая песня трубы
Прозвучит и замрет в отдаленье.
В этих звуках частица судьбы
Моего поколения,
Твоего поколения.

Первые радости,
Здравствуйте, здравствуйте,
Мы на линейку бежим.
Лагерь над речкою,
Галстуки красные,
Сбор пионерских дружин.

К нам приходит седой ветеран,
Вспоминает былые дороги.
Тот сигнал поднимал по утру
Эскадрон по тревоге,
Гарнизон по тревоге.

Звуки летящие,
Звуки зовущие,
Память отчаянных дней:
Рысью размашистой,
Но не распушенной,
Для сбереженья коней.

Про отвагу и воинский труд
Нам рассказы всегда интересны.
Отражаемся в зеркале труб,
Словно вышли из песни
И останемся в песне.

Старые всадники
Рядом с горнистами
Вечно в едином строю.
Зори романтики
Вместе с зарницами
Жизнь озаряют мою.

Серебристая песня трубы
Прозвучит и замрет в отдаленье.
В этих звуках частица судьбы
Моего поколения,
Твоего поколения.

Первые радости,
Здравствуйте, здравствуйте,
Мы на линейку бежим.
Лагерь над речкою,
Галстуки красные,
Сбор пионерских дружин.

К нам приходит седой ветеран,
Вспоминает былые дороги.
Тот сигнал поднимал по утру
Эскадрон по тревоге,
Гарнизон по тревоге.

Звуки летящие,
Звуки зовущие,
Память отчаянных дней:
Рысью размашистой,
Но не распушенной,
Для сбереженья коней.

Про отвагу и воинский труд
Нам рассказы всегда интересны.
Отражаемся в зеркале труб,
Словно вышли из песни
И останемся в песне.

Старые всадники
Рядом с горнистами
Вечно в едином строю.
Зори романтики
Вместе с зарницами
Жизнь озаряют мою.

рис - та - я пес - ня тру - бы Про - зву - чит и за - мрет в от - да - лень - е. В э - тих зву - ках час - ти - ца судь -

- бы мо - е - го по - ко - лень - я, тво - е - го по - ко - лень - я.

Пер - вы - е ра - дос - ти, здравствуйте, здравствуйте. Мы на ли - ней - ку бе -

- жим. Ла - герь над реч - ко - ю, гал - сту - ки крас - ные, сбор пи - о - нер - ских дру - жин. Ла - герь над реч - ко - ю,

гал - сту - ки крас - ные, сбор пи - о - нер - ских дру жин.

А для повторения | А для окончания

ВСПОМИНАЯ ПИОНЕРСКОГО ДЕДУШКУ

Л. Подвойский

Наша пятая школа находилась недалеко от Кремля. В ней учились и ребята, родители которых работали в Кремле. Некоторые встречались и разговаривали с Лениным. Об этих встречах ребята охотно рассказывали. Только из Шуры Калинина, чаще других встречавшего Ильича, слова приходилось тащить клещами.

— Ну, видел... — басил Шура. — Просто подошел... Просто поговорил.

Я вспоминал Шурины слова всякий раз, когда встречался с его отцом, Михаилом Ивановичем Калининым, или слышал рассказы о нем.

М. И. Калинин запросто приезжал к нам в пионерский отряд. На заводе «Серп и молот», когда я стал рабкором многотиражки «Мартеновка», мне довелось записывать рассказы заводских старожил о Всесоюзном старосте...

В своих беседах с рабочими Калинин никогда не уходил от трудных вопросов.

Рассказали и такой случай.

На заводе проваливалась подписка на первый заем индустриализации. Крикуны из бывших эсеров пытались сбить с толку беспартийных рабочих, уговаривали денег на заем не давать...

Тогда-то в партачейку позвонил Михаил Иванович.

— Как дела с займом?

— Плохо, Михаил Иванович. Очень плохо...

— Понятно. Сейчас приеду, — чуть больше, чем обычно, окая, сказал Калинин.

О его приезде коммунисты сообщили в гвоздильный, болтовой, мартеновский цехи. Клуба на заводе тогда не было. Собирались в столовой. Михаил Иванович еле протиснулся к столу, покрытому куском кумача.

«Как же будет агитировать рабочих за подписку их де-»

тат в Моссовет?» — волновались друзья.

— Не желаю! — вдруг громко объявил Калинин и, вытащив из кармана красный депутатский мандат Моссовета, бросил его на стол. — Не желаю быть депутатом Совета от тех, кто от советской власти отвернулся и к ее врагам перешел, — повторил Калинин.

— Как же так, Михаил Иванович? Мы тебя уважаем, знаешь как? — раздались голоса.

— Если бы уважали, подписку на заем не сорвали бы, — жестко произнес Калинин и направился к выходу.

Но это было затишье перед бурей. Споры разгорались, как пожар. Верх в них брали коммунисты.

Через несколько дней подписка была проведена полностью.

— Умеет Калинин задеть рабочую совесть, — говорил мне потом вальцовщик Арсентий Гладышев, награжденный орденом Трудового Красного Знамени.

...Был Михаил Иванович большим другом пионеров. В какой бы город или большое село ни приезжал, обязательно заглянет в отряд. В журнал «Барабан» лично ему приходили письма с таким адресом: «Москва, Пионерскому дедке».

На Первой московской конференции юных пионеров в 1923 году В. И. Ленина и М. И. Калинина избрали почетными председателями.

— Владимир Ильич по болезни, а Михаил Иванович по делам не могут быть с нами, — объявил председательствующий и прочел письмо:

«Очень жалею, что неотложные дела лишили меня возможности в этот знаменательный для всех день быть с вами.»

Председатель ЦИК М. Калинин»

— Ура пионерскому дедушке! — раздался дружный возглас тысячи пионеров — делегатов всех московских отрядов.

М. И. Калинин с деревенскими ребятами. 1925 год

РУКА ДЕТСТВА

РАССКАЗ

Сергей Воронин

Рисунки Ю. Шабанова

Мы познакомились в Доме творчества в Гаг-ре. Он приехал из Баку, преподаватель истории Гафиз Мамедович Султанов. О многом говорили мы. Однажды зашел разговор об известном азербайджанском академике.

— А знаете, какое у него было детство? Ведь он родился в Иране. Вот, послушайте... — И Гафиз Мамедович рассказал мне, а я написал, полагая, что никогда не бывает лишне напомнить о нашей большой доброй стране, где для детей все создано, чтобы они были счастливыми.

Его отгоняли, как собаку. Боялись, украдет чурек, а если не украдет, то слазит его, пока он печется в очаге, тендере. И гнали маленького отрепыша. Бросали комья жесткой земли, как в собаку. И в собаку бросали камни и жесткие комья земли. И она, визжа, отбегала от тендера. Поджав хвост, сгорбившись, бежала за маленьким отрепышем.

Они убегали в долину. И там, среди накаленных солнцем камней, долго сидели рядом — мальчик, всхлипывая, собака, зализывая свои раны. Постепенно боль и обида отходили и мальчик начинал ласково гладить своего единственного друга в этом большом и жестоком мире.

— Топлан, — тихо говорил он, — ты такой же, как я. У тебя нет ни отца ни матери. У меня тоже нет. Они умерли с голоду. С тех пор я один. Ты тоже один...

Собака доверчиво прижималась к худенькому плечу ребенка и тонко скулила, словно понимая, о чем говорил ей мальчуган. Большое раскаленное солнце нещадно палило со своей высоты. Все живое попряталось в тень и убежища. Даже серые ящерицы не решались выбегать из своих укрытий и не было в небе орлов. Белый сарай Мухтар-бека со всеми своими многочисленными постройками словно плыл в этом зное. И недвижимо стояли суровые горы, уходящие в небо снежными вершинами.

— За что нас не любят? — говорил мальчик. — Ведь мы же ничего плохого никому не сделали... Мы только хотим есть... А нас бьют. За что?

Собака преданно смотрела в глаза мальчугану и слабо виляла хвостом. Мальчик гладил ее и с тоскою смотрел на деревню, на сарай Мухтар-бека. Там пекут чурек... Ах, как он

вкусно пахнет! Нет запаха, равного ему по вкусу! Нет слаще его!.. Только понюхать, хотя бы только понюхать запах горячего чурека...

— Послушай, Топлан, что я придумал, — обрадованно сказал мальчик. — Идем, будем искать такое место в долине, где пахнет чурком. Запах разносит ветер. Даже самый слабый ветер несет запах... Идем, идем...

И они пошли искать то место, где пахнет чуреком.

— Оттого, что мы понюхаем, нас бить не будут. Ведь мы же ничего плохого никому не сделаем, — приговаривал мальчик и короткими вдохами втягивал в себя воздух, не отрывая взгляда от деревни.

Ему повезло. Он уловил еле приметный запах чурека.

— Ты чувствуешь? Слышишь? — вскричал мальчик. — Теперь надо сесть, закрыть глаза и нюхать...

Он закрыл глаза и стал медленно-медленно втягивать в себя самый вкусный из самых вкусных запахов мира — запах чурека. И сразу же ему вспомнился его дом, вспомнилась мать, и то, как она сидит на корточках возле тендера и ловко снимает с его стены горячий чурек и, смеясь, перебрасывая его с руки на руку, охлаждает и отламывает большой кусок и дает его ему, ее сыну, ее Зульфали. И Зульфали, обжигаясь, ест и смотрит на мать и смеется, а она глядит на него счастливыми глазами матери...

Всегда, когда до него доносился запах чурека, он вспоминал мать. И вспоминал тот день, когда ее не стало. Не стало потому, что она отдала ему свой последний кусок, — только чтобы выжил он, ее мальчик, — совсем не думая о себе. Как не думал о себе отец, отдавая им свой последний кусок. Но где ему, шестилетнему мальчугану, было знать об этом, если каждое утро он начинал с плача, тянул руки к матери и просил: «Чурек!.. Чурек!..»

В тот год много людей умерло от голода. Наверно, поэтому и не нашлось никого, кто бы пожалел ребенка и взял его к себе. Конечно, это мог бы сделать Мухтар-бек, очень богатый человек. Если бы он захотел, то мог бы прокормить не то что мальчугана, а всю деревню, но он не любил бедных. Презирал их. И велел всем, кто жил с ним, гнать нищих. И женщины, боясь его гнева, гнали от тендера маленького Зульфали. А находились еще такие глупые, которые думали, что Зульфали может слазить чурек, и бросали в него камнями и сухими комьями земли.

Зульфали с наслаждением втягивал еле уловимый запах чурека, и чем больше дышал им, тем больше ему хотелось есть. Со вчерашнего дня у него не было крошки во рту. Случалось, ему бросали кусок мяса пастухи. Иногда его

жалели ехавшие на базар и отламывали кусок чурека. Но за вчерашний день и за сегодняшний никто не прошел и не проехал.

— Что же нам делать, Топлан? — спросил собаку Зульфали. — Надо куда-то идти. Попросить, может, и покормят нас... Тут жарко. У меня даже голова кружится... Пойдем, может, у тендера никого нет и тогда мы сможем достать корки... Ты знаешь, какие они вкусные! Идем, идем скорее, а то придут другие и возьмут их раньше нас!

И они пошли, впереди мальчик и за ним собака. Пошли к сараю Мухтар-бека. Там тендер, с его стенок можно отодрать несколько корок. Не всегда они бывают. Да, не всегда... Это зависит от того, какое тесто, — если оно замешано круто, то чурек легко отстает и стенка чистая, но если тесто рыхлое, то всегда остается корка. Она вкусная! Она очень вкусная!.. Слаще ее ничего нет... Она хорошая, как мама... Почему нет мамы? Почему нет папы? Где они? Куда ушли?

Зульфали шел, спотыкаясь, не замечая, как текут по исхудалым щекам частые слезы. За ним понуро плелась собака.

На их счастье у тендера никого не было. Зульфали пробежал к яме, жадно окинул взглядом ее облицованную круглую стену и обрадованно вскрикнул. Три большие, разодранные, уже засохшие от жара коричневые корки виднелись там. Он тут же перегнулся, чтобы достать одну из них. Но никак не мог дотянуться — слишком далеко от верха был прилеплен чурек. Печь, наверно, остывала, и женщина прилепила его поближе ко дну горячей ямы. Зульфали, цепляясь левой рукой за край тендера, нагнулся еще ниже, теперь оставалось совсем немного до корки, но тут земля из-под руки осыпалась, Зульфали вскрикнул, рванул назад, не удержался и упал в яму.

Она еще не остыла. От ее дна подымался сухой жар. Еще в стороне под пеплом лежали горячие угли. И сразу же все тело, а особенно ноги, охватило нестерпимым зноем. Зульфали закричал. Его крик был пронзительно тонок. Даже удивительно было, откуда он взялся в таком маленьком тщедушном тельце. И его услышали. Первой услышала Пери-ханум, жена Мухтар-бека. Она почему-то подумала, что это зовет на помощь ее сын, ее мальчик, Искандер, что это он упал в тендер. Она бежала и кричала так, что заглушала крик несчастного Зульфали, и только тогда замолчала, когда увидела, что в яме не ее сын.

— Это не он! — прикладывая к пухлой груди руки, засмеялась она. — Это голодный Зульфали... А я так испугалась, — и, покачиваясь от пережитого, она пошла прочь от тендера.

Но не ушла Сона-хала, жившая у Пери-ханум в услужении.

— Помогите мне! — крикнула она другим женщинам, глядя на Зульфали. Он лежал на левой руке и уже не кричал, а только тихо стонал.

... Боль в руке не проходила. Зульфали Мамедов открыл глаза. Было уже утро. Серым рассветом оно входило в большие окна его кабинета. Баку просыпался. Пора было и ему вставать.

Накануне он долго работал. Готовился к выступлению на заседании Президиума Академии наук. Чтобы не тревожить жену, остался спать в кабинете. Во сне, незаметно для себя, лег на изуродованную в детстве руку и отлежал ее. Отсюда и боль. Но она уже проходит. А если потереть, то и совсем пройдет...

ДОРОГА

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

ХРАНИТЕЛИ ДОРОГ

Может ли такое быть, что железнодорожные пути никто не проверяет, не осматривает, не чинит, а поезда себе идут да идут?

Вы, конечно, ответите — не может быть такого! Есть путевые обходчики, ремонтники, это ведь железная дорога! Не шоссейная какая-нибудь!

Вот тут я вас и поймал. И хочу ответить. Как шофер. Как представитель безрельсового транспорта. Причем ответить не теоретически, а, как говорится, на живых примерах.

Недавно получаю задание — отвезти в поселок Рябовку де-

пять километров в час. И вдруг — что такое! — темно стало. Это какой-то лихач обогнал меня и такую густую пылью поднял, что жуть, — будто едешь сквозь самум, на зубах песок, в кузове кашляют, а время уже без двадцати девять!

Развилка. Столб стоит, указателей нет. Видно, что были когда-то, а теперь нету. И неизвестно никому, где Рябовка, — направо или налево.

Сидели, отдыхали, пока встречная машина подкатила. Оказывается, Рябовка — налево. Приехали с опозданием на тридцать семь минут. А на обратном пути на тех же ямах три мешка цемента треснули, цемент пропал, рассыпался, перемешался с мусором... А начальник гаража уже кричит: «Ты где пропадал, черт возьми! Ты знаешь, где уже должен быть?! Ты еще час назад должен быть на Балтийском вокзале! Там груз тебя ждет!»

Это был, между прочим, случай редкий, но показательный. А показывает он, что автомобильные дороги нуждаются в уходе ничуть не меньше, чем дороги железные. Потому что, как подсчитали ученые, при плохих дорогах скорость перевозок падает вдвое и скорость износа транспорта увеличивается вдвое. А восемьдесят процентов всех перевозок в стране

совершается именно автомобилем, и на шоферскую душу приходится перевозок больше, чем на душу водителей остальных видов наземного, воздушного и водного транспорта, вместе взятых!

Есть еще одна цифра, — ею уже не похвастаешь. Ее уже не ученые подсчитали, а работники автоинспекции. Очень грустная цифра, но знать ее надо. Всем: и большим и маленьким. За один 1970 год только в Ленинграде по «вине» дорог погибло 56 человек. А сколько во всем Союзе...

Содержать дорогу в порядке — дело не такое уж и простое, как может показаться со стороны.

Взять хотя бы ту же пыль. Вред от нее всем. Здоровью нашему. Зелени, на которую она оседает. Машине, внутрь которой она попадает. Из-за пыли приходится скорость сбавлять — пути не видно.

сят человек рабочих, а оттуда взять пятнадцать бумажных мешков цемента. Причем рабочих надо доставить не позже чем к девяти, а цемент — не позже чем к одиннадцати. Такая задачка. Я прикинул — должен успеть. Даже и с запасом.

Выезжаем. Лето, тепло, свежо, город еще наполовину спит. В Рябовку никогда не ездил, но направление знаю. Шоссе, шоссе, шоссе, а потом свернуть налево. Свернул. И только свернул — головой как брякнусь об верх кабины! Яма.

И пошли ямы, ямины, ямочки — с войны таких дорог не встречал. Кабину бросает из стороны в сторону, баранка из рук вырывается, в кузове рабочие чертыхаются, скорость —

Чтобы не было пыли, дороги поливают. Но если в жаркий летний день полить дорогу обыкновенной водой, через час опять пыль поднимется. А вот если двадцатипроцентным раствором хлористого кальция, пыль исчезнет надолго. Специалисты знают такие растворы, такие рецепты, при помощи которых можно «убить» пыль на целый месяц.

Летом — пыль, зимой — снег. Завалит дорогу за ночь, и сиди. Вон в городах по улицам ездят даже целые снегоочистительные «патрули». Выстраются ступенькой и за один проход с половины дороги весь

ВОРОНКА КОВАШИ

снег «арестуют». Потом раз-
вернутся — и со второй поло-
вины. Но это в городах... А на
глубинной, на заштатной шос-
сейке?..

Летом — пыль, зимой —
снег, а весной — вода. Между
прочим, вода — злейший враг
дорог. Она разрушает дороги
изнутри. Образуются так назы-
ваемые пучины. Вода проника-
ет в дорожные одежды и отту-
да давит вверх, покрытие начи-
нает вздываться, лопаться. Ес-
ли такое вовремя не обнару-
жить и не принять мер, —
получаются те самые ямы, из-
за которых машину швыряет,
как при землетрясении.

Одним словом, дел по горло.
Круглый год. И в городах, и на
магистральных, и на проселочных
дорогах. И занимаются этими
делами так называемые дорож-
но-эксплуатационные участки.
Сокращенно — ДЭУ. Каждо-
му ДЭУ выделяется отрезок
дороги длиной в триста кило-
метров, эти триста километров
делятся на шесть-восемь дис-
танций, а в каждой дистан-
ции — три обхода. На дистан-
ции главный начальник — до-
рожный мастер, на обходе —
ремонтер.

Их, как правило, мы не заме-
чаем. Нам же всегда некогда,
мы мчимся, торопимся — впе-
ред! А дорожники ходят по до-
рогам пешком, не торопясь,

присматриваясь, останавлива-
ясь. Вся «жизнь» дороги про-
текает у них на глазах.

Конечно, если вы пройдете
по дороге, вы мало что увиди-
те. Дорога как дорога. Разве
что уж совсем плохая. А вот
дорожный мастер пройдет и
целую тетрадь замечаний ис-
пишет. Там какой-то неради-
вый шофер две «лепехи» бето-
на уронил — надо почистить,
здесь ямочку асфальтом бы за-
штопать, а вот на этом участ-
ке пора обочины поправить, а
на том повороте оградитель-
ные столбики пора краской ос-
вежить. Мастер и под мостик
спустится, что-то он там заме-
ряет, за чем-то следит система-

тически. Мастер — это, можно
сказать, дорожный доктор. Его
задача — обнаружить, где что
болит у дороги, и как можно
скорее обнаруженную болезнь
вылечить. У него для этого
имеются разные приборы. К
примеру, толкочер, — он при-
крепляется к рессоре автомо-
биля и измеряет степень неров-
ности дороги. А другой прибор,
«автосчет», учитывает, сколько
автомобилей, скажем, в тече-
ние суток проехало по дороге в
обе стороны. Причем учиты-
вает не только количество ма-
шин, но и отмечает одновре-
менно вес каждой. Все эти све-

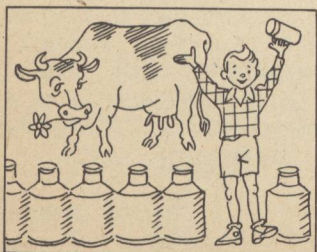

дения необходимы, чтобы
знать, какое у дороги самочув-
ствие.

Иногда приходится целые
участки «госпитализировать». Тогда на дорогу выезжает тех-
ника, рабочие, и начинается
«лечение». А если дорога вы-
шла из строя неожиданно — на
этот случай имеется «скорая
помощь». Аварийная служба. В
Ленинграде в таких случаях
надо звонить по телефону
14-57-98, в диспетчерскую
треста эксплуатации дорог.
Мы, шоферы, частенько поль-
зуемся этим телефоном. Позво-
нишь, а там закон — через
двадцать четыре часа неис-
правность дороги должна быть
устранена. Причем работы, в
основном, проводятся ночью,
когда движение небольшое.

А чего стоит борьба с обле-
дением! Особенно в тех об-
ластях, где то оттает, то под-
мерзнет, то оттает, то подмерз-
нет. Дорожным мастерам во
время гололедицы покоя ни
днем, ни ночью нет. Кто-кто, а
мы, шоферы, очень им благо-
дарны.

А весной, как я уже сказал,
вода. Чтобы весенняя вода не
затопила дороги, надо гото-
виться к ее приходу. Проверить
канализацию, прочистить кю-
веты, трубы под дорожным по-
лотном, убрать щиты, которы-
ми эти трубы на зиму закры-

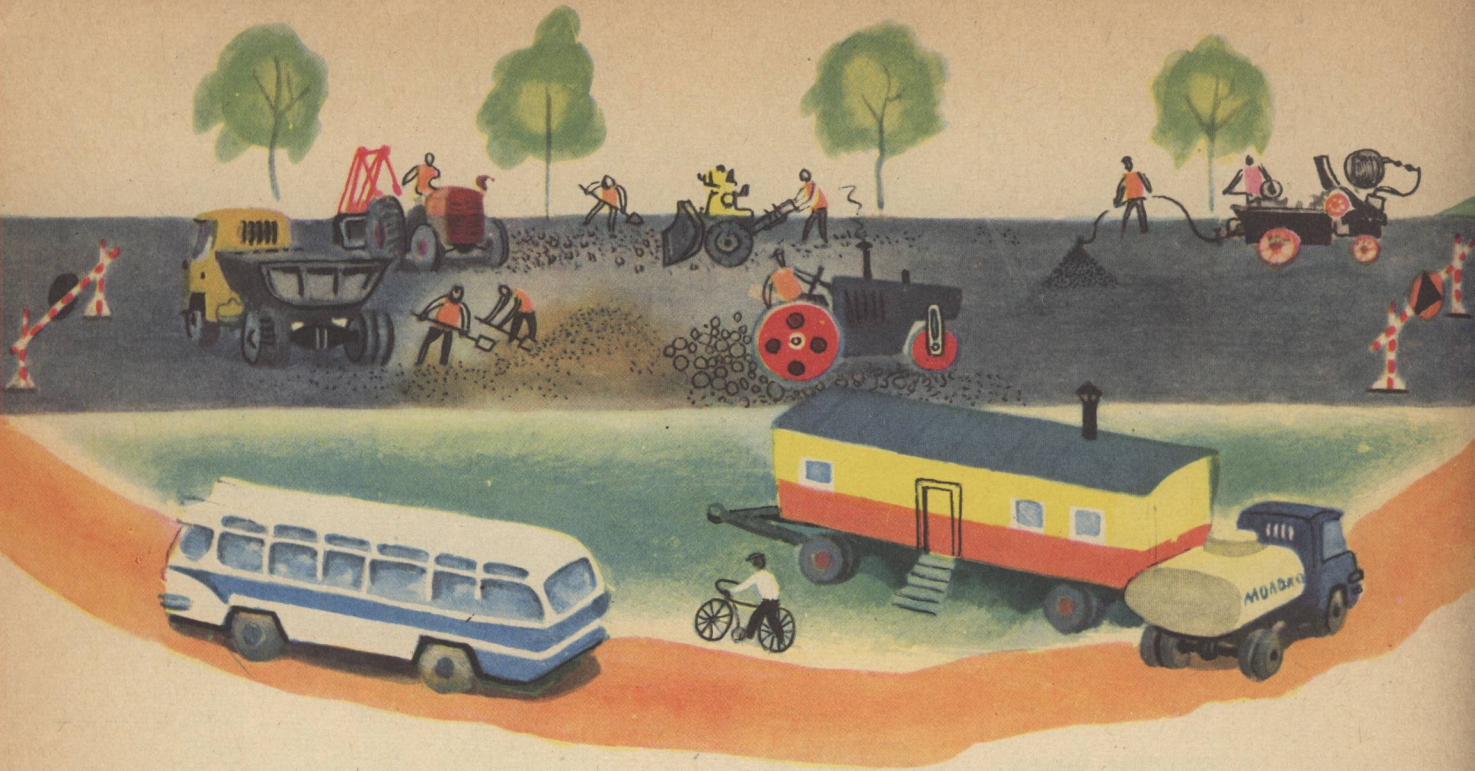

На рязанской земле будто плюшевый ковер среди зелени раски-
нут — огромные стада коров. А возле доильных аппаратов — ребята.

Спустился КОСЯ ТЕРкин к ученикам школы Скопинского района.
И с удовольствием отведал парного молока, которым его угостили.

— А не летал ли ты к ребятам в лесничество Головановской шко-
лы? Загляни и в Потаповскую школу. Там самые молодые трактори-
сты, есть и четвероклассники. А начнется учебный год — опять ни од-
ного отстающего не будет.

На странице 41 — новая встреча.

вались. Весна — самое хлопотливое время на дороге. После хозяйничанья снега и мороза в течение нескольких месяцев дороге непременно требуется поправка. Но ведь ее в санаторий не отправишь, движение не остановишь. Все делается на ходу, ночью, а делать надо доброту. Как говорил один дорожный мастер, — между заплатой из асфальта и старым асфальтом разница может быть только в цвете (свежий асфальт всегда немножко темнее).

Вообще дорожные мастера люди строгие. Попробуйте у них добиться разрешения на перекопку дороги, особенно в городе! Ну, скажем, надо какую-то трубу проложить. Допустим, забыли проложить ее, когда дорогу строили, — так сто начальников обегаете, сто подписей соберете, прежде чем мастер скажет — копай. Потому что это плохо для дороги, это портит дорогу. Я вот знаю: в одном месте дорогу так же перекопали, а потом хоть и засыпали и заасфальтировали, но прошла весна — и асфальт в том же месте «сел». Канава получилась. Опять

утрамбовывали, опять асфальтировали. Через год — опять канава. Вот так уже это место пять раз штопали и подштопывали, а все равно асфальт проваливается.

Вот что получается, когда дорогу перекопаете. Потому что дорожные мастера такие строгие и неуступчивые.

Ну, а если уж разрешил, — сам при твоей работе присутствует, проверит, как основание утрамбуют, и если что не так — штраф! За порчу дороги, за неправильное ведение работ на дорогах. И правильно! Потому что дороги надо уважать.

А по ухоженной дороге ездить одно удовольствие. Особенно если дорога обсажена деревьями, да и сама чистенькая, все разграничительные линии, все знаки нарисованы четко. На таких дорогах и скорость максимальную выжмешь, и устаешь не очень, а главное — настроение хорошее. Вот я недавно из Ленинграда в Молдавию груз возил. Первый раз ездил в такой далекий рейс, и дороги мне по этому маршруту понравились. Чувствуется, что дорожники не спят, знают свое дело. Не то что у Рябовки.

Вы, наверно, не знаете, а между прочим, и междугородные шоссе, и городские улицы в конце каждого месяца получают оценку. Как в школе, по пятибалльной системе. Я как-то поинтересовался — много ли пятерочников? Оказалось, что не очень. Дорог-отличниц у нас, в Ленинграде, всего чуть больше 30 процентов. Скажем, в Кировском районе средний балл за 1970 год был четыре с плюсом, да и в целом город, так сказать, по этому делу четверочник. А жаль. Надо бы нам постараться всем вместе, чтобы все улицы Ленинграда были пятерочниками. И дел тут всем, наверно, хватит. Ведь в Ленинграде как-никак 1727 улиц. Да и в других городах, и не только в городах, с дорогами не все ладно. Это я просто как ленинградец прежде всего о своем городе думаю. Ну, а как шофер я, конечно, заинтересован в том, чтобы все-все дороги в стране были в отличном состоянии. Мало ли где еще придется поездить.

Рассказ шофера
записал А. Рыжов
Оформление А. Януса

Этим очерком разговор о Дороге не заканчивается, а, можно сказать, только начинается.

Что такое „Пионерский километр“? — спрашивал вас „Костер“. И вы отвечали:

„...ребята должны помочь строителям дорог“.

„...дружины должны объединиться и начать стройку хотя бы маленького кусочка дороги“.

Строить дорогу сами пионеры не могут. Это дело очень сложное. А вот продлить жизнь уже построенных дорог — вполне в ваших силах.

„Костер“ объявляет операцию „Пионерский километр“ и считает, что эта операция может явиться ощутимым вкладом пионеров в пятилетку.

В операции „Пионерский километр“ может принять участие каждый пионерский отряд.

Участники операции берут шефство над километровым участком дороги, прилегающим к их городу, селу, поселку, деревне, и стараются, чтобы этот участок стал образцовым.

Обратитесь за консультацией в ДЭУ (дорожно-эксплуатационный участок), к дорожному мастеру, ремонтнику или в сельский (поселковый) совет. Пусть вам скажут, чем именно вы можете помочь дорожникам. По нашему мнению, вы можете:

1. Охранять свой участок дороги, следить за исправностью дорожных знаков, указателей, разграничительных линий. Вместе со взрослыми задерживать нарушителей, которые разрушают дорогу.

2. Засыпать ямы, ликвидировать колдобины, ухабы.

3. Бороться с пылью — врагом дороги.

4. Окапывать кюветы, следить за исправностью дренажных труб.

Отряды посылают заявки на участие в операции „Пионерский километр“ в редакцию „Костра“: Ленинград, С-15, Таврическая, 37. В заявке укажите название и численный состав отряда, фамилию, имя председателя совета отряда, а также вожатого.

Дайте описание участка, выбранного для осуществления операции „Пионерский километр“, и обязательно сообщите, что и как вы собираетесь и уже начали делать.

Донесения, в которых вы будете сообщать „Костру“ о своей работе, должны поступать регулярно. Прежде чем отсылать, их нужно заверить в ДЭУ, в совете или у директора школы. Шлите отчеты, фотографии, дневники дежурств и все остальное, что найдете нужным.

Окончательные итоги операции мы подведем в дни 50-летия пионерской организации.

Вперед, пионеры, — **пионерскими километрами**, по маршруту „Пионерстроя“!

„ЕГШИЮП“

Придется, забегаая вперед, сказать, что и у Гаври и у его приятеля Дрозда, о которых пойдет речь, другие имена, но они попросили их не называть. Игра у них — штаб «ЕГШИ-ЮП». Секретное название. Составлено из первых букв имен.

— Подумаешь, штаб! — скажет иной скептик.

Я должен разочаровать такого человека. Штаб существует, работает. Правда, зимой ребята собираются в нем реже — надо посидеть над уроками. А Дрозд, Гавря и их приятель Биба учатся только на «хорошо» и «отлично». Еще и общественная работа у них. Гавря — член совета дружины школы № 13 Новгорода. Дрозд занимается в Доме пионеров в радиокружке... Зато летом работа кипит. Ребята выпиливают из досок пистолеты и автоматы, мастерят перископ, тянут через улицу провода (что за штаб без телефона!), чертят карту местности. Играют в войну, ходят в походы. Однажды даже выезжали с ночевкой на Малый Волховец.

Хоть и немногие знают о существовании «ЕГШИЮПа», но все же в него нет-нет да и проникают ненадежные люди...

— Сами посудите, — говорит Гавря. — Был такой случай: приходит Пашка, второгодник, и говорит «хочу в штаб». Ему отказали. А потом, когда принес винтовку — приняли. А он винтовку-то принес для форсу. Подсмотрел у нас, где что, и украл каску...

Теперь ребят врасплох не возьмешь. Сомнительных людей в «ЕГШИЮП» не принимают, а чтобы не проникали злоумышленники, командир Дрозд сделал сигнализацию. Поставил звонок, батарею.

Если кто-нибудь чужой пытается проникнуть в штаб, деревянный колышек, разъединяющий контакты, выскакивает. Контакты соединяются, и срабатывает звонок...

„Инкубатор“

Вообще-то в этой школе ребята на выдумку горазды...

Учится в 6 «а» дружная пятерка: Виталик Любовцев, Андрей Сапо, Саша Козлов, Саша Громов и Вася Мельников. Саша Громов отличник. И остальные не отстают. Словом, класс по успеваемости — лучший в школе. И, пожалуй, самый дружный. Но не только хорошей учебой славен этот класс. В нем учатся изобретатели!

Проводилась в школе «Зарница». Понадобились «дымовые шашки». Где их взять? Вот тут-то и подумал Виталик Любовцев, а почему бы их не сделать самому? Попробовал — не вышло, не нашлось необходимых материалов, да и знаний не хватило — физику и химию Виталик еще не изучал. А вот

чтобы смастерить «планетарий», знаний хватило. Взяли ребята полый шар, насверлили отверстий, сгруппировав их, как созвездия на небосводе, внутри шара укрепили лампочки. Включишь свет — загораются «звезды». Только вот незадача — «небосвод» получился наизнанку...

Не всегда изобретения ребят получаются «наоборот». Зимой прошлого года мальчики смастерили макет военного городка. Тут и пушки стреляли, и светили прожектора...

Последнее изобретение ребят — «инкубатор».

Задумали ребята из яйца вывести живого цыпленка. Взяли посылочный ящик, внутрь провели электричество, снаружи — водогрейные трубки. Положили в ящик яйцо. Ждали три недели. Много потом было кривотолков — все пытались объяснить, почему же цыпленок не проклюнулся... Но дело не в этом, а в том, что и автор «инкубатора» Виталик Любовцев, и его друзья еще раз убедились, что для успеха серьезного дела одного желания недостаточно. Нужны еще и прочные знания.

Надя — классный руководитель

Случилось так, что в прошлом году в 6 «а» заболел классный руководитель. Думаете, успеваемость стала хуже? Не тут-то было!

Конечно, кое-кто решил «отдохнуть». Моса-ня, например, Толя Мосачихин. У него и так-то не ладилось с английским, а тут он и совсем махнул на него рукой... Как только не воз-действовали на него! После уроков оставляли. Запирали в классе... с сильными учениками. Ничего не помогало. Тогда-то председатель совета отряда Надя Лец созвала сбор. У Мо-сачихина потребовали объяснений. Наверно, не очень это приятно — стоять посреди класса и смотреть в глаза твоим же товарищам. Но Мо-сачихин сделал правильный вывод — стал учиться без двоек и даже возглавил кружок «умелые руки». Во всем этом заслуга Нади Лец. Она подобрала „ключик“ к Мосачихину.

Надю не зря признают вожаком. Она умеет сплотить ребят. Проводилась в городе опера-ция «Красная звезда». В домах зоны пионер-ского действия ребята искали участников Ве-ликой Отечественной войны. Многие стесня-лись ходить, другие просто ленились. Надя по-говорила с такими ребятами довольно строго. И уговорила. Нашли ветеранов. Даже награж-денного орденом Ленина. Им оказался сосед Сережи Борисова Александр Михайлович Са-мойлов. Весь класс пришел на встречу с геро-ем войны. Тут и задумались ребята... Жил рядом человек. Встречали его на улице, иног-да и разговаривали. И никому в голову не приходило, что человек-то храбро сражался на войне, что, может быть, именно ему мы обяза-ны жизнью. Внимательнее стали ребята при-глядываться к взрослым — какие они... Так Валера Петров «открыл» для себя дедушку, воевавшего до конца войны и побывавшего в Берлине. Толя Мосачихин — отца, кавалера многих орденов.

Конечно, одна Надя не справилась бы, не будь у нее такого надежного и верного друга и помощника, как Рита Екимова, вожатая 3 «б». Надя председатель совета отряда, Ри-та член городского пионерского штаба. Обе девочки отличницы. Обе спортсменки. Надя занимается фигурным катанием, Рита — худо-жественной гимнастикой. Между ними как бы соревнование. И все же они дружат.

„Кавээнщики“

Это 7 «б», «трудный» класс. На графике ус-пешности школы у 7 «б» кривая делает ска-чок вниз. Как-то собрались в 7 «б» после уро-ков. Я спросил у ребят, дружат ли они с 7 «а». В ответ раздалось громкое и протяжное «нет». И вразнобой: «Ну их», «Строят из себя луч-ший класс!»

Разговорились. Причин оказалось не мало. И самая главная, как выяснилось, — класс бо-лен. Болен опасной болезнью — черной зави-стью. Черная зависть к 7 «а» классу, который лучше учится, лучше себя ведет, которого больше уважают в школе. Черная зависть ослепляет глаза, парализует волю...

Я сказал ребятам, что они рискуют вырасти людьми, неспособными преодолевать трудно-сти. Они мне возразили, что преодолевать трудности они умеют, и убедительно доказали это. В прошлом году проводился КВН 5—7 классов. Из девяти классов, оспаривавших первые места, 7 «б», тогда еще 6 «б», оказался самым находчивым, хотя конкурс был очень трудный. Тогда в чем же дело? — спросил я.

Может быть, не понимают, зачем учатся? Может быть, наконец, в классе нет таких лю-дей, которые могли бы расшевелить всех? Вот в бою — лежит цепь, над головами свищут пули — шквальный огонь. А надо бежать впе-ред, заставить замолчать этот проклятый пу-лемет. И вот встает один.

«За мной! Ура!» И это «ура!» поднимает других.

Так неужели в этом классе не найдется та-ких?!

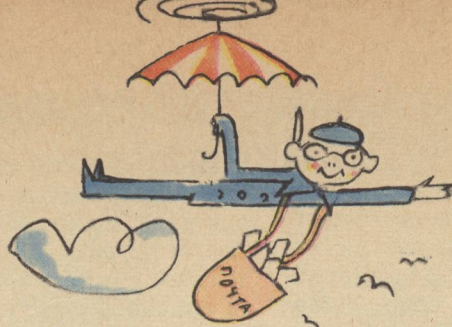
Вслух о сокровенном

Есть в 13-й школе Уголок боевой славы. Под стеклянными витринами — винтовочные и пу-леметные стволы, каски и гильзы, фотографии и газеты времен войны. Вот знакомое лицо Алексея Маресьева. Здесь, на новгородской земле, совершил свой подвиг этот герой. Еще знакомое лицо. Тимур Фрунзе. И он погиб здесь, на Новгородчине. Вот Муса Джалиль. И стихи:

*Волхов свидетель: я не струсил.
Каплю жизни моей не берег.*

Я думал, когда стоял там, у экспонатов, — нет, не экспонаты это, а живые, хотя и искале-ченные свидетели Великой войны, собранные новгородскими школьниками.

И еще я думал, что же такое патриотизм, если не сознание того, что ты — сын, брат, внук тех, кто стоял насмерть... И что стои́т твой патриотизм, если ты не отдаешь себя це-ликом делу, которым ты занят — будь то ра-бота или учеба?..

девочка, самая сильная воображала. Я и решила, напишу о ней все, что думаю, пусть это будет лучше тяжелая правда, чем легкая ложь. Эта девочка, оказывается, писала обо мне, а потом стала собирать у нас характеристики и потихоньку прочитала свою. Все стали кричать, чтобы характеристики читала я. Ну, я стала читать. Прочитала и о ней. Ну, думаю, сейчас начнут орать на меня, ведь все знали, что это писала я. И, действительно, поднялся такой шум и гам, что пришлось заткнуть уши. Все орало, только не на меня, а на нее, потому что думали о ней то же самое, просто боялись высказать свое мнение. Потом я стала читать о себе. О боже! Что она там написала! Всякое вранье. Тут ее вообще чуть в окно не столкнули.

— Ничего себе суд друзей! — воскликнул я, дочитав письмо.

— Это же склока... Ни такта, ни деликатности, ни уважения друг к другу...

— А вы говорите, — усмехнулся атаман, — игра разбойников!

...Лечу я однажды над Биченкокой, — начал свой новый рассказ Почтарики. — Навстречу огромная туча. Ветер сбивает зонтолет с курса. Решаю приземлиться. Внизу мрачные горы. Едва успел коснуться земли, на меня набрасываются какие-то вооруженные ушачи. Понимаю: попал к разбойникам.

— Чужеземец! В правду играть умеешь? — без лишних предисловий обращается ко мне атаман.

— В правду? — удивился я. — Когда-то в далеком детстве играли в халву-молву...

— Халва-молва! Сейчас мы тебе покажем халву-молву... Эй, Кривой и Хромой, начинайте!..

Разбойники, один из которых был одноглаз, а другой хром, встали друг против друга, яростно скрежеща зубами.

— Ты жалкий трус! — сказал Кривой. — Боишься мышей и крыс.

— А ты хранишь по ночам! — сказал Хромой.

Болезньщики хохочут, свистят. Звенят клинки. Крики: «Жалкий слюнотай!.. Мокрица!.. Лягушка!»

Атаман, размахивая мечом, вдруг как заорет:

— Я тоже хочу играть. Ну, кто мне скажет правду? Чистую правду! Эй, чужеземец, мне не терпится обновить меч!..

Не теряя ни секунды, раскрываю свой зонтолет и лечу прочь.

— Как вам не стыдно! — кричу разбойникам сверху. — Теперь о ваших злодейских играх узнает весь мир.

— Мы эту забаву не сами придумали! — доносятся мне вслед слова атамана. — Мы ее взяли...

— У кого? — успеваю спросить.

— У школьников из города Чирчик! Спустись! Все объясним!..

Спускаюсь. Атаман любезно подает мне письмо Иры Л. Вот оно: «В нашем восьмом классе мы иногда устраиваем суд друзей. На небольших листочках пишем фамилии девочек и мальчиков и раздаем их. Кому кто достался, тот про того и пишет. Однажды мне досталась

Дорогой Почтарики! Я в классе летописцу, но пока мне нечего не поручали...

С.

Дорогая С.! Летописцы на Руси были самыми грамотными и образованными людьми. Думаю, в этом секрет, почему тебе покамест ничего не поручали. Помнишь, у А. С. Пушкина в «Борисе Годунове» летописец Пимен говорит: «...недаром многих лет

свидетелем господь меня поставил и книжному искусству вразумил».

Желаю тебе стать настоящим школьным летописцем. Не жди особых поручений. Внимательно наблюдай и правдиво описывай школьные будни.

Я дружила с одним мальчиком. Но он не знал, что я пишу о нем, и вот однажды я вышла на улицу в огке. Он увидел меня и сказал испуганным голосом:

«Ты разве огки носишь?»

«Я сказала, что да. После этого мы больше не встречались».

Может быть, он терпеть не может огкариков? Но я всё-таки рада, что узнала что он пишет. Теперь я всегда пишу огки. Будь что будет!

Света

Здравствуй, Света!

Ну зачем же так мрачно: «Будь что будет!» На твоём месте каждый человек с характером не стал бы изворачиваться. Ты поступила правильно!

Почтарики

ХВАСТОВСТВО

Доктор Сюз

Рисунок Е. Захарова

Усевшись на самой вершине горы,
пригревшись в сиянии летней поры,
почувствовал Кролик, что нет никого,
кто был бы важнее и достойнее его.
И вот из всех своих кроличьих сил
с холма он торжественно провозгласил:
— На суше, на море, в морской глубине
не встретите зверя, подобного мне!

— Непр-р-ава! — из чащи Медведь зарычал.
— Такого лгуна я еще не встречал!
Сейчас ты ответишь за дерзкую ложь!
А ну, покажи-ка мне, чем ты хорош!

Но Кролик надменно Медведю ответил:
— Я самый великий и сильный на свете.
А сила моя — в этих длинных ушах.
Они различат каждый вздох, каждый шаг!

Тут Кролик на задние лапки привстал.
— Вниманье! Я слушаю! — он прошептал.
И поднял торчком свои длинные уши,
и слушал, и слушал, и слушал, и слушал...
...Потом улыбнулся и вымолвил:
— Вот!
За теми вершинами — Муха живет.
Как ясно доносится кашель оттуда!
У Мухи-бедняжки, наверно, простуда.
Согласен, что кашель услышать не просто,
раз кашляет Муха за миль девяносто?

— Пожалуй... — Медведь согласился уныло.
...Но тут же идея его осенила!
Задрав высоко свой внушительный нос,
с огромным презрением Медведь произнес:
— Ты мастер по части простуженных Мух.
Но так ли искусен твой кроличий нюх?

Свой нос он победно и гордо задрал,
и в складки его вдохновенно собрал,
и вот через десять минут сообщил:
— Забавные запахи я различил!
Нет! Мне не откажешь в искуснейшем нюхе!
Зна-чи-тель-но дальше простуженной Мухи,
за сотой горой,
сто вторым поворотом,
за тысяча триста десятым болотом,
на маленькой ферме —
у дома крыльцо,
а прямо напротив —
растет дерево.

На дереве — сук.
На суку, в вышине,
в соломенном гнездышке,
прямо на дне —
два крошечных пестрых и круглых яйца.
Над ними порхает пушистая птичка.
И бедная птичка, наверно, не знает,
что слева яичко —
уже протухает!

Теперь ты увидел, как нюх мой хорош!
Другого такого нигде не найдешь!
Попробуй узнай, что протухло яйцо!

И Кролику он рассмеялся в лицо.

Но тут у медвежьих и заячьих ног
раздался веселый и дерзкий смешок.
— Послушайте, парни! — сказал Червячок,
похожий на маленький черный крючок.
— Давно уж слежу я с огромным вниманьем
за вашим неслыханным соревнованьем.
Но ваши успехи достойны презренья
в сравнение с моим удивительным зреньем.
Я вам докажу это очень легко.
И голову вскинул Червяк высоко.
И стали похожи глаза Червяка
на два золотистых, лихих огонька.
Они так свирепо пространство пронзали,
что прямо уже из орбит вылезали!

— Довольно! — сердито Медведь прогудел.
— Теперь расскажи, что ты там разглядел.

— Ну, парни, вас ждет интересный рассказ!
Острее веки не сыщете глаз!
И то, что я только что видел вдали,
вы даже во сне увидеть не могли!

Мой взгляд, как стрела рассекая туман,
за миг пролетел через весь океан!

Он, словно ракета,
летел вокруг света!
Но вот перед ним —
и возвышенность эта!
Признаюсь, что я утомился слегка,
но все же увидел,
как два чудака
готовы потратить часы и часы,
на глупые уши свои и носы.

Пересказала Т. Макарова

Бухарест, Констанца, Эфория

Недавно ленинградские писатели Виктор Голявкин и Владимир Торопыгин побывали в Румынии. Публикуем их рассказы о встречах с мальчишками и девочками этой страны. Рисунки — из путевого блокнота В. Голявкина.

Владимир Торопыгин

Ирина и Одина

Когда я летел в Румынию, наш самолет опоздал: в Москве была плохая погода, и летчикам целые сутки не разрешали заводить моторы. Но вот, наконец, мы взлетели, пробыли три часа в воздухе и опустились в аэропорту румынской столицы.

В здании аэропорта меня встретил переводчик. Он сказал:

— Как жалко, что вы опоздали! Все участники праздника уже в деревне, на родине нашего Кошбука...

Я, действительно, прилетел на праздник великого румынского поэта и тоже был очень огорчен опозданием.

— Что же мне теперь делать? — растерянно спросил я.

— Ждать возвращения товарищей в Бухарест, — только и мог посоветовать переводчик.

— Да, наверное, ничего другого не придумаешь, — согласился я.

Переводчик добавил:

— И еще одно огорчение... У меня сейчас очень много дел... Вам придется знакомиться со столицей Румынии без моей помощи. Вы уж простите!..

Не желая показывать, что последние фразы несколько напугали меня («Как я останусь в Бухаресте без чьей-ли

бо помощи, не зная ни одного румынского слова?!»), я улыбнулся, сказал: «Ничего! Ничего!» — и попрощался.

До гостиницы я добрался на такси, показав шоферу ее название, старательно выведенное переводчиком в моем блокноте. Таким же способом я получил ключ от комнаты (номер комнаты переводчик тоже написал в моем блокноте).

Трудности начались тогда, когда я решил спуститься в ресторан, перекусить.

Я открыл карту-меню и растерялся: «телеме де Брэилэ», «пэстрада», «калтабошь» — складывал я из нерусских букв, но эти слова ничего мне не говорили...

Подошел официант.

— «Тоба»... «кашкавал»... «тлбурел»... — сказал он.

Я понял, что официант предлагает мне самые вкусные кушанья, но определить, какое из них я хочу, не мог.

— Омлет, — вздохнув, сказал я, зная, что это слово одинаково звучит на всех языках и что официант обязательно меня поймет.

— Омлет? — пожал плечами официант и пошел на кухню заказывать.

Я съел омлет, поднялся в свою комнату и решил никуда из нее не выходить до тех пор, пока не появится переводчик.

Обидно, конечно, сидеть дома в городе, в котором ты раньше никогда не бывал! Я стал смотреть в окно: все-таки что-то увидишь!..

Прямо перед окном маячил крест. Он увенчивал зелененькую колоколенку, поднимавшуюся откуда-то снизу, из разноцветного скопления каменных стен и железных крыш. «Как виноградная лоза», — подумал я про колоколенку: в других южных странах я видел виноградные деревья, которые поднимали стволы над городскими строениями и там, в вышине, распускали свои зеленые кроны... Рядом с крестом, чуть в отдалении, все небо заслоняли бетонные ячейки строящегося небоскреба.

Зазвонил телефон. Трубку я поднял не сразу («Зачем мне торопиться поднимать трубку, если я не знаю ни одного румынского слова?!»).

— Папа очень занят, но это ничего! — прозвучало в трубке. — Кто это говорит? — удивился я.

— Ирина, — ответила трубка.

— Не понимаю...

В трубке раздался шепот:

— Он не понимает... Скажи ты!

— Папа очень занят, но это ничего! — снова четко прозвучало в трубке.

— Да кто это говорит?

— Одина, — ответила трубка. Я уже начал сердиться:

— То Ирина, то Одина... Скажите, в конце концов, кто это говорит?

— Сейчас Одина, а говорила Ирина, — объяснила трубка. — Папа очень занят, но это ничего! Мы говорим по-русски, и мы к вам сейчас придем. Можно?

Я начал догадываться, в чем дело («Это же, наверное, дочка моего переводчика!»).

— Конечно! Я вас жду! Приходите скорее! — закричал я в трубку.

— Пять минут, — сказала трубка, и раздалась короткая гудка.

Через пять минут в дверь постучали.

Вошли две девочки: черноволосые, очень похожие друг на друга. Отличало их, пожалуй, только то, что волосы одной были пушистыми и курчавыми, а волосы другой — прямыми и гладкими.

— Русский язык я учила еще до школы, — сказала Одина (это у нее волосы были прямыми и гладкими). — И потом — пять лет в школе. Ирина первоклассница, но я с ней занималась русским до школы...

Прежде всего девочки повели меня в Музей села. Это огромный парк, а в нем деревянные строения, привезенные из разных уголков страны: дома, ворота... Все было очень красивым: крыши домов выложены особой дранкой; ворота — с резьбой...

Ирина все время куда-то убегала (Одина не волновалась: «Ирина здесь каждый кустик знает!») и возвращалась восторженная, покрасневшая:

— Ой, пойдите туда: там такой красивый колодец!

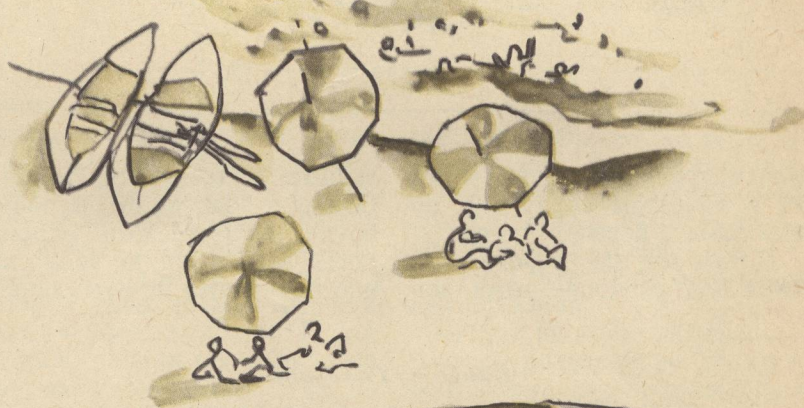
Или:

— А там — замечательный забор!

Потом мы долго гуляли по бухарестским улицам. Девочки показали мне Памятник советскому воину («Здесь по празд-

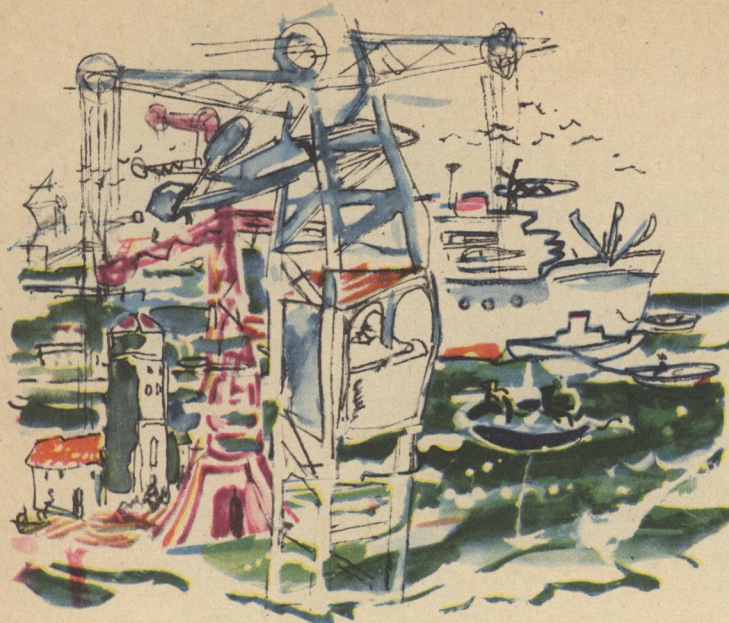

Эфория

В кафе

Аквариум

Констанца

никам румынские пионеры стоят в почетном карауле»), новые дома и новый стадион.

Потом мы ели мороженое в кафе под разноцветными зон-

тиками. Конечно, без Ирины и Одины я никогда бы не попробовал бухарестского мороженого: ведь я же не знал, как оно называется по-румынски!..

Виктор Голявкин

Красота порта Констанцы

Как-то я писал о Владивостокской бухте: «Горят ночью огни судов, отражаются огни в воде. Вся бухта в огнях — словно праздник. И в дождь и в ветер, в солнце и в туман, ночью и днем — всегда красива Владивостокская бухта».

Всегда красив и порт Констанцы.

Но суть портов не в красоте внешней.

Издали порт Констанцы напоминает сказочную декорацию, а ближе:

территория в 523 гектара, которую, говорят, ощущаешь, только когда ее пройдешь;

длина причалов 5300 метров, которая издали, естественно, не кажется такой большой.

За пять лет будет сооружено еще 48 причалов, которые примут океанские суда, и порт пропустит в год грузов 50 миллионов тонн, — тоже трудно себе представить, но в этом-то и есть вся красота.

Порт красив вблизи и издали.

Порт строится, растет.

Приходят суда с рудой, каменным углем и другими товарами.

Уходят с лесом, нефтепродуктами, машинами и другими товарами.

И в дождь и в ветер, в солнце и в туман, и ночью и днем — всегда трудится порт Констанцы, потому и всегда красив.

Констанца — город старинный, портовый, пестрый и многолюдный. Здесь много интересного. Мы долго гуляли по улицам и улочкам, и устали, и вдруг увидели вывеску: «Аквариум».

Не в каждом городе, даже морском, есть специальный аквариум. Небольшое круглое одноэтажное сооружение, а внутри в аквариумах рыбы и другие морские обитатели. Самые разные. Маленькие хищные пираньи, которые налетают на добычу стаями и в мгновение оставляют один скелет. Красивые вуалехвостые и крупные осетровые. Рыбы-пилы и рыбы-мечи. Каждый вид рыб отдельно, аквариумы расположены по кругу. Осетровым особое место, они посередине в самом большом аквариуме, чтобы было где развернуться. И здесь им тесно. Этакая громадина плывет на тебя, выпучив свои рыбы глаза, и только перед стеклом сворачивает в сторону. Здесь толпятся посетители, забыв про мелкоту. Дети галдят, стучат по стеклам, но осетровые внимания не обращают, наверно, привыкли.

Показали нам одного мальчишку, он после школы регулярно ходит в аквариум. Мы спросили через переводчика, не надоело ли ему каждый день рассматривать одних и тех же рыб. Он сначала замаялся, а потом сказал:

— Я здесь успокаиваюсь.

— От чего? — удивились мы.

Мальчик, стесняясь, что-то долго и сбивчиво объяснял, и вдруг переводчица расхохоталась. Сквозь смех она нам объяснила, что он чуть ли не каждый день получает двойки, очень скверно учится. И ему всегда тяжело идти домой в расстроенных чувствах. Он заходит сюда по дороге, разглядывает рыб, успокаивается и идет домой.

— Но почему же ты все время получаешь двойки, — спросили мы, — неужели ты не можешь хорошо учиться?

— Могу, — сказал мальчишка.

— Так в чем же дело? — спросили мы.

— Дело в рыбах.

— Как то есть?

— Я думаю о рыбах, — сказал он, — все время думаю о рыбах. Такие красивые интересные рыбы, они у меня так и плавают перед глазами, даже в классе отвлекаюсь, все время их рисую...

— Сколько же дней ты сюда ходишь? — спросили мы.

— Месяца два.

— Каждый день?

— Каждый день.

— Отдохни немного.

— Вот я и отдыхаю, — сказал он, и опять все засмеялись.

Кто знает, может быть, из этого мальчишки со временем вырастет крупнейший специалист по рыбам, но все-таки нельзя так увлекаться, забывать учебу. Хотя мы сами увлеклись настолько, что забыли про усталость...

Волны Эфории

Архитектура в Эфории современная, впечатление такое, будто я из своего района Купчино в Ленинграде не выезжал. Здорово похоже. Стекланные магазины и отели смахивают на новые блочные, точечные и кирпичные наши жилища. Но главное там море, замечательные волны. Конечно, волны в Эфории не какие-нибудь особенные. Как на любом другом

пляже. Но все равно они замечательные. Здесь много детей. Они приезжают сюда с родителями из разных стран. Симпатичные загорелые дети плещутся в волнах с визгом и хохотом. Малыши кидаются на волны в атаку и бьют по ним кулачками и не хотят вылезать. Но одна иностранная школьница непрерывно повторяла: „Но, но, но!“ — что значит нет, нет, нет! — сколько ее родители ни упрасивали искупаться. Один мальчишка потащил ее в воду, но она так закричала, что он испугался и стал собираться домой.

— Почему она отказывается купаться? — поинтересовались мы. — Может, нездорова?

— Она боится волн, — сказали родители, — но вы заметили, какой у нее твердый и непоколебимый характер? Если она что-нибудь скажет, то будет стоять на своем.

— Но она ведь боится, вы сами сказали.

— Это не имеет значения, — сказали родители, — если она боится, она твердо и непоколебимо об этом заявляет.

Море твердо и непоколебимо штормило.

Ветер твердо и непоколебимо дул.

И малыши твердо и непоколебимо барахтались в волнах.

Но разве могло все это поколебить твердую и непоколебимую трусиху?

Бухарест

В Волгограде снизился КОСтя ТЕРкин на главной улице. А ему навстречу — ребята в комбинезонах.

— Где это вы так в известке измазались? — удивился КОСтя.

— На нашей молодежной стройке. Мы еще зимой окончили строительные курсы и теперь работаем малярами и штукатурами. Поедем с нами, — предложили они КОСте. — Увидишь, какой мы строим стадион. А повезет нас один из шестнадцати троллейбусов, что построены из пионерского металлолома.

А теперь скорей на страницу 53.

ЛАФОНТЕН,

К 350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Король Франции Людовик XIV, взойдя на престол, оставил от должности и отправил в тюрьму министра финансов Фуке. Еще за несколько дней до падения министра Франция трепетала перед ним. Он был всесилен и невероятно богат. Он покровительствовал искусствам, окружил себя поэтами и художниками. Но когда его схватили и увезли в тюрьму, никто не вступился за него. Оно и понятно — король не любил, чтобы ему перечили.

Среди этого безмолвия только один-единственный голос раздался в защиту Фуке — голос некоего Жана де Лафонтена. Не убоившись гнева короля, Лафонтен считал своим долгом протестовать против скоропалительной расправы.

Король, как и следовало ожидать, рассердился. Лафонтен угодил в ссылку.

Кем же был Жан де Лафонтен?

...Отец его занимал очень приятную должность «смотрителя королевских вод и лесов» в маленьком городе Шато-Тьерри в Шампани. Лафонтен-младший сначала учился в родном городе. Потом — в Париже. Потом чуть не стал священником. Потом стал адвокатом. Но судебные дела ему быстро надоели, он понял цену тогдашнего правосудия. И вернулся на родину.

Тогда Лафонтен-старший решил помочь сыну оступиться и передал ему свою необременительную должность.

Но Лафонтена-младшего и это не устроило. Обязанность свою он выполнял небрежно. Что же — совсем он был никчемным человеком, этот Жан де Лафонтен? Конечно нет. Просто он не мог еще найти себя, определить свое место в жизни.

Наконец, здесь, среди лесов и рек, наш герой осознал свое истинное призвание — литерату-

ру. Сначала проявил только интерес к тому, что сочинили другие. Изучал древнегреческую литературу и удивлялся — так похоже было то, что мучило греков, на то, что занимало умы его современников!

Что же видел он вокруг себя?

Годы детства и юности Лафонтена были годами крестьянских восстаний во Франции. Армия жестоко подавляла восставших.

В соседней Англии шла гражданская война. Революционный полководец Кромвель разгромил армию сторонников короля. Английскому королю отрубили голову.

Потом мятежный принц Конде подходил со своими войсками к Парижу. Кардиналу Мазарини и королю пришлось бежать. С большим трудом удалось им наконец одолеть мятежников.

Страна была разорена. Толпы нищих бродили вокруг Парижа. А сколько по всей Франции?..

Жизнь вокруг Лафонтена была очень сложная и беспокойная. Он не мог оставаться в стороне и стремился давать людям разумные советы.

Когда ему было тридцать три года, написал он первое свое сочинение — комедию, сюжет которой был заимствован у древнего римлянина Терренция. Славы эта комедия Лафонтену не принесла, но первый шаг был сделан. Он переехал в Париж. Начал писать стихотворные подражания древним поэтам. Это отнюдь не считалось зазорным — подражать древним замечательным образцам. Поэтам того времени и в подражаниях удавалось проявлять свою оригинальность, собственные литературные черты.

Отправляя Лафонтена в ссылку, король, сам того не желая, оказал ему услугу — имя поэта сразу стало широко известно.

Когда вышла в свет первая книга басен Лафонтена, ему уже исполнилось сорок семь лет. Сочиняя басни, он часто заимствовал сюжеты у древних писателей. Особенно у знаменитого Эзопа, автора коротеньких рассказов о разных поучительных происшествиях — о том, как хитрый обманывает наивного, как сильный угнетает слабого. И всякий раз Эзоп давал понять: поступать так не следует.

Современник и знакомец Лафонтена, известный французский писатель Ларошфуко говорил: «Мы ничего не раздаем с такой щедростью, как советы». И Лафонтен прекрасно сознавал, что благие советы, ничем не подкрепленные, бесполезны. В своих баснях он старался показать, ка-

ВЕЛИКИЙ БАСНОПИСЕЦ

кой несправедливой, жестокой жизнью живут люди.

Он уже всего насмотрелся за прожитые годы. Никто из современных ему писателей не мог похвастаться таким знанием Франции. Как смотритель королевских вод и лесов, он имел возможность наблюдать жизнь крестьян. Когда был адвокатом, изучил мир судейского крючкотворства. Когда встречался с аристократами, познал тайные пружины управления страной — придворные интриги, дипломатические хитрости. Вся деятельность «короля-солнца» — Людовика XIV — была ему прекрасно известна...

И, читая басни Лафонтена, французы не вспоминали Эзопа и древнюю Грецию. Они узнавали себя, современную им Францию, Европу.

Король Людовик XIV в своем пышном парике даже внешне напоминал Льва, царя зверей, героя множества басен. И характером своим — жестокостью, любовью к лести, коварством — он тоже напоминал басенного Льва.

А придворные «короля-солнца»? Хитрейший, безжалостный царедворец — Лиса, готовая продать и предать кого угодно для собственной выгоды. Лиса, она куда умнее грубого солдафона Волка. Так ведь и было! В те времена Лисы брали верх над Волками. Пронирливые царедворцы отгоняли от престола, от королевских милостей напористых рубак.

Так обстояли дела при дворе.

А в судах?.. Однажды разбойники-шершни подали жалобу на пчел, что-де соты с медом принадлежат не пчелам, а им, шершням, что-де это они собирали мед, а пчелы его присвоили! Казалось бы, ясно, что шершни лгут... Но началась судебная волокита — нудная, бессмысленная. И пчелы, наконец, взмолились:

«Помилосердствуйте! Прошло уже полгода,

И портятся запасы меда;

Успела тяжба разрастись,

Из медвежонка стать медведем.

Ведь эдак далеко мы, право, не уедем!..

Пусть просто разрешат с Шершнями нам сейчас

Приняться для добычи меда за работы:

Тогда увидели бы, кто из нас

Из меда сладкого умеет делать соты...»

Умным судьям такое простое решение в голову не пришло...

В ту пору множество мелких государств Европы враждовало между собой. Решать их споры призывались сильные государи, вроде французского короля. И вот Лафонтен пишет басню «Садовод и помещик». Сюжет басни таков: некий садовод рассердился на зайца, который повадился в его усадьбу. Чтобы избавиться от незваного посетителя, садовод попросил помощи у помещика. Тот не заставил себя долго упрашивать и прискакал со своими слугами. Перво-наперво brave охотники съели все, что нашлось в доме, а затем верхом, с собаками ринулись в сад — уничтожить зайца. Сад оказался совершенно вытоптаным. Тысяча зайцев не нанесла бы садоводу такого ущерба, как эти мнимые защитники... Именно таковы бывали результаты помощи сильных королей мелким государствам. Таковы были и нравы помещиков.

Из иллюстраций Гюстава Доре к басням Лафонтена

А чего стоит, например, святоша-крыса, которая, дабы жить праведно и воздержанно, удалась от грешного мира в... голландский сыр.

Алчные богачи, несправедливые судьи, ханжи-священники — их всех изобличал Лафонтен.

И, внимательно читая его басни — легкие, изящные, с меткими народными словечками, — как бы со стороны увидав свою жизнь и нравы, люди начинали задумываться — правильно ли они живут?..

Лафонтена читали во многих странах. В XVIII веке он стал известен в России. Некоторые сюжеты басен Лафонтена повторились — уже по-новому, по-своему — в баснях Крылова.

И если мы понимаем, что такое хорошо и что такое плохо, лучше, чем понимали наши далекие предки, то в этом немалая заслуга и Жана де Лафонтена, поэта, который знал цену добра и зла.

Я. Гордин
Оформление В. Бендингера

Самое начало этого открытия теряется где-то во тьме тысячелетий.

Восточные жрецы открыли на коже человека около семисот таинственных точек. Когда они эти точки кололи заостренными камнями (а потом специальными иглами), человек, случалось, выздоравливал даже от самых тяжелых болезней: колют, например, сюда — выздоравливает больная печень, колют туда — проходят боли в желудке. Как жрецы смогли найти эти точки — нам до сих пор непонятно!

Шли века, секреты врачевателей передавались из поколения в поколение. Новичков учили на специальных манекенах, в точности повторявших очертания человеческой фигуры. На экзаменах учителя давали задания: найти такую-то точку с первого укола. Если экзаменуемый попадал в нее, на манекене выступала красная краска. Так обучались врачи на Востоке в течение четырех тысяч лет.

Когда восточной медициной заинтересовалась современная наука, ученые довольно быстро выяснили, что таинственные точки обладают странной особенностью: они в десятки, а иногда в сотни раз лучше, чем остальная поверхность тела, проводят электрический ток. Но до 1962 года это открытие не находило практического применения: каждая идея в науке, каждый новый факт должен дожидаться своего звездного часа.

«Звездный час» наступил, после того как научным методом иглоукалывания заинтересовался коллектив ученых Военно-

медицинской академии, а в частности — доктор медицинских наук Михаил Кузьмич Гейкин.

Доктор Гейкин совместно с инженером-электриком Михалевским сконструировал прибор, который вы видите на фотоснимке.

Он похож на большую авторучку. Острием этой авторучки ведут, скажем, по руке, и в определенных точках, на глаз никак не заметных, прибор срабатывает: загорается лампочка.

Интересно, что «светящиеся» точки, кроме этого своего необычного свойства, ничем внешне не примечательны. Никаких особенностей ни на поверхности, ни в структуре кожи. Повышенная электропроводность — и только! А между тем...

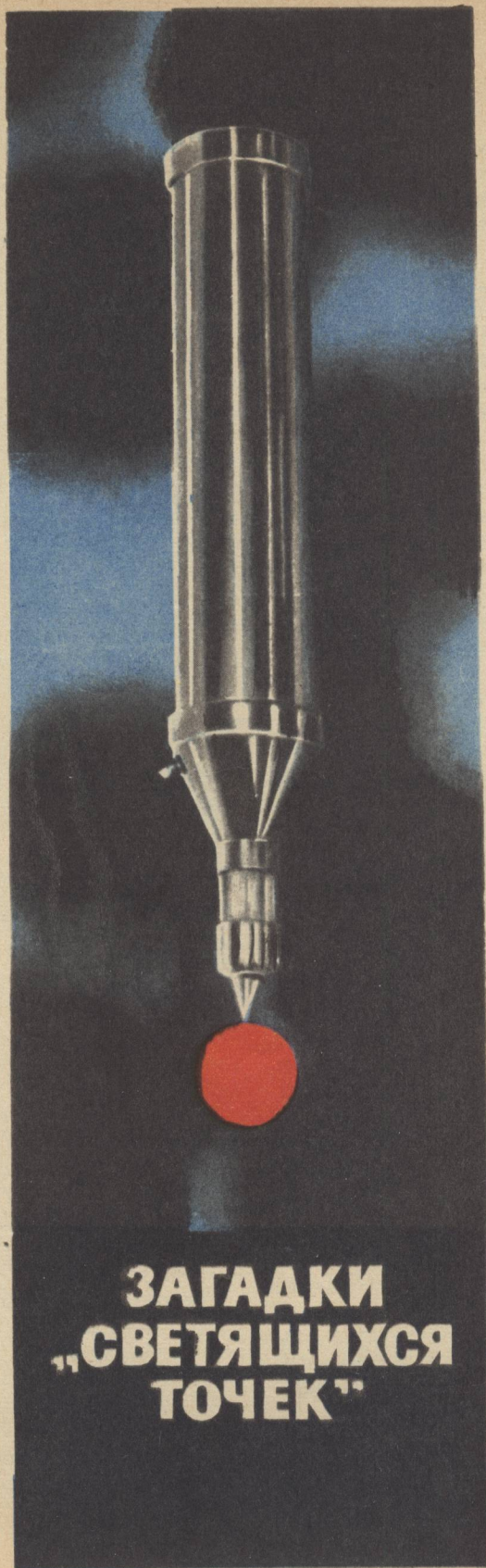
Доктор Гейкин рассказывал мне такую историю. Лет двадцать назад некий французский врач лечил болячку на ухе пациента обычным прижиганием. Все назначенные сроки лечения прошли, а болячка не исчезла. Наконец, по истечении тройного в сравнении с обычным срока, с ней удалось справиться. И вдруг оказалось, что за время прижигания уха у больного... выздоровели почки!

Почему?!

Видимо, в определенной точке кожи на ушной раковине есть «представитель» почек.

Да одних ли только почек, если всего «ушных» точек около пятидесяти!

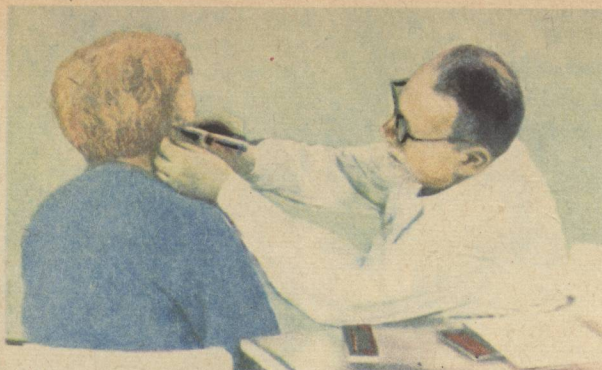
Они, между прочим, весьма отличаются от прочих, от «основных». «Основные» обнаруживаются всегда. А точка на ушной раковине возникает только когда в организме человека не все

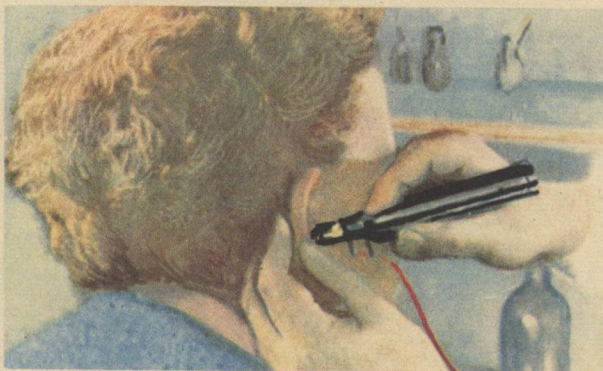
благополучно. Заболел у вас, допустим, живот — в соответствующем месте уха появится «светящаяся» точка, которую легко обнаружить прибором Гейкина — Михалевского. Авторы называют его «тобископ»: Точка Биологической Информации (ТОБИ), а концовка от греческого слова *scopio* — смотреть.

Тобископ не лечит; он не прижигает, не укалывает — это, наверно, еще все впереди; но он позволил применить новый способ обнаружения болезней, способ, который можно, пожалуй, назвать «уходиагностика». Достаточно обследовать с помощью тобископа поверхность твоего уха, чтобы определить — здоров ты или нет. У здорового человека лампочка тобископа не будет светиться ни в какой точке ушной раковины. Если же существует какое-то заболевание, то лампочка загорится: в организме неполадки! Конечно, тобископ не доложит, какой именно «неполадок», но ведь как это уже важно — знать, в каком месте существуют тревожные признаки, и тем самым понять, куда направить внимание врачей-специалистов.

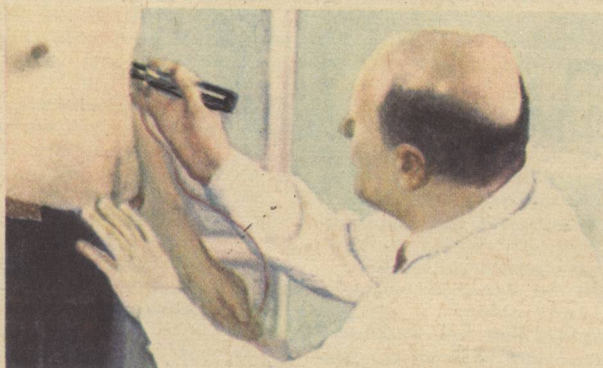
Ученым еще думать, думать и думать: каким образом эти самые точки связаны с определенными органами, почему одни точки обнаруживаются всегда, а другие — только когда в организме что-то неладно. Свойства светящихся точек никак не разгаданы. Но,

Доктор Гейкин работает с тобископом

Лампочка загорелась!

Нет ли здесь таинственной точки?

Таинственные точки найдены и у растений

как это не раз случилось в науке, найденное, но еще не разгаданное свойство уже научились использовать.

Посмотрев, как проводит диагностику доктор Гейкин, я попросил его проверить мое здоровье. Он обследовал тобископом мою ушную раковину — и тут, как мне показалось, произошла у доктора осячка. Он сказал, что у меня что-то неладно с коленным суставом левой ноги. А я не чувствовал никаких признаков болезни. Увы! — за свое неверие я был наказан быстро: через два дня в левом колене у меня разыгрался полиартрит. Прибор обнаружил заболевание до того, как пришли болевые ощущения.

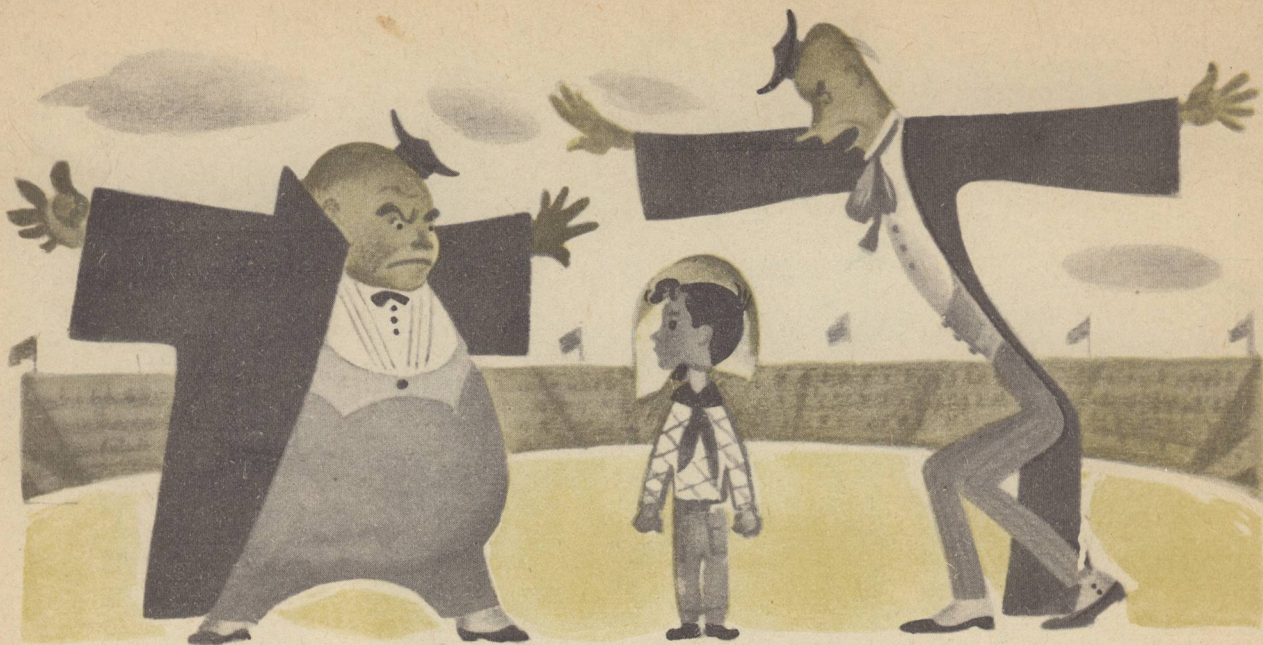
Вот так возникает на наших глазах еще одна загадка «светящихся» точек. Откуда они «узнают» о болезни в самом начале ее развития?

Уже высказано множество разных предположений. Но ни одно из них пока что не может быть признано окончательно истинным.

Ясно одно: новый метод диагностики, да и не только диагностики, уже и лечения тоже — электроимпульсом в «светящуюся» точку уже научились снимать боль — так вот, новый метод родился!

Нам остается только пожелать ученым и врачам, чтобы их замечательное открытие вошло в обычную практику нашей медицины как можно скорее.

Л. Верин

Плюс, Минус и Тимоша

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Игорь Ефимов

Рисунки И. Казаковой

— Что это было? — спросила девочка, указывая куда-то за спину Тимоша.

— Это? Это грибы. Хочешь грибов? Тут еще много осталось. Нет? Ты их не любишь? А я ужасно люблю. Попробуй — тебе понравится.

Девочка покачала головой и снова уставилась на него своим изучающим взглядом.

— Что ты меня все разглядываешь? — возмущился Тимоша. — Я тебе не книжка с картинками. И откуда ты вообще взялась? Тоже из какой-нибудь задачи? Я вот скажу Желтенькому, что ты к нему в сад без спросу лазишь — он тебе покажет.

— Нет, я не из задачи, — сказала девочка насмешливо-презрительным тоном. — И не советую кому-нибудь говорить, что вы меня здесь видели.

— Не из задачи? — обрадовался Тимоша. — Значит, ты... Значит, вы тоже прячетесь? Как и я? От этих мерзких докторишек? А вы не знаете, как отсюда можно выбраться? У меня дома, наверно, очень волнуются. Давайте бежать вместе, хорошо? Согласны?

Но она будто и не слышала его слов, глядела по-прежнему задумчиво и вдруг снова спросила:

— Так что же это было?

— Что? — не понял Тимоша.

— Там. — Девочка сняла перчатку и показала на лоб — сначала на свой, потом на Тимошин. — Там, где человек в лодке. И танцующий мальчик. И мячики.

— Ах, мячики... Просто я сон такой видел.

«И эта в голове умеет читать», — с тоской подумал Тимоша. Ему почему-то сразу стало очень грустно и одиноко при мысли, что и эту девочку, быть может, придется обманывать, — ему ужасно этого не хотелось.

— Но там было все неправильно, — сказала она. — Так не бывает.

— Подумаешь, неправильно. Это же сон. Понимаете — сон.

— Что такое «сон»?

— Ну, когда спишь и видишь всякие картины, людей, события — иногда страшные, иногда смешные. А вы разве не видите снов?

— Никогда.

— Не расстраивайтесь. Вообще-то ничего в них хорошего. Иногда так страшно станет, а не убежать.

— Там было еще что-то. Кроме картин.

— Что еще?

— Что-то невидимое.

— Как же вы его тогда увидели?

— Не знаю. Это было что-то похожее на поток воды.

— А-а, музыка, — догадался Тимоша. — Мне часто снятся такие сны — с аккомпанементом.

— А вы не могли бы... — девочка как будто смутилась.

— Что?

— Не могли бы еще разочек заснуть?

— Вот еще. Буду я спать нарочно для всяких девочек.

Девочка обиженно выпятила губку и отвернулась — видимо, она не привыкла или просто не умела упрашивать.

— Да я уже выспался. Мне больше не заснуть — невозможно!

Но она сделала вид, что не понимает, — девчонки очень здорово умеют не понимать, когда им это выгодно.

— Я бы мог вам что-нибудь спеть, не засыпая, но у меня нет голоса, — сказал Тимоша. — Зато есть слух — меня даже хотят отдать в музыкальную школу.

— Слух? — презрительно переспросила девочка. — У кого же нет слуха?

— Нет, у меня другой. Музыкальный. И память. Я могу целую оперу наизусть запомнить. Например, «Садко». Знаете, это: «Мечи булатны, стрелы остры у варя-а-а-гов...»

— Про стрелы лучше не надо.

Окончание. См. «Костер» №№ 5—6, 1971 г.

Тогда Тимоша сосредоточился и запел в уме: «Прости, небесное создание, что я нарушил твой покой».

Наконец-то она перестала смотреть на него с холодным любопытством. Щеки ее порозовели, глаза блеснули, пальцы теребили бахрому эпалет — она была очень взволнована, и это делало ее еще красивей. Тимоша тоже почувствовал, что волнуется так, будто перед ним целый зал зрителей, а не одна случайная девочка.

— Увертюра к опере Петра Ильича Чайковского «Пиковая дама», — торжественно объявил он.

И «сыграл» всю увертюру.

Потом «спел» еще хор охотников, песню индийского гостя, половецкие пляски и даже дуэт Ромео и Джульетты. Помогая себе, он беззвучно выводил ртом каждую ноту, солировал то на скрипке, то на ударных, то на духовых и размахивал руками, как заправский дирижер. Девочка смотрела на него с искренним восхищением — от ее высокомерия не осталось и следа.

— Уже? — вздохнула она, когда уставший Тимоша объявил антракт. — А я бы, наверно, могла слушать вас целый день.

— Лучше купите магнитофон, — честно посоветовал Тимоша. — У него звук чище. Или проигрыватель.

Девочка улыбнулась ему и покачала головой.

— Нет, я буду прилетать только к вам.

— Прилетать? — удивился Тимоша.

— Да. Больше мне нельзя задерживаться, но, может быть, завтра...

— А вы уже уходите?

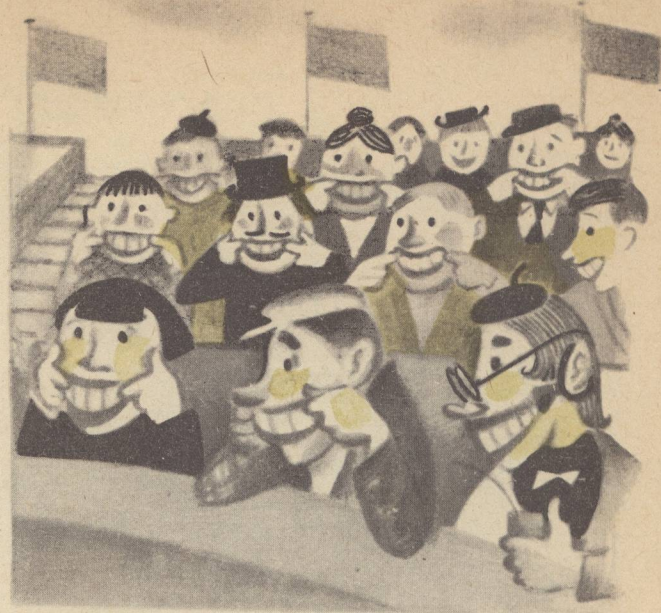
— Мне пора.

— Но мы же ни о чем не договорились! Как будем отсюда смываться? На чем? Ведь если честно сказать, то завтра...

— Ой! — воскликнула девочка, посмотрев на часы. — До завтра, до завтра.

И она побежала в глубину садика. Потом на мгновение задержалась, но только для того, чтобы крикнуть ему из-за кустов:

— А все же «не счесть алмазов в каменных пеще-

рах» — это явная ошибка. Нет ничего на свете, чего нельзя было бы счесть.

Несколько секунд спустя за деревьями раздалось негромкое жужжание, над листвой поднялся крошечный красный вертолетик, и за стеклами кабины Тимоша увидел девочку, махавшую ему рукой.

— Постойте! Возьмите меня! — завопил он. — Почему же вы ничего не сказали про вертолет? Я буду петь и играть вам сколько захотите! С утра до вечера!

Но девочка, видимо, не слышала его.

Она помахала ему еще раз, надела свои очки, вертолетик жажужжал по-пчелиному, начал подниматься, набирая скорость, уменьшаться и, точно шарик, сносимый ветром, — боком, боком, — исчез за соседними крышами.

Новая опасность

— Слушай, а в вашем училище на вертолетах не учат летать?

Это было первое, что Тимоша спросил у Желтенюкко, когда тот вернулся.

— Вот еще, — с презрением фыркнул Желтенюккий. — Ты, наверно, спутал — просто их училище рядом с нашим. Мы их, знаешь, как дразним, этих вертолетчиков? Саранча зеленая.

— А они вас?

— Ползунки желтоголовые. Глупо, правда? И еще сыплют нам на головы всякий мусор, когда пролетают. Но мы им еще покажем.

— Чего это ты так расхрабрился? — удивился Тимоша.

— А ничего. — Желтенюккий даже пританцовывал на месте — так ему не терпелось чем-то поделиться. — А я знаю, кто ты! — выпалил он вдруг. — Ты и есть тот опасный преступник, которого все разыскивают. Скажешь, не так? Не правильно?

Тимоша посмотрел на него и ничего не ответил. Сознаваясь ему не хотелось, а врать просто не было больше сил.

— Правильно, правильно! — запрыгал Желтенюккий. — Это правда, раз молчишь, — значит, правда.

И он повалился на спину, болтая ногами от удовольствия.

— А ты-то чему радуешься? — уныло спросил Тимоша.

— Как «чему»? Ведь это я сам! Сам додумался. Со-о-бра-зил. Все сопоставил, как ты не пошел домой,

как прятался у меня, как обманул доктора Плюса, — и сделал вывод. Правильный вывод! Значит, я умею соображать. Пусть теперь мне кто-нибудь скажет еще раз, что я бестолочь, пусть попробует.

— Ты у нас просто гений, — насмешливо сказал Тимоша. — А ты не попробовал соображать дальше? Что теперь с тобой сделают, если узнают, что ты прятал опасного преступника? Что давал ему свою курточку? Что не пошел сразу к докторам и не рассказал про него?

Желтенюккий перестал болтать ногами и уставился на Тимошу с таким ужасом, что Тимоша пожалел о своих словах, — веселый Желтенюккий ему гораздо больше нравился, чем напуганный.

— Но ведь ты... Ты меня не выдашь? — пробормотал он.

— А ты — сам себя?

— Ах, если бы я был такой, как ты! — воскликнул Желтенюккий. — Если б умел скрывать свои мысли от докторов!

И он снова начал ныть и жаловаться на свою судьбу, — казалось, что ему даже доставляло какое-то удовольствие жалеть себя и оплакивать.

— Помолчи и не мешай мне, — строго оборвал его Тимоша. — Я должен подумать.

— Правильно или наоборот?

— Конечно, правильно. Мне нужно обдумать один план.

В сущности, планом это нельзя было назвать. «Пораскинуть мозгами», как сказал бы папа. Раз тут есть

вертолеты, рассуждал Тимоша, в которых могут летать даже девочки, почему бы ему не попытаться спастись на вертолете? Оставалось только две проблемы: как до них добраться и как запустить мотор. Без помощи Желтенького ему ни за что с этим не

справиться. Желтенький, конечно, поможет ему, но что здесь не нравилось Тимоше. Он даже не знал уже толком, хочется ли ему лететь одному. Ах, если бы можно было полететь вместе с девочкой в пестрых погончиках! Но где ее найти? Ждать же еще один день до завтра было страшно — хитрые доктора могли придумать что-нибудь новое и сцапать его в любой момент. Тут Тимоша спохватился, поднес к глазам телевизор-бинокль, лежавший на столе, — и очень вовремя.

— ...сделано все, — говорил диктор, — чтобы схва-

тить опасного преступника сегодня же ночью. Он будет найден с помощью инфракрасных прожекторов. Приборы инфракрасного видения в сплошном мраке воспринимают все живое как вспышку света. Поэтому выходить на улицу опять можно только тем, кому жизнь надоела. А теперь слушайте лекцию об инфракрасных лучах.

Тимоша выключил бинокль и незаметно спрятал его в карман. Как хорошо, что Желтенький ничего этого не слышал и не видел! За окном уже смеркалось, еще немного — и начнется настоящая инфракрасная ночь.

— Пошли, — приказал Тимоша, решительно поднимаясь со стула.

— Куда? — спросил Желтенький.

— Приводить в действие мой спасательный план. Если ты мне поможешь, я постараюсь научить тебя выдумывать и фантазировать.

— Ура-а! — закричал Желтенький, вскакивая вслед за ним. — За это — что угодно!

И они оба, застегнув куртки и нажав на кнопки на глаза, вышли из дому.

На пути к спасению

Стена была абсолютно гладкая, но невысокая: Тимоша подсадил Желтенького, тот легко взобрался на нее и втащил Тимошу за собой. Только они прыгнули вниз, как на улице погасли все фонари. Наверно, их выключили, чтобы они своими видимыми лучами не мешали инфракрасным, невидимым.

— Скорей! — прошептал Тимоша и потащил Желтенького под прикрытие каких-то баков.

Большое здание вертолетной школы темнело на фоне неба, и только над одной дверью слабо светилась красная надпись: «Влет воспрещен». Желтенький поколдовал над замком, пробубнил какие-то цифры, и дверь бесшумно открылась. Они вошли в длинный полутемный коридор и, крадучись, пошли вперед мимо таблиц и плакатов, развешанных по стенам. Моторы и механизмы, изображенные на плакатах, были аккуратно разрезаны, словно яблоко ножом, и каждая деталь для большей понятности окрашена в свой цвет, но у Тимоши только рябило в глазах и никакой понятности не прибавлялось. Он вспомнил моторку, которая отказывалась слушаться его, — что если и вертолет в воздухе начнет выкидывать какие-нибудь фокусы? Разве сумеет он разобраться во всех этих рычагах и колесах и заставить их работать как надо? Но отступать было некуда — уж лучше разбиться, чем сидеть сложа руки и ждать, когда тобой... пренебрегут.

— Наверно, сюда, — сказал Желтенький и толкнул железные ворота в конце коридора.

За ними открылся полутемный зал.

Пол в нем был сделан из больших квадратных плит, и на них в шахматном порядке стояли вертолеты. От потолка к плитам тянулись блестящие металлические тросы — видимо, для того, чтобы поднимать их вместе с вертолетами на крышу.

Вдруг раздался негромкий щелчок.

Тимоша вздрогнул, но это просто переключились светящиеся часы на стене.

— Ну, — сказал Желтенький, делая широкий жест рукой. — Выбирай, какой тебе больше нравится.

Вертолеты все были одинаковые, и сколько Тимоша ни всматривался, он так и не увидел среди них ни одного красненького: все они были выкрашены одной и той же скучно-зеленой краской — и правда, как саранча. Поэтому он залез в первый попавшийся и смело взлез за какой-то рычаг.

— Осторожней! — взвизгнул Желтенький, сбрасывая его руку. — Ты что? Захотел головой прошибить потолок? Дрыбадан! Неужели вас не учили, как управлять такой простой машиной?

— Учили когда-то, — смутился Тимоша. — Но я все забыл. Ты бы не мог мне напомнить?

Желтенький даже надул от важности и удовольствия — видимо, ему и в голову не приходило, что этот бесстрашный и мудрый Тимоша может не знать чего-то, что знает он, обыкновенный ученик автошколы. Он начал подробно объяснять, какой кнопкой включается мотор, как надо управлять высотой, куда поворачивать рычаг, чтобы лететь быстрее или медленнее, и Тимоша старательно все запоминал, повторяя по нескольку раз про себя. Когда же обучение было закончено, Желтенький умоляюще посмотрел на него и спросил:

— А ты? Ты научишь меня, чему обещал?

— Ну, это очень просто, — весело сказал Тимоша. — Вот смотри: часы показывают двенадцать ночи, так? Теперь повторяй за мной: часы показывают половину второго.

— Половина второго, — с готовностью повторил Желтенький.

— А теперь то же самое скажи не вслух, а подумай в уме.

Желтенький наморщил лоб, закрыл рукою глаза, изогнулся так, будто поднимал тяжелый чемодан, и застыл в этой позе. Казалось, он делает какую-то тяжелую работу, которая ему не по силам, — даже пот выступил на губе.

— Нет, не могу, — жалобно произнес он наконец. — Ведь они ясно показывают двенадцать. Две-над-цать!

— Да ты постарайся, — убеждал его Тимоша. — Ты напряги свое воображение.

— Я стараюсь. Я очень стараюсь, но, наверно, у меня нет этого... как ты сказал?

— Воображения.

— Наверно, у меня его нет. Никогда я не смогу этому научиться. Никогда. Лучше и не пытаться.

Он понурился и грустно уставился себе под ноги.

В зале было тепло, электрические часы ритмично пощелкивали, и вскоре они оба незаметно уснули в мягком сиденье. Тимоше всю ночь снилась девочка: то она убегала от доктора Плюса, гнавшегося за ней с котом на поводке, то вдруг превращалась в учительницу и строго спрашивала Тимошу о чем-то, а он не знал, как ответить, то садилась к роялю, нажимала пальцем на клавишу и радостно смеялась. Когда он проснулся, за окнами уже рассвело и Желтенький тормошил за плечо, приговаривая:

— Вставай, вставай. Уже солнце взошло, можно лететь.

Тимоша протер глаза, вспомнил, где он и что ему предстоит, и в груди у него тосливо заняло.

Еще хуже стало, когда Желтенький включил подъемник и их площадку рвануло вверх, к самому потолку, в котором уже автоматически открылся нужный квадрат. Мгновение — и они вместе с вертолетом оказались на плоской крыше училища. С той стороны, где всходило солнце, Тимоша увидел настоящий город с высокими домами, телевизионной башней и еще какими-то неизвестными сооружениями — может быть, теми самыми, инфракрасными, которых сейчас можно было уже не бояться. С другой стороны лес, видимо, заслонял от него озеро-океан. Почему-то ему казалось, что лететь надо именно туда, за лес. Во всяком случае, поднявшись повыше, он, конечно, сумеет сориентироваться, а может, сразу увидит свой поселок и даже свой дом, узнает по свежевывкрашенной крыше и полетит прямо туда, плавно опустится на улицу перед окнами дома, и сразу сбегутся все соседи и ребята, и мама с бабушкой выйдут на крыльцо, а он как ни в чем не бывало откроет дверцу, заглушит мотор...

— Ну, что же ты! — встряхнул его Желтенький. — Скоро занятия начнутся — нельзя бо... еще ждать.

Действительно, внизу по улице уже шли первые ученики и, показав пропуск сторожу, один за другим входили в калитку.

— Подожди, я сейчас, — сказал Тимоша и, отстранив Желтенького, подкрался к самому краю.

Осторожно высунув голову, он стал вглядываться в лица входивших. Все ребята были одеты в одинаковые зеленые курточки, и девочки тоже, но ни одна из них не была похожа на ту, которую надеялся увидеть Тимоша. Потом по улице прошло несколько взрослых в мундирах, видимо, преподаватели. Они остановились у калитки и стали о чем-то оживленно говорить со сторожем, размахивая руками и указывая пальцами на крышу — видимо, заметили вертолет.

Времени больше терять было нельзя.

Залезая в кабину, Тимоша успел заметить, что мундиры и сторож бегут через двор к зданию училища. Он помахал Желтенькому, чтобы тот отошел подальше, и нажал кнопку «пуск». Мотор послушно завелся, винт начал вращаться над головой, но в то же время на пульте зажглась какая-то дощечка, про которую Желтенький ему ничего не рассказывал.

— Проверка перед вылетом. Проверка перед вылетом, — раздался у него над ухом радиоголос. — Пятьсот тридцать восемь умножить на триста двадцать семь, разделить на три.

— Семью восемь, — забормотал в отчаянии Тимоша, — пятьдесят шесть. Шесть пишем, пять в уме. Семью три...

— Цейтнот! — рявкнул голос. — Вторая проверка.

И высypал на светящуюся табличку новую порцию чисел.

— Да что я вам — счетная машина?! — закричал Тимоша. Он попробовал нажать педаль вылета, но она была зажата намертво, и в Тимошиной голове сами собой всплыли слова из папиных рассказов про работу: «автоматическая блокировка».

— Третья проверка, — не унимался голос.

Тимоша сделал последнюю отчаянную попытку сосчитать, но на первом же умножении раздался вой сирены, цифры пропали с дощечки и вместо них загорелась зловещая

надпись: «Провал». Площадка дрогнула, начала опускаться вместе с вертолетом, медленно, потом быстрее. Мелькнул лес, открытое небо, которое уже было так близко, Желтенький, прижавший рупором ладони ко рту (наверно, пытался подсказать), и запертый в кабине Тимоша плавно опустился назад, прямо в руки к мундирам, только что вбежавшим в зал.

Турнир докторов

— Вы упрямая жердь! Вы зануда. Консерватор и рупинер! — выкрикивал доктор Плюс, расхаживая широкими шагами по кабинету. — Поймите, наконец, что пренебречь — это старо. Это не эффектно. Это уже ни на кого не производит впечатления.

Доктор Минус, весь залепленный пластырями, злобно следил за ним из-за стола и упрямо твердил свое:
— Пренебречь, только пренебречь. Пусть старо. Пусть не эффектно. Но это мой преступник. У меня с ним счеты. Личные. Пренебречь и только. Без пощады.

— Какая пощада? Кто здесь говорит о пощаде? Но эффект! Вы представляете, какой эффект даст приумножение? Как он раздуется на глазах всех зрителей Парадного поля и лопнет, словно воздушный шар.

Тимоша, сидевший тут же в углу, при этих словах весь съежился: приумножение показалось ему куда страшнее пренебрежения.

— Нет, нет и нет, — стоял на своем доктор Минус. — А мой позор? Мои раны? Я должен отомстить. Я — и никто другой.

— А я? Разве я не должен отомстить? Вы посмотрите, что он сделал с котюней. Животное утратило нюх, все таланты и вообще вкус к жизни. Чего стоят по сравнению с этим ваши болячки.

- Не болячки, а раны.
- Жалкие царапины.
- Все равно, пренебречь.
- Приумножить.
- Стереть в порошок.
- Нет, развеять по ветру.

Они долго еще так пререкались, пока вдруг доктор Плюс не остановился и не хлопнул себя по лбу.

— Идея! — завопил он. — Колоссально! Мы устроим с вами соревнование. Турнир! Вы только представьте себе.

— Какое еще соревнование?

— Небывалое! Сверхэффектное! Вы и я — кто кого? Преступника ставим между нами — вы пренебрегаете, я приумножаю. И кто кого пересилит. Ну, как? Годится?

— Хм-м. Действительно. Это может быть любопытно.

— Любопытно? — передразнил его доктор Плюс. — Гениально, а не любопытно! Неужели вы не можете

хоть раз в жизни пересилить свою зависть и честно признать мои заслуги?

— Но ведь я готов согласиться. Я уже почти согласен.

— Еще бы вы не были согласны! Да чтобы вы вообще делали без меня с вашей паутиной вместо мозгов, с вашим убожеством, узостью интересов...

— Короче — чего вы от меня еще хотите?

— Признания, — устало сказал доктор Плюс. — Ни орден, ни почестей — только признания. Чтобы люди, с которыми я вынужден работать, умели хотя бы ценить талант. Чтоб кто-нибудь, кроме меня самого, восклицал: «Гениальная мысль, изумительная штука...»

— Ну, хорошо, хорошо, — попытался успокоить его доктор Минус. — Идея, и правда, замечательная. Думаю, мы с вами от души позабавимся.

— Наконец-то, — вздохнул обиженный доктор Плюс.

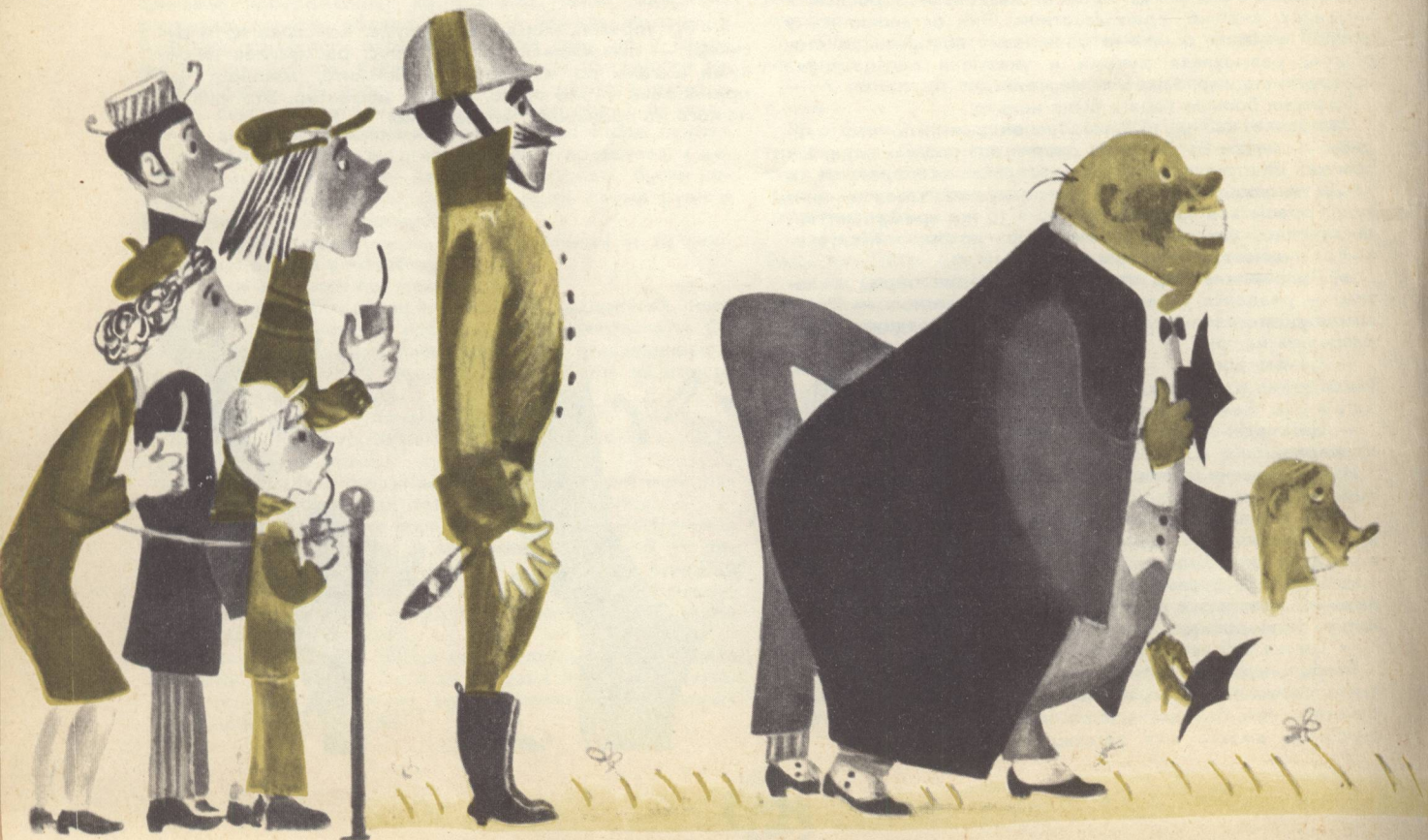
— Если хотите, я даже возьму на себя всю подготовку. Думаю, двух часов мне хватит.

— Да, прошу вас. Я как раз успею отдохнуть от умственного напряжения. Впрочем, сомневаюсь, чтобы вам было известно, что это такое.

И он, подхватив кота и гордо задрав голову, вышел из кабинета.

...Два часа спустя все было готово.

Трибуны Парадного поля были полны, зрители галдели, ссорились из-за мест, покупали у разносчиков стаканы с торчащей трубочкой и сосали кому что нравится. Хлопали флаги, изукрашенные столбцами разноцветных чисел. Посреди зеленого поля стоял специальный пластмассовый помост, на который с двух сторон вели ступеньки, покрытые ковром. Когда Тимошу вывели на помост, по трибунам пронесся шепест изумления — никто не ожидал, что знаменитый преступник окажется просто-напросто десятилетним мальчишкой.

Но все равно никому, по-видимому, не стало его жалко: как Тимоша ни всматривался, он не увидел ни одного человека, который бы перестал болтать, смеяться или сосать что-то через трубочку из своего стакана.

Он пытался найти взглядом Желтенького — не потому, что надеялся на какую-то помощь от него, но чтобы убедиться, что тот на свободе и ему не грозит никакая опасность. Впрочем, если бы Желтенького схватили, он бы скорее всего стоял сейчас рядом с ним на помосте. «Может быть, ему все-таки удалось улизнуть?» — с надеждой подумал Тимоша. — Все же я его чему-то научил...

Когда же появились оба доктора, Плюс и Минус, их встретили дружными аплодисментами и растягиванием губ в улыбку. Все с нетерпением ждали необычайного соревнования.

— Друзья! — сказал доктор Плюс, поднявшись по ступенькам на помост. — Вам уже известны страшные дела этого маленького негодяя. Теперь вы сможете наглядно убедиться в последствиях его злодеяний. Дорогой доктор, продемонстрируйте вещественные доказательства.

Доктор Минус задрал штанину, показал синяк на колене, потом поднял над головой две щепки и объявил: — Макеты заноз. Вытащенных из моего живота. Стократное увеличение.

— Ух ты! Вот это да! Глядите, глядите, — прокатилось по трибунам.

— Теперь преступник в наших руках, — продолжал доктор Плюс, — и будет немедленно предан заслуженной казни. Как говорится, любил кататься, люби и саночки возить. У-ха-ха-ха!

Оба доктора стали по краям помоста и уставились на Тимошу.

— Прошу вас, начинайте, — сказал один.

— Нет, давайте вы, а я за вами, — сказал другой.

— Слишком большая честь для меня.

— Но ведь вы ее вполне заслужили.

На людях они не ссорились, не ругались, а из всех сил изображали дружбу и предупредительность.

— Ну, хорошо, — сказал наконец доктор Плюс. — Уговорили.

А Тимоша? Неужели он уже смирился, неужели стоял и покорно ждал наказания, которого не заслужил?

Нет, конечно, нет. Он стоял, весь напрягшись, как маленькая пружина, готовый к борьбе, и упрямо повторял про себя: «Не сдаваться, не сдаваться».

— Я тебе покажу «не сдаваться»! — сказал доктор Плюс и начал растопыривать руки.

Но Тимоша напрягся, сосредоточился и, глядя ему прямо в глаза, вообразил себя танком с ревущим мотором и сделал несколько шагов вперед.

— Помогите! — завопил доктор Плюс, бросился бежать и кубарем свалился с помоста.

Тимоша, не теряя времени, «развернулся и поехал» в другую сторону. Но доктор Минус, делая огромные прыжки, уже несся прочь от него, подобрав плащ до самых подмышек.

На трибунах смеялись, вытягивали шеи, тормозили передних — никто не понимал, что произошло.

Караульные в растерянности метались вокруг помоста: одни поднимали доктора Плюса, другие держали Тимошу, третьи пытались успокоить публику. Общее замешательство длилось до тех пор, пока толстый Плюс не пришел в себя и не влез снова на помост. В Тимошину сторону он старался не смотреть.

— Друзья! — воскликнул он. — Да это мы нарочно! Это шуточный номер. Заранее задуманный аттракцион, чтобы вы сами могли убедиться, как опасен преступник. А теперь мы начнем по-настоящему. Принесите мысленнопробиваемый колпак.

Двое караульных поднялись на помост, неся в руках что-то прозрачное, похожее по форме на рыцарский шлем, только без всякой щели или забрала. Они надели этот шлем-колпак Тимоше на голову и пристегнули ремнями.

— Ха-ха! — торжествовал Плюс. — Теперь посмотрим, помогут ли тебе твои хитрости.

Тимоша поглядел на него сквозь прозрачные стенки, попробовал по очереди вообразить себя танком, пушкой, пулеметом — ничего не помогало. Вещество, из которого был сделан колпак, действительно не пропускало ни одной мысли.

Оба доктора снова вернулись на свои места. Публика на трибунах успокоилась и ждала, затаив дыхание. Даже флаги перестали биться на ветру.

«Ну, все, — с ужасом подумал Тимоша. — Теперь уж точно конец».

Он обвел взглядом все поле, людей на трибунах, поднял глаза к небу и тут...

Если б на нем не было колпака, он бы протер глаза, чтобы убедиться — это не фантазия.

В небе появилось и начало быстро расти красное пятнышко.

Вертолет!

Это был тот самый вертолет, на котором прилетала девочка! И он летел прямо к нему. Неужели она решилась спасти его?

«Скорей, скорей!» — мысленно умолял ее Тимоша.

Доктора уже начали растопыривать руки, и черные их плащи превращались в огромные плюс и минус.

Вертолет был теперь совсем близко, и Тимоша мог ясно разглядеть за стеклами кабины знакомый профиль и даже ленту в волосах. Да, это была она — девочка из сада! Ах, если б она догадалась подлететь поближе и сбросить ему лестницу. Ведь руки у него были свободны — он бы уцепился и мигом вскарабкался наверх, и они были бы спасены. Если б только она догадалась!

Но что же она делает?!

Зачем опускается на поле? Зачем заглушает мотор и открывает дверцу? Ведь он не может добежать до нее — его схватят... Ой — зачем она выходит сама? Сейчас ее заметят! Да, уже заметили — мерзкие докторишки сбегают с помоста и бегут в ее сторону. Сейчас они добегут, сейчас схватят и ее тоже. Вот они уже рядом, сейчас...

Приснилось или не приснилось?

Но они не схватили ее.

Не добежав нескольких шагов, оба доктора остановились, приподняли шляпы и согнулись в низком поклоне.

Девочка вышла из вертолета и сразу же стала что-то сердито им выговаривать, а они только разводили руками и кланялись.

Тимоша смотрел и не верил своим глазам.

— Ваше арифметическое сиятельство, — доносилось до него. — Как мы счастливы вас видеть... Такая честь... Мы ждали вас только через неделю, но уже готовились... Почему же вы не предупредили?! Мы бы устроили торжественную встречу.

— Вы и так здесь... устроили! — гневно сказала девочка, указывая на Тимошу. — Немедленно освободите его.

— Но, ваше сиятельство...

— Как можно?

— Это опасный преступник.

— Ос-во-бо-ди-те! — топнули ножкой их сиятельство. — Вы даже не умеете отличить Неизвестного Пришельца от собственного подданного — стыдитесь!

Двое караульных по знаку девочки сняли с Тимоши мысленнепробиваемый колпак.

Оба доктора в страхе попятнулись от него, но у Тимоши уже не было никаких сил напрячь свою фантазию и хорошенько пугануть их за все, что они с ним сделали. Он только смотрел на девочку во все глаза и чувствовал, что в горле у него опять начинается щипать оттого, что она такая красивая.

— Не бойтесь, — сказала девочка, улыбаясь и беря его за руку. — И не сердитесь на нас, если можете. Ведь я тоже не сразу поняла, кто вы и откуда.

Она потянула его за собой, и они, держась за руки, прошли мимо ошарашенных и кланяющихся докторов к вертолету. Публика на трибунах поднимала свои стаканы, размахивала руками и приветствовала девочку восторженными криками, но она не обращала внимания.

— Передайте мой нижайший поклон ее математическому величеству, — просил доктор Минус. — Мой личный нижайший поклон.

— Вы прилетите к нам снова? — кричал сквозь шум доктор Плюс, забегая вперед и распахивая перед ними дверцу. — Когда нам ждать инспекции?

— В любой момент, — сказала девочка, пропуская Тимошу впереди себя в кабину. — В любой момент дня и ночи. Вы меня поняли?

— Поняли, поняли, — кивали и кланялись доктора. — Сегодня начнем готовиться, непременно. Счастливого вам пути.

Они выглядели такими растерян-

ными, беспомощными, что Тимоша не мог на них больше сердиться и даже помахал рукой.

— В какую точку пространства и времени вас доставить? — спросила девочка.

— Чего-чего?

— Где ваш настоящий дом?

— В поселке Глубоком.

— А где это?

— Наверно, на полпути из пункта А к пункту Б, — догадался Тимоша.

— Хорошо. А когда?

— Что «когда»?

— В какое время вам нужно там быть? В прошлом? В будущем?

«В будущем!» — хотел крикнуть Тимоша, но вспомнил про родителей, наверно, сходящих с ума от волнения, со вздохом сказал:

— В прошлом. В прошлое воскресенье, часа в два дня.

Девочка кивнула и повернула какие-то стрелки на пульте управления. Потом нажала кнопку — мотор у нее включился сразу, без всякой «проверки перед вылетом». Лопасти винта завертелись и как бы растворились в воздухе, вертолет качнулся, земля с зеленой травой стала уходить вниз; оба доктора со шляпами в руках, караульные, публика на трибунах, флаги — все теперь сверху казалось маленьким и чистеньким, как игрушечное. Слева остался город с трубами и мачтами, с зоопарками и школами, внизу проплывал ровными рядами лес, сосны, березы, ели, а вот показалась и вода, она ослепительно сверкала на солнце, и это сверкание мешало разглядеть другой берег, если его вообще можно было увидеть.

— Как грустно, — сказала вдруг девочка, не поворачивая головы. — Как это грустно, что нам с вами нельзя быть вместе. Мне так понравилось то, что вы называете музыкой.

— Но почему? — воскликнул Тимоша. — Кто сказал, что нельзя?

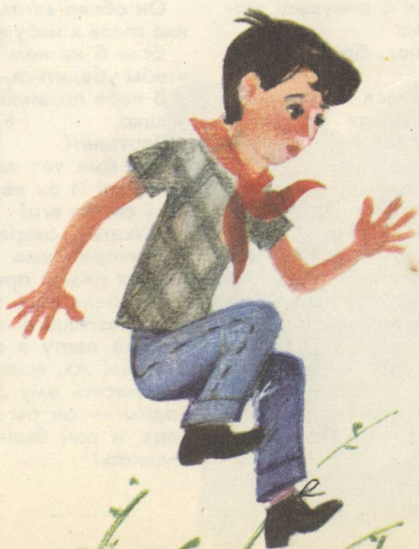
— Ее математическое величество, моя мама. Я рассказала ей о нашей встрече, и она... Она пришла в ужас.

— Моя тоже — чуть что, сразу в ужас приходит.

— Она сказала, что это совершенно недопустимо, что вам ни в коем случае нельзя у нас оставаться, и хотела послать целый отряд интегралов, но я упростила ее, чтобы она разрешила мне самой... самой отвезти вас, куда вы пожелаете.

— Но почему? Почему?

— Потому, что вы можете нарушить весь строгий порядок, царящий в нашей стране. И это правда — вы пробыли совсем недолго в пункте Б, а устроили там настоящее столпотворение.

Тимоша виновато потупился, и в голове его сама собой зазвучала очень грустная мелодия.

— Нет-нет, прошу вас! — воскликнула девочка и даже заткнула уши. — Этого мне тоже нельзя. Я обещала маме, что не буду слушать никакой музыки. Лучше попросите меня о чем-нибудь. Мне бы так хотелось сделать для вас что-нибудь приятное.

— Приятное? Вы и так уже спасли меня — разве мало?

— Какие пустяки. Доктора бы все равно не могли вам ничем повредить. Они страшны только тем, у кого в голове все подчинено числам. Скорее, я не вас спасла, а их. От позора.

— Тогда скажите им, чтобы они не наказывали Желтенного за дружбу со мной.

— Обязательно. А можно я награжу вас орденом?

— За что?

— Не знаю. Все просят у меня орденов — я думала, это каждому приятно. Смотрите, какие есть красивые (она открыла специальный ящик под штурвалом): первой степени, второй, третьей. А вот еще очень важный логарифм.

— Мне больше нравится вон тот, — сказал Тимоша.

— Орден Равенства? Награждаю вас им за... за смелость, за сообразительность и за прекрасный концерт. И еще за то, что вы такой хороший и необыкновенный.

— Спасибо, — смутился Тимоша. — Я бы тоже хотел вам что-нибудь подарить, но с собой у меня ничего нет. Вот дома...

— Ага, смотрите! — воскликнула девочка. — Так я и знала.

Впереди показался берег озера, но Тимоша не узнал его — там не было ни улиц, ни домов, — только трава, камыши и кусты.

— Видите, видите, — говорила девочка. — Вон там, правее, пространственно-временная трещина. Через нее-то вы и попали к нам.

— Но отчего она могла образоваться?

— Вы слишком напряженно думали над задачей в тот момент, когда она вдруг почему-то испортилась.

— Я уронил на нее кляксу.

— Все ясно! Задача превратилась в неопределенность, а напряжение мысли было слишком велико — вот вам и трещина. Я поближе, остановлюсь прямо над ней — тогда прыгайте.

— А вы?

Девочка только вздохнула и покачала головой, будучи упрекая его за непонятливость.

— Но почему? Неужели вы не можете даже зайти ко мне в гости? Хоть ненадолго? Я бы сыграл вам по-настоящему на пианино, познакомил с бабушкой, мы бы пошли на футбол...

Тимоша так разволновался, что, уговаривая, схватил девочку за руку, лежавшую на штурвале, — вертолет сильно качнуло.

— Осторожней, — попросила девочка. — Мы уже почти у цели. Вот сейчас... еще немного... Так — хорошо. Теперь прыгайте, пока нас не отнесло.

Тимоша выглянул в окно.

Кругом был пустынный берег, колеса вертолета поч-

ти касались высокой, давно не кошенной травы, в которой можно было различить узкую тропинку — видимо, протоптанную АБ. Тимоша обернулся к девочке, хотел сказать, что они залетели куда-то не туда, что он не видит здесь ни пространственно-временной трещины, ни своего дома, и что он вообще не хочет с ней расставаться, но ничего сказать не успел, потому что девочка вдруг нагнулась к нему и поцеловала.

Все слова застряли у Тимоши в горле.

Сколько раз он видел по телевизору и в кино, что люди целуются, и всегда это было ему только смешно, а тут...

Тут он совершенно растерялся, и ему захотелось то ли убежать, то ли запеть, то ли самому поцеловать девочку, и тогда в полном смятении, почти ничего не соображая, он открыл дверцу и прыгнул.

В тот же момент трава, берег, вертолет — все исчезло, и он упал на пол в своей комнате.

...Казалось, здесь ничего не изменилось за время его отсутствия.

Так же стояли все вещи, так же лежали на столе его тетрадки и раскрытый задачник. За окном шел Ванька Карабликов и с отрешенным лицом лизал мороженое.

Тимоша подбежал к столу, раскрыл задачник, вписал над кляксой слово «вдвое» и прочел еще раз условие. Задача показалась ему смехотворно простой, он в одну минуту решил ее и написал ответ: три четверти часа. Потом встал, снова оглядел всю комнату, обошел углы, заглянул под кровать и, уже почти успокоившись и решив, что все ему только приснилось, вдруг с изумлением застыл перед зеркалом, уставясь на свое изображение.

На груди его блестел и переливался орден Равенства...

Час спустя бабушка Тимоши звонила в город и просила папу и маму срочно вернуться.

— Да не пойму я, что случилось, — кричала она, прижимая слуховой аппарат к телефонной трубке, — а только мальчик сам не свой... Нет, не кашляет. И температуры нет... Железы? Щупала — нормальные. А только задумчивый очень... Чего? Вам-то хорошо, а мне на него глядеть — сердце кровью обливается. Уж такой задумчивый, такой! — два обеда съел в задумчивости и не заметил. Как это «ничего страшного»? Когда ж это было, чтоб ребенок столько съедал? А потом я ему говорю: ну что, Тимоша, небось на футбол теперь побежишь? Так знаете, что он мне ответил? Нет, говорит, бабуся, неохота. Я, говорит, лучше музыкой пойду занимаюсь. А?... Это же надо! Я чуть кастрюлю не выронила... Что-что? Как это «пусть занимается»? Да вы что... Ведь он сам — без приказа... Неужто и после такого не помчитесь домой? Ну, знаете... Ребенок два обеда съедает, музыкой сам занимается, а им хоть бы что! Изверги вы, а не родители...

И, с досадой бросив трубку на рычаг, бабушка побегала посмотреть, не случилось ли чего-нибудь еще более страшного с ее ненаглядным, бессердечным Тимошей.

К О Н Е Ц

Остановился КОСтя ТЕРкин в Узбекистане. Жара! А ученики из Янги-Юльского района школы № 67 имени поэта Мукими будто и не чувствуют ее: весело трудятся на хлопковых плантациях.

Посетил КОСтя ТЕРкин и Бухарскую область. В районе Тамды новая встреча — с юными чабанами, ребятами из школы-интерната.

— Ну и молодцы ребята, вон какие огромные отары доверены им! И еще встреча — на странице 56.

ВСЕ НА СОРЕВНОВАНИЯ ПО РЫБОЛОВНОМУ СПОРТУ!

(настольная игра для рыболовов)

Ранним июльским утром ребята из квартиры № 64 собираются на речке у плотины и предлагают вам принять участие в соревнованиях по спортивной ловле рыбы.

Порядок соревнования установлен: вы запасаетесь чистым листом бумаги для подсчетов; по очереди бросаете жребий или разыгрываете с помощью игрового кубика с шестью

сторонами места для ловли, пронумерованные на рисунке. (Выпала шестерка — ваше место № 6, выпала пятерка — № 5 и т. д.). Изучив место, вы выбираете из тех, что водятся в этой реке (смотри рисунок), ту рыбу, которая, по вашему мнению, может клюнуть в этом месте. Твердо решив, какую рыбу вы будете ловить, назовите ее.

Затем вы приступаете к выбору снасти, крючка, лески, насадки и прикорма. (Все, что имеется в распоряжении участников, обозначено в таблицах).

После этого вы складываете числа, соответствующие вашему месту, выбранной вами рыбе, снасти, прикорму, насадке, прибавляете номер крючка и диаметр лески.

Виды рыб	Снасти	Подкормка	Насадка	№№ крюч-ков	Диаметр лески
Щука 55	Спиннинг 0,9	Подкормки	Хлеб 50	4	
Голавль 50					
Жерех 45	Нахлыст 0,8	не требует-ся — 0	Черви 70	6	0,3
Сом 40					
Форель 35	Поплавковая	Хлеб 10	Кузнечик 90	10	0,5
Язь 30					
Судак 25	удочка 0,5	Черви 30			0,8
Окунь 20			Живец (малек) 110		
Линь 15	Жерлица 0,2				
Лещ 10			Лягушка 130		
Плотва 5	Донная 0,1		Блесна 150		
Ерш 0					

Полученную вами сумму вы сверяете с таблицей очков.

Если на вашу снасть, крючок и леску с выбранным вами прикормом (если он нужен), насадкой, ловится названная вами рыба и клюет в том месте, где вы ловили, и если вам

улыбнулось рыбацкое счастье, вы найдете вашу сумму в таблице рядом с названием вашей рыбы и запишете себе выигранные очки.

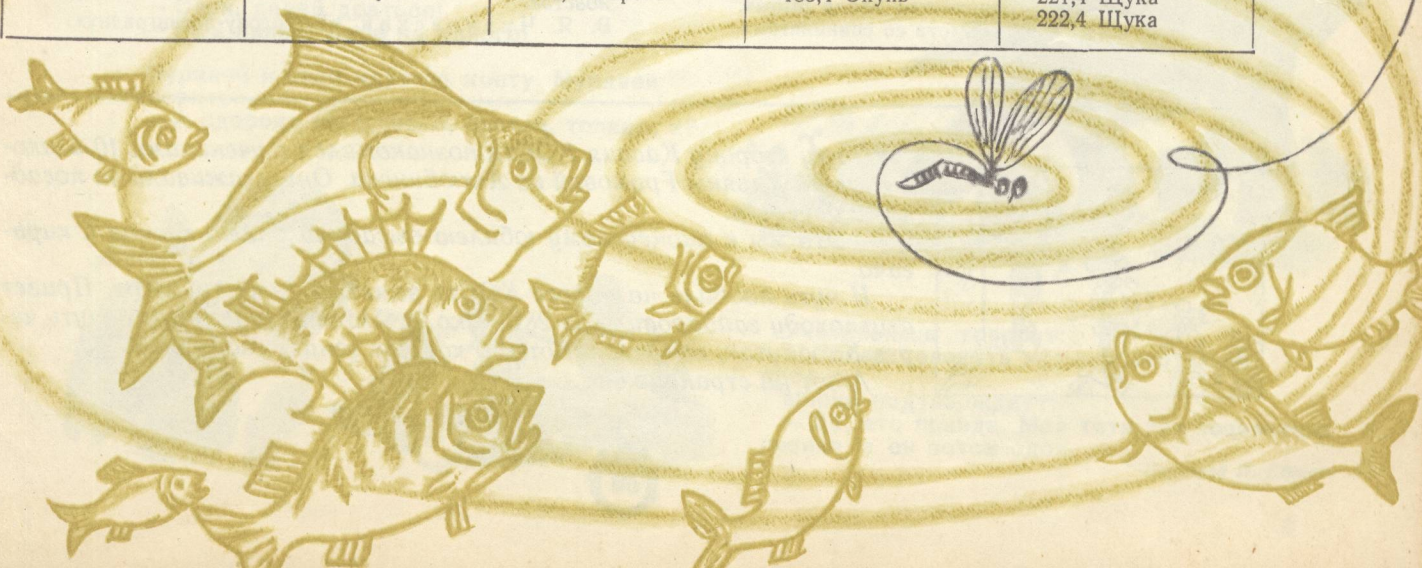
Если вашей суммы нет в таблице или против нее стоит название другой рыбы, значит, вы нарушили одно из

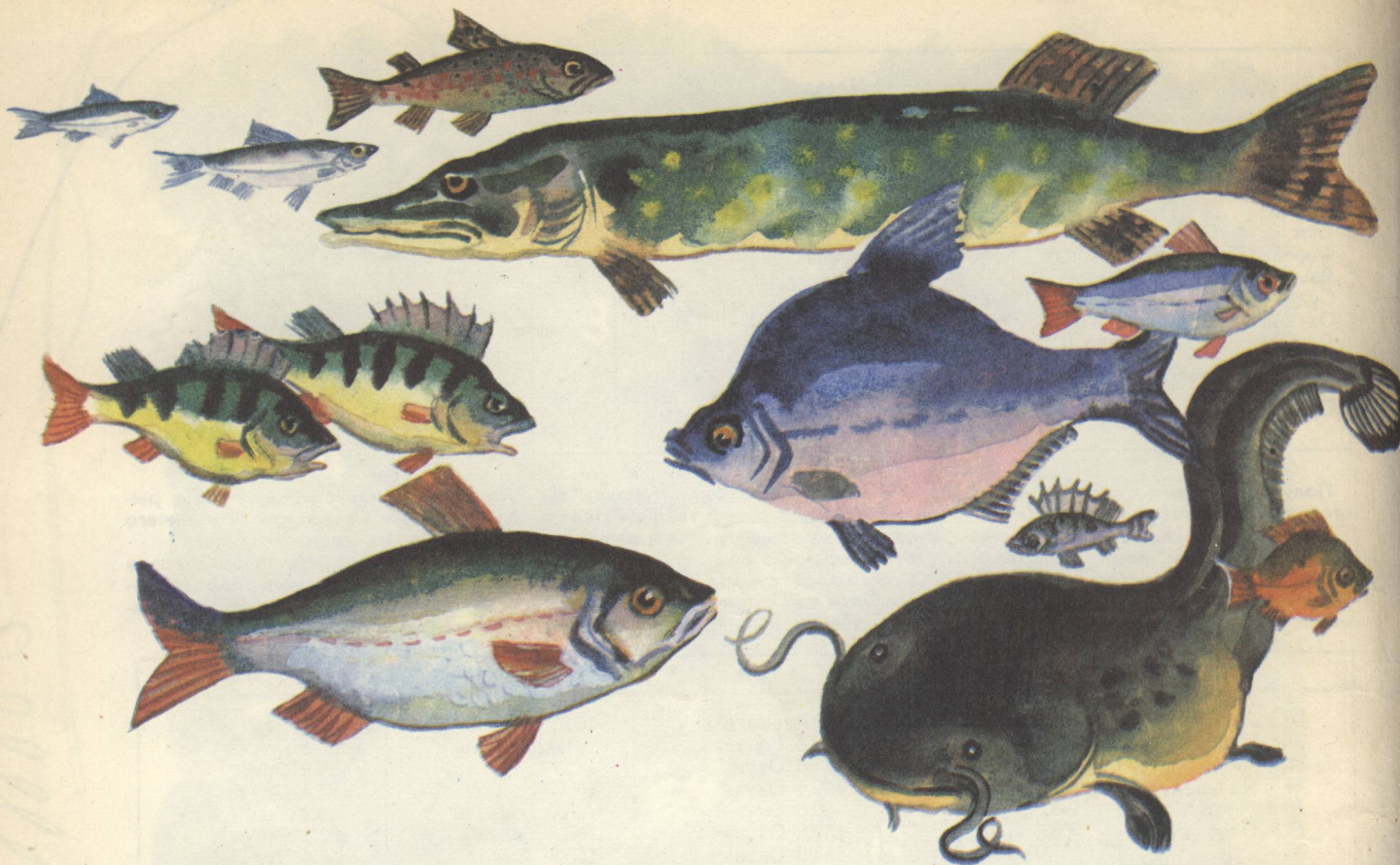
условий правильной ловли рыбы, рыба ушла, вы не записываете ничего и ждете опять своей очереди.

Выигрывает тот, кто за одинаковое с другими участниками определенное количество попыток (10—15) наберет больше очков.

ТАБЛИЦА ОЧКОВ

70,8 Плотва	103,0 Лещ	126,3 Голавль	163,9 Сом	183,9 Сом
72,8 Плотва	103,1 Язь	127,0 Голавль	164,0 Голавль	184,4 Окунь
73,8 Плотва	103,6 Лещ	127,6 Окунь	165,0 Голавль	185,9 Сом
74,8 Плотва	104,0 Лещ	129,6 Окунь	165,9 Сом	186,4 Окунь
76,8 Плотва	105,0 Лещ	130,0 Окунь	166,0 Голавль	186,9 Сом
77,8 Плотва	106,6 Лещ	132,6 Окунь	166,3 Голавль	187,4 Окунь
77,8 Ерш	107,0 Лещ	133,0 Окунь	166,9 Сом	188,4 Судак
78,8 Ерш	108,6 Судак	139,4 Язь	167,3 Голавль	189,4 Судак
80,0 Лещ	109,0 Судак	139,8 Язь	167,6 Окунь	190,2 Язь
80,8 Ерш	110,6 Судак	140,1 Язь	169,3 Жерех	191,4 Судак
81,0 Лещ	111,0 Судак	141,0 Форель	169,6 Окунь	192,4 Судак
83,0 Лещ	111,6 Судак	141,3 Форель	170,0 Окунь	196,7 Щука
84,0 Лещ	112,0 Судак	141,8 Язь	171,6 Окунь	200,7 Щука
85,0 Лещ	120,0 Форель	142,0 Форель	172,3 Жерех	201,4 Форель
87,0 Лещ	120,0 Голавль	142,3 Форель	173,6 Окунь	201,7 Щука
90,8 Плотва	120,8 Линь	143,1 Язь	174,0 Окунь	202,4 Форель
92,8 Плотва	121,0 Линь	148,6 Судак	175,6 Окунь	208,4 Жерех
93,8 Плотва	121,0 Форель	149,0 Судак	176,0 Окунь	209,4 Жерех
94,8 Плотва	121,0 Голавль	150,6 Судак	176,6 Окунь	210,4 Жерех
95,8 Плотва	121,3 Форель	151,3 Жерех	177,0 Окунь	210,4 Голавль
96,8 Плотва	122,3 Форель	152,0 Судак	177,0 Щука	212,4 Жерех
97,8 Плотва	122,3 Голавль	152,3 Жерех	179,0 Щука	213,4 Голавль
99,4 Язь	122,8 Линь	160,0 Голавль	179,4 Щука	215,4 Голавль
99,8 Язь	123,0 Линь	160,3 Голавль	180,4 Окунь	217,4 Голавль
100,1 Язь	123,0 Голавль	161,0 Голавль	181,0 Щука	219,4 Щука
101,0 Лещ	124,0 Голавль	161,0 Форель	182,0 Щука	220,4 Щука
102,6 Лещ	125,6 Окунь	162,0 Форель	183,4 Окунь	221,4 Щука
				222,4 Щука

Не огорчайтесь, кому не повезло в этот раз. Научиться ловить рыбу — дело непростое. Попробуйте, разобравшись в причинах удачных результатов игры других участников, вывести закономерность в подборе снастей и других условий. Спросите совета у опытных рыболовов, достаньте книги из перечисленных здесь. Мы уверены, что, набравшись опыта, узнав рыбы повадки, вы станете настоящим рыболовом-спортсменом, и на любом месте ловли, да-

же на том, где не ловится крупная рыба, а лишь скромная плотва да ерши, вы уже не будете в соревновании в числе последних.

* * *

В заключение рыбалки предлагаем вам развести костер и сварить настоящую рыбацкую уху. Для этого надо сначала хорошо выпотрошить и вычищенных мелких ершей и окуней (чешую с рыбы не счищать, но у окуней надо удалить жабры) залить в котле холодной водой, доба-

вить соль, лук, корни и варить на медленном огне от 40 минут до 1 часа. Затем бульон процедить сквозь марлю, положить крупную рыбу (за исключением линя) и варить еще 20 минут. Затем дать постоять 10—15 минут и можно приступать к обеду. (На 1 кг рыбы — 2—2,5 л воды).

Даже не имея котла, можно приготовить второе блюдо. Рыбу, не очищая от чешуи, но выпотрошив и посолив, заворачивают в бумагу и пекут, как картошку, в золе костра.

СПИСОК НАИБОЛЕЕ ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ЛОВЛЕ РЫБЫ:

С. Т. Аксаков. «Записки об ужении рыбы».
Л. П. Сабанеев. «Рыбы России».
В. В. Сабунаев. «Спортивная ловля рыбы».
М. Н. Никольский. «Охота со спиннингом».

«Юный рыболов». Сборник.
«Рыболов-спортсмен». Сборники о любительском рыболовстве.
В. Я. Чудновский. «Рыболову-ленинградцу».

По ту сторону Каспия КОСтя познакомился с учениками 10-й школы имени Ульяны Громовой из Актюбинска. Они ухаживали за посадками деревьев.

— Это мы к пионерскому юбилею высадили аллею кленов и карагача.

И чуть поодаль на дороге КОСтя заметил юных туристов. Привет агитпоходу гайдаровцев из 28-й школы Актюбинска! Держат путь через Карабутак, к Иргизу. Вот кто хорошо узнает свой край!

А вот на странице 62...

НЫРЯЛЬЩИК

Вот, пenea воду лаcтaми,
иду я в глyбину
над крабaми глaзaстыми,
ползущими по дну.
Глазa я открывaю
и вижу мир чудес,
и смeлo я вплывaю
в густой пoдвoдный лес.
Стоит на нoжке губкa,
кoлышeтся звeздa...
Эх, eсли бы нe тpyбкa!
Эх, eсли б нe вoдa!
Я кpикнул бы тoгдa:
КАК ЗДОРОВО НЫРЯТЬ!

Л. Волков

1

СЛОВАЦКИЕ ПОТЕШКИ

Сосед говорит соседу:
— А знаешь, мой Трезор умеет читать газеты.
— Знаю, мне мой Полкан рассказывал.

Два муравья встретили слона и говорят ему:

— Слон, давай драться!
— Ишь какие! Двое на одного!

Муравей и слон идут по мосту. Муравей говорит:

— А здорово мы с тобой, братец, топаем, а?

Учительница говорит:
— Собак целовать нельзя. Это очень вредно.

Мирко подтверждает:
— Да, это правда. Моя тетя раз поцеловала псика, а он потом сдох.

Перевела Н. Гернет

3

ДВА ХВОСТИКА

Один мальчик нарисовал лесного зверька — с длинными ушами, с большими задними ногами и ма-а-леньким-маленьким хвостиком. И написал, как зовут зверька, чтобы никто не сомневался.

Вот тут-то и начались чудеса...

Зверек вдруг заговорил!

— Бе-бе-безобразие! — сказал он.

— Почему — безобразие?

— Ко-ко-конечно! — рассердился зверек.

Мальчик удивился:

— В чем дело? То ты бараном блеешь, то курицей квохчешь...

— Му-му-мучитель ты, вот кто! — замычал зверек. — Что ты со мной сделал?..

— Ничего. Разве я плохо тебя нарисовал?

— Нет, ничего, узнать можно.

— Так в чем же дело?

— За-за-зачем меня зайкой сделал? Я не зайка, я — зайка!

Спohватился мальчик и еще один хвостик пририсовал, но уже к букве «И».

И зверек перестал заикаться.

— Спасибо, — сказал он. — Теперь каждый скажет, что я — зайка!

А. Шибанов

ДЕДУШКИН ПОДАРОК

Мой дед часы мне подарил,
Такую вещь старинную —
Серебряную луковицу
Со стрелками, с пружиной.
А мать была рассеянна,
К тому же близорука,
И бросила часы мои
В жаркое, вместо лука.
С тех пор, как я жаркое съел,
С того, ребята, дня,
Я то спешу, то отстаю...
Как починить меня?

О. Дриз
Перевела с еврейского
Э. Паперная

Рисунки Т. Васильевой

??? С КЕМ ВСТРЕТИТСЯ ЧЕМПИОН???

В следующем году Борису Спасскому предстоит матч, в котором он будет защищать свой шахматный титул чемпиона мира.

Кто же окажется его соперником? Пока неизвестно. Маститых шахматистов, пожелавших вступить в единоборство со Спасским много. Но ведь требуется отобрать самого достойного! Один за другим выбывали участвовавшие в соревнованиях гроссмейстеры... И вот остались только четверо. Все рыцари, конечно, знают их фамилии? А кто не знает — тот должен немедленно узнать!

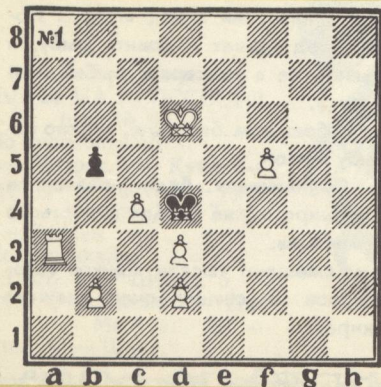
Как же продолжится отбор? Сейчас эти четыре гроссмейстера разбиты на пары, каждая из которых разыгрывает свой матч. А затем в сентябре победители этих пар проведут финальную встречу. В ней и выявится претендент на шахматную корону — будущий противник Спасского.

Доблестные рыцари! Кто из вас отважится быть шахматным оракулом и назовет участников финальной сентябрьской встречи и ее результат?

РЫЦАРИ, ШТУРМУЙТЕ БАСТИОНЫ!

Близок финиш рыцарского турнира. Одни еще надеются войти в десятку победителей или набрать 2-й спортивный разряд; другие борются за 120 очков — 3-й разряд; остальные будут рады и ста очкам — 4-й разряд. Сегодняшние препятствия — композиции самих арчебековцев. Сначала — для шахматистов.

Саша Салов из Няндомы составил такую задачу — белые: Kpg1,

АРЧЕБЕК

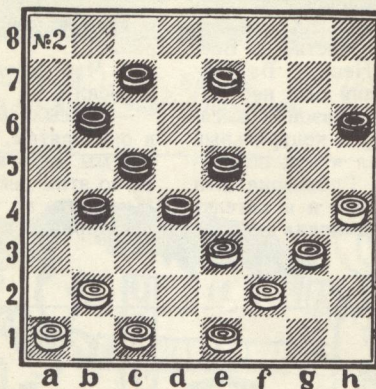
Ла3, пп. е2, g7; черные: Kph3, пп. g3, g4, g5, h4, h7. Мат в 3 хода.

Валерий Пронин из Одессы прислал задачу на мат в 4 хода — белые: Kph4, Лb7, Сс2, Кb3, пп. b4, e4; черные: Kpc4, пп. c3, c6, h6.

А в задаче (диаграмма № 1) Бекена Тайбурова из села Георгиевка Чимкентской области мат дается в 5 ходов.

Задание шашистам состоит из трех позиций. Во всех белые выигрывают.

А. Белые: а5, с3, е3, g3, h4, h6; черные: а7, b8, с5, d8, е5, h8.

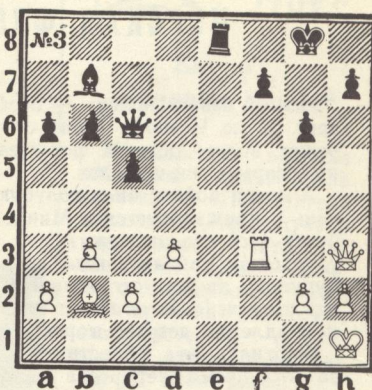
Б. Диаграмма № 2.

В. Белые: с1, с3, е1, е3, f4, g1, g3, h4; черные: а7, b6, с5, с7, е7, f6, h2, h6.

Автор этих позиций — Сережа Ковалев. Три года тому назад, не имея никакого разряда, вступил он в АРЧЕБЕК. За первый год набрал 3-й разряд, за второй — 2-й, а недавно стал перворазрядником и завоевал почетное звание чемпиона Южно-Сахалинска. Трижды салют славному рыцарю!

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

На диаграмме № 3 недоигранная партия. Силы сторон равны, однако неизвестно, чей ход. Как бы ты тут пошел за черных? А как бы ты сыграл белыми, если бы сейчас был ход их? Учти, что белые тогда смогли бы дать мат в 3 хода, для чего нужно пожертвовать... впрочем, рыцаря АРЧЕБЕКА подсказок не любят!

ТРЕНИРОВОЧНАЯ КАБИНА

Кто хочет порешать задачи без риска потерять важные турнирные очки? Заходите в тренировочную кабину!

Сегодня и здесь авторы задач — арчебековцы.

1. (Игорь Подопригора, Янгй-Ер) — белые: Kpb4, Фе2, Лс6, Kg7; черные: Kpd5, Сg8, п. е6. Мат в 2 хода.

2. (Володя Рязанов, д. Тишино Кировской области) — белые: Кре3, Лс7, Се2, пп. f4, f6; черные: Kpf5. Мат в 3 хода.

3. (Юра Селявкин, Воронеж) — белые: Kpc1, Лb8, Ch8, п. е3; черные: Кра2, пп. а3, а4. Мат в 4 хода.

Верны ли ваши решения, вы сможете узнать в «Бюро самопроверки» в «Костре» № 8.

ПРИКАЗ № 7

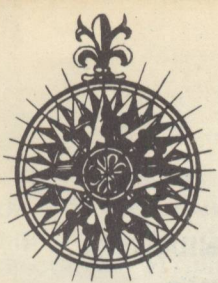
Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Всем рыцарям и рыцарятм доложить о выполнении боевых заданий до 1 октября!

§ 2. Очки начислять только по одному рапорту; дополнения не принимаются!

Шахмат - адмирал Ферзьбери

Внимание! В «Костре» № 6 добавьте — на диаграмме № 2 белого слона d2, а на диаграмме № 3 черную пешку h7.

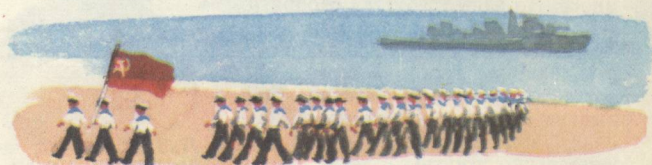
МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Год издания 15-й

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ДЕТСКАЯ МОРСКАЯ ФЛОТИЛИЯ

«Юный севастополец» — особенный корабль... Плавает он по Черному морю от Феодосии до Одессы, режет волны острым форштевнем и не страшится ни штормов, ни шквалов.

А когда войдет он в голубую севастопольскую гавань и пришвартуется к Минной пристани, сойдет на берег весь его экипаж и под знаменем пройдут по городским улицам ряды мальчишек и девчонок — будущее, да нет, сегодняшние моряки. Тогда и станет всем ясно, отчего этот корабль — особенный. Он принадлежит детской морской флотилии.

Флотилия эта существует уже четвертый год, и за это время четыреста человек получили значок «Юный моряк», пятьсот — прошли практику на катерах морского порта, сто — рекомендованы для поступления в военно-морские и мореходные училища...

Когда экипаж флотилии принимал участие во Всесоюзной Военно-спортивной игре «Нептун Балтийского моря», один из видов состязаний был необычный: от команды отбирался один Робинзон и высаживался на необитаемый остров. Через контрольный срок его проверяли — что он сделал и как обособился. И только у севастопольского Робинзона был построен хороший шалаш, горел огонь и в котелке что-то варилось, а сам Робинзон чувствовал себя на острове старожилом.

Когда я спросил заместителя начальника флотилии капитана III ранга в отставке Владимира Петровича Кондратьева: «Почему ваши ребята победили?» — он улыбнулся и пожал плечами.

— Почему? Они очень хотели победить. У нас, знаете, какие ребята? У нас ведь так называемые трудные ребята. Да, да, добрая половина курсантов нашей флотилии — это те ребята, списки которых нам дали в детских домах и в милиции. Мы пригласили их в нашу флотилию, мы привели их на корабль, и вскоре они стали прекрасными курсантами, отчаянно смелыми и дисциплинированными. Привлекать в нашу флотилию трудных ребят стало традицией. Наша флотилия это школа, где ребята закаляют свою волю. Сегодня у нас — пятьсот человек, но будет больше. Скоро мы получим еще один учебный корабль...

— Что передать читателям «Морской газеты?» — спросил я.

— Посылаем им наш привет. Передайте пионерам и октябрятам, которые живут на Дону, Волге, Неве, что мы собираемся на «Юном севастопольце» пройти по этим рекам в Ленинград, и тогда мы будем рады видеть на борту нашего корабля всех, кто пожелает прийти к нам в гости. До будущих встреч!

Г. Черкашин

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Имя героической женщины-снайпера несет по морям плавучий завод «Мария Поливанова». Завод может и ловить рыбу, и перерабатывать ее в консервы, рыбий жир и рыбную муку.

В корме, в большом бассейне, можно сохранять рыбу живой.

«Мария Поливанова» будет плавать в тропических широтах, не заходя в порты по несколько месяцев.

Ее трюмы вмещают тысячи ящиков готовых консервов и сотни бочек свежего рыбьего жира.

ШКОЛА

ЧТО ТАКОЕ ТЕЛЬНЯШКА

Тельняшка — это матросская вязаная сине-белая рубашка.

В эпоху парусного флота на фоне белых парусов очень хорошо были видны работающие на реях одетые в тельняшки матросы. А случалось,

падал матрос в море, тельняшка была хорошо видна на воде.

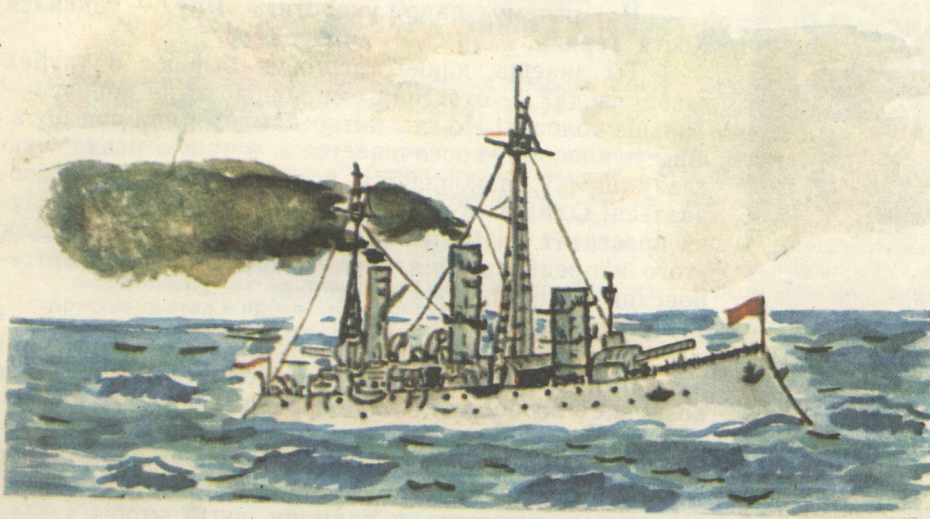
Паровой флот сменил парусный, но тельняшка осталась. Был даже специальный указ в 1874 году оставить тельняшку для рядовых Русского флота.

Моряку тельняшка напоминает синее море, синее небо да белые гребни волн.

А мальчишки, которые еще моря не видали, тоже носят тельняшку с гордостью, потому что эта одежда мужественных и сильных — одежда моряков.

М. Ефимов

С ВЫСТАВКИ «МОРСКОЙ ГАЗЕТЫ»

«Военный корабль», Олег Болозов, 12 лет, Брянск.
Рисунок удостоен диплома и премии «Голубой пингвин».

Еще о «терновом венце»

В майском выпуске «Морской газеты» была заметка «Пожиратели кораллов». Мы получили много писем: читателей беспокоит судьба Большого Барьерного Рифа...

О причинах нашествия «акантастеров» рассказывает ученый-гидробиолог С. Степаньянц.

В двадцатые годы этого столетия экспедиция на Барьерный Риф поймала всего 1 экземпляр «акантастера», а в 1967 году аквалангисты за 20 минут насчитали под водой свыше 900 экземпляров. В чем же причины такого нашествия?! Главная причина... в самих кораллах. Кораллы питаются личинками «тернового венца». Загрязнение вод и атомные испытания снизили жизнедеятельность кораллов, и «терновый венец» невиданно размножился.

Исследования биологии «тернового венца» продолжаются. Ученые ищут методы борьбы с опасностью.

Сообщаем! Премии — книги, модели с бензиновыми моторчиками, наборы столярных инструментов и многое-многое другое — уже высланы победителям.

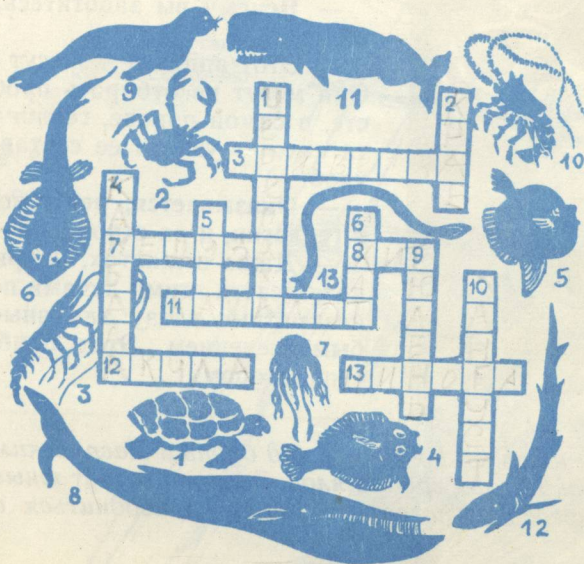
Боцман Румпель

КРОССВОРД «ФАУНА МОРЕ»

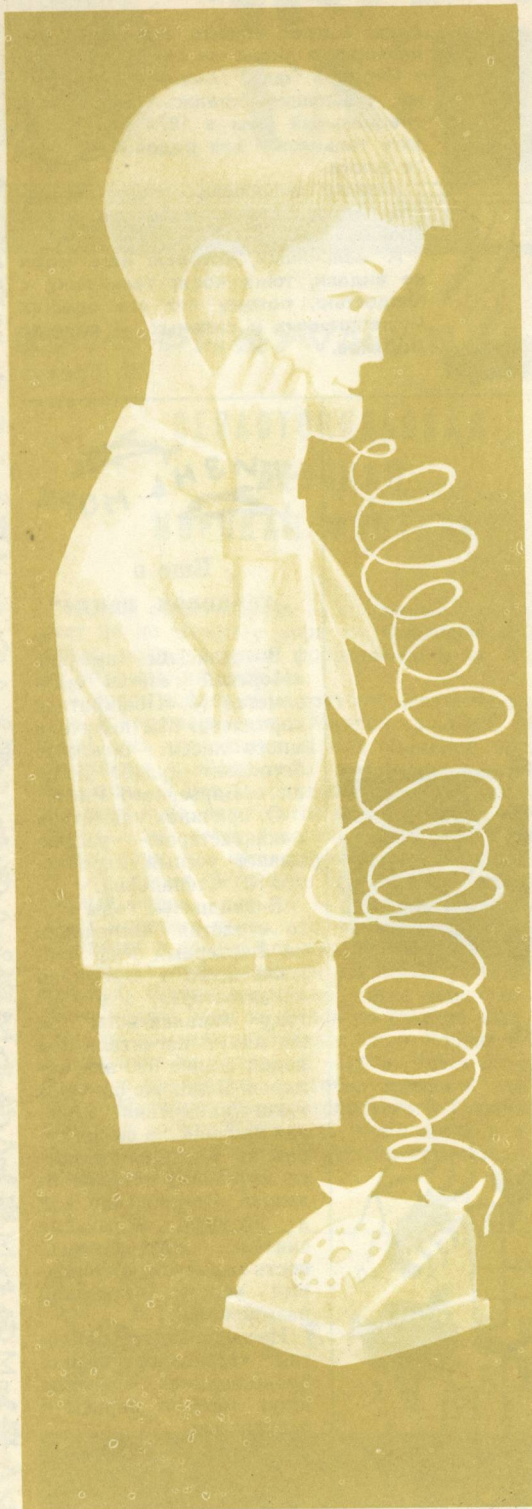
Узнав всех этих морских животных и рыб, ты сможешь правильно заполнить все клеточки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД (см. № 6)

По горизонтали:
3 — Матрос. 4 — Куба. 6 — Орлоп. 9 — Лафет. 10 — Гряда. 12 — Накат. 15 — Тали. 16 — Кранец.
По вертикали:
1 — Вест. 2 — Штиль. 5 — Бизань. 8 — Океан. 7 — Пират. 8 — Медуза. 11 — Окунь. 14 — Шкив.

КОСтя ТЕРкин берет интервью

Очередное интервью Костя Теркин взял в двухэтажном здании на Неве — в Специальном конструкторском бюро рентгеновской аппаратуры (СКБРА).

Он попал в СКБ в торжественный день: там родились Ира и Барс. Над ними уже хлопотали заботливые люди в белых халатах. Имена младенцев сразу же занесли в регистрационные книги. Новорожденным было сказано немало приветственных пожеланий.

— Пусть наш дорогой Барс будет поменьше весом!

— А Ира пока слишком длинная. Укоротить бы ее!

— Но почему надо укоротить Иру? — удивился Костя Теркин.

— Ты знаешь, какие трещинки бывают в трубах газопровода? — ответили ему вопросом на вопрос. — Тоньше волоска! Но газ, который идет в них под большим давлением, просачивается и в такую невидимую глазу щелку, накапливается под землей и может взорваться! Однако этого не случится. Рентгеновские лучи просветят трубу и найдут дефект в металле. Для этого и предназначена наша «Ира» — новый рентгеновский аппарат для строителей.

— А «Барс»?

— Это еще более удивительный прибор. Если облучить рентгеновскими лучами любое вещество, в нем возникает особое свечение (флуоресцентное). У каждого элемента свои флуоресцентные линии в рентгеновском спектре. Понимаешь, какие возможности дает это свечение для химического анализа? Теперь не надо сжигать вещество в пламени дуги, чтобы узнать его состав, не надо обрабатывать кислотами — достаточно поместить пробу под рентгеновский пучок, излучаемый аппаратом «Барс», — и ты узнаешь, из каких химических элементов состоит вещество...

— Почему вы заботитесь, чтобы «Барс» поменьше весил?

— Этот аппарат понесут на своих плечах геологи. Они могут не отбирать проб: непосредственно на месте, в самой породе, геолог с помощью этого аппарата сможет узнать ее состав. Представляешь, как это удобно?

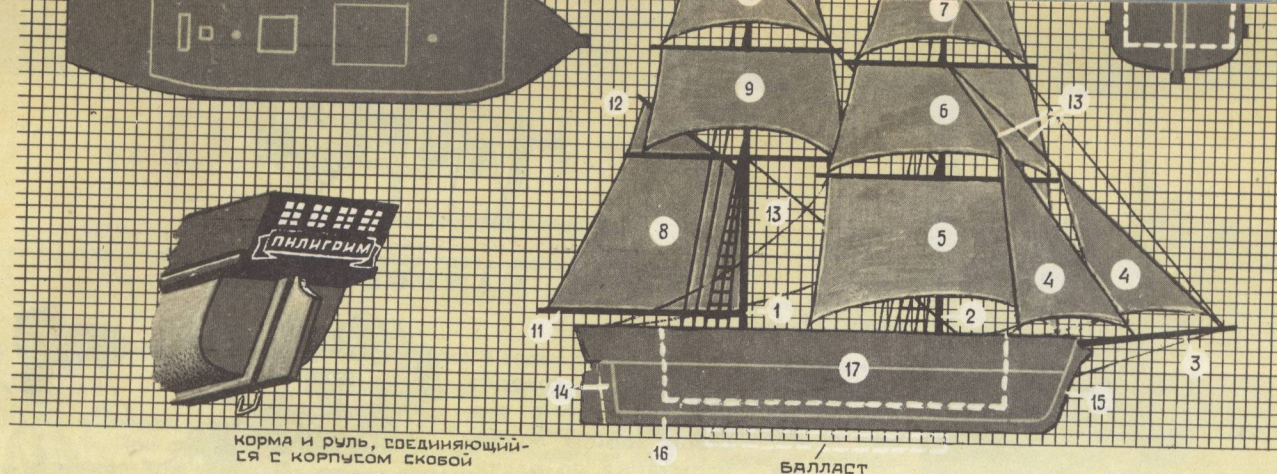
— Оказывается, рентгеновские лучи используют и в геологии, и на стройках, — удивился Костя.

— Даже в шахтах, например, на алмазных рудниках. Освети этими лучами породу, и самые маленькие, незаметные глазу алмазные крошки засветятся особым свечением. Этот прибор назван рентгеновским сепаратором.

Летит КОСтя ТЕРкин на своем зонтолете над бурным Каспийским морем. Смотрит, возле Баку целая группа ялов. Здорово гребут юные моряки! Жаль только, погода не позволяет КОСте приводниться и расспросить ребят...

На странице 64 — путешествие закончится.

корма и рывь, соединяющийся с корпусом скобой

БАЛЛАСТ

СДЕЛАЙ САМ

Как сделать шхуну-бриг „Пилигрим“

Взгляните на верхнюю часть чертежа. Сторона каждой клеточки должна быть равна 1 см. Теперь нетрудно подсчитать размеры деталей модели.

Возьмите две-три доски и склейте их вместе. Сделайте разметку корпуса и обстругайте его. Выдолбите корпус внутри стамеской до белой пунктирной линии на нашем чертеже.

Приклейте фанерную палубу на глубину 3 см, расчертив тушью и покрыв ее лаком.

Форштевень, ахтерштевень и киль выстругайте из брусков дерева и приклейте к корпусу.

Штурвал выпиливается лобзиком из фанеры толщиной 3 мм.

Сшить паруса попросите маму или сестру. У них это получится быстрее и аккуратнее.

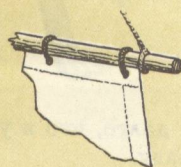
Канаты делаются из толстых черных и белых ниток.

Модель покрасьте черной и красной красками.

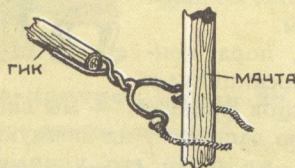
Под килем проволокой прикрепите балласт — брусок свинца или любого металла. Тогда модель не перевернется на воде.

Мы не рассказываем вам, как повернуть рей с парусами на мачтах к ветру, чтобы модель шла заданным курсом. Это искусство вы постигнете сами и приобретете опыт мореходства не хуже, чем он был у Дика Сэнда.

И. Секретарев

КРЕПЛЕНИЕ ПРЯМОГО ПАРУСА К РЕЮ

С ПОМОЩЬЮ ТАКОЙ ПРОВОЛОЧНОЙ ВИЛКИ ГИК СОЕДИНЯЕТСЯ С МАЧТОЙ

КРЕПЛЕНИЕ РЕЯ К МАЧТЕ ПРОВОЛОЧНЫМ БЕЙФУТОМ

ТАК ПРИВЯЗЫВАЮТ КАНАТЫ К ШЛЯПКАМ ГВОЗДЕЙ НА ПАЛУБЕ

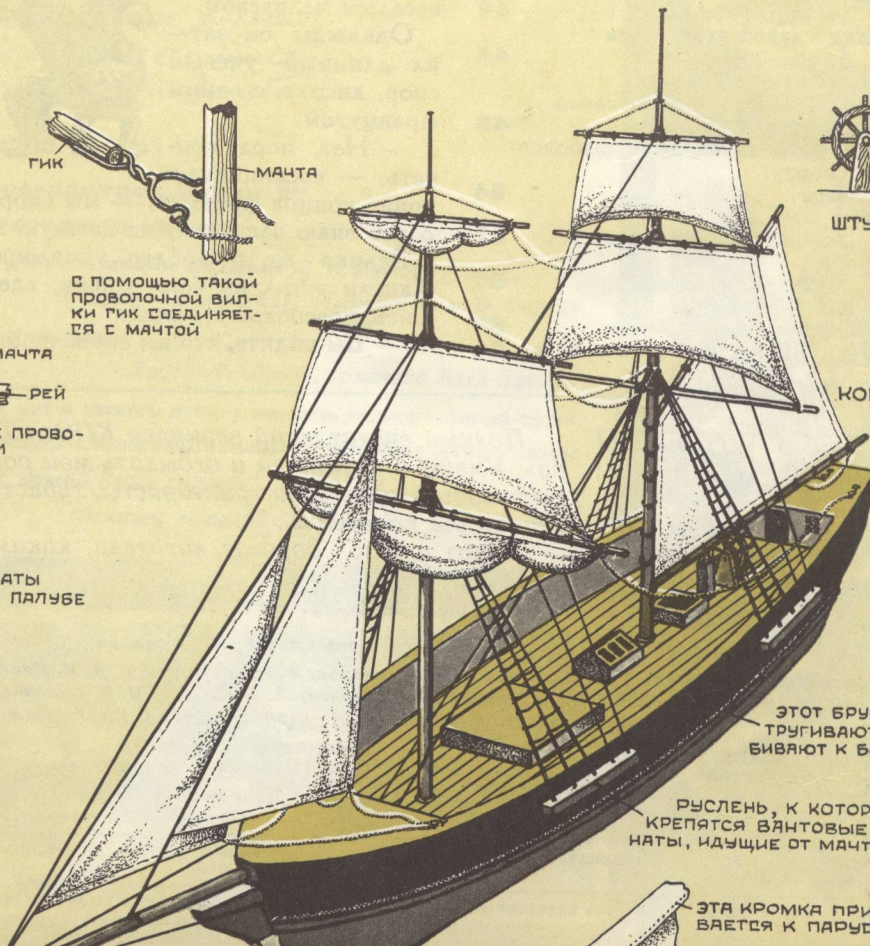

ШТУРВАЛ

КОМПАС

1. Грот-мачта. 2. Фок-мачта. 3. Бушприт. 4. Кливер. 5. Фок. 6. Формарсель. 7. Фор-брамсель. 8. Грот. 9. Грот-марсель. 10. Грот-брамсель. 11. Гик. 12. Гафель. 13. Штаги. 14. Ахтерштевень. 15. Форштевень. 16. Киль. 17. Линия палубы.

ЭТОТ БРУС ВЫСТРУГИВАЮТ И ПРИВЯЗЫВАЮТ К БОРТУ

РУСЛЕНЬ, К КОТОРОМУ КРЕПЯТСЯ ВЯНТОВЫЕ КАНАТЫ, ИДУЩИЕ ОТ МАЧТ

ЭТА КРОМКА ПРИШИВАЕТСЯ К ПАРУСУ

СОДЕРЖАНИЕ

Поворот	повесть В. Фролова рисунки И. Харкевича	2
Страна Поэзия	Сергей Давыдов рисунки В. Орлова	21
У самых Кавказских гор	репортаж А. Семенова	23
Вспоминая пионерского дедушку	очерк Л. Подвойского	27
Рука детства	рассказ С. Воронина рисунок Ю. Шабанова	28
Хранители дорог	продолжаем разговор о „Пи- онерском километре“	30
Новгородские встречи	очерк В. Того рисунки Ю. Лобачева	34
Биченкокская почта	обзор А. Крестинского оформление Г. Ковенчука	36
Хвастовство	стихи Доктора Съюза пересказала Т. Макарова рисунок Е. Захарова	37
Бухарест, Констанца, Эфория...	из путевых заметок В. То- ропыгина и В. Голявкина	38
Лафонтен, великий баснописец	очерк Я. Гордина	42
Загадки светящихся точек	беседа Л. Верина	44
Плюс, Минус и Тимоша	повесть-сказка И. Ефимова рисунки И. Казаковой	46
Все на соревнования по рыболов- ному спорту!	игра	54
Уголёк	журнал для малышей	57
Арчебек	шахматы и шашки	59
Морская газета	оформление Р. Попова	60
КОСтя ТЕРкин берет интервью		62

САМООБЛАДАНИЕ

Правду говорят, что человеку с чувством юмора любые испытания по плечу.

В мастерской у известного изобретателя Эдисона случился пожар. Горела фото-пленка — основной источник доходов Эдисона. Глядя, как пламя пожирает его добро, изобретатель спокойно сказал сыну:

— Беги за матерью, и пусть она приведет всех своих приятельниц, вряд ли у них еще будет случай увидеть такой великолепный пожар.

УЧЕНЫЙ ДИСПУТ

Известный биолог ученик Дарвина Хаксли был заядлым спорщиком и... очень веселым человеком.

Однажды он затеял длинный ученый спор, диспут, с одним французом.

— Нет, пора кончать, — воскликнул в конце концов француз, — мы спорим так долго, что я уже раньше знаю ваш ответ на каждую мою фразу.

Велико же было его удивление, когда почтенный старец Хаксли встал на четвереньки, сделал ему «козу» и, поднявшись, преспокойно заявил:

— Вы видите, что вы снова неправы?

Полный впечатлений вернулся КОСтя ТЕРкин в редакцию «Костра». Умеют и трудиться и отдыхать мои ровесники — юные чабаны и цветоводы, садоводы и трактористы, туристы и моряки, лесничие, конструкторы, полеводы...

А что у вас, дорогие читатели, какими полезными делами заняты вы?

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтульев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Ю. Д. По-
ройков, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погдин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Тербинская (ответствен-
ный секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Корректор
В. А. Маевская

Технический редактор
В. И. Мецатунова

Рукописи и фотографии не возвращаются
Адрес редакции: Ленинград, С-15. Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-36168.
Тираж 600000 экз.

Подписано к печати 28/V 1971 г.

Формат 60×90 $\frac{1}{4}$. Печ. л. 8+обл.
Заказ № 491.

8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Ленинград, Кронверкская ул., 7.

„ОКЕАН-2“

Донесения командиров кораблей.

«Альтаир» — это одна из самых ярких звезд летнего звездного неба.

Командир эскадренного миноносца «Гордый»
Володя Галкин

Время в Бомбее отличается от московского в большую сторону на 2 часа 30 минут.

Командир подводной лодки «С-56» Сережа Владимиров

Демаркационная линия времени проходит по меридиану 180°, отклоняясь от него вблизи суши. При следовании курсом на восток календарная дата на корабле повторяется, при следовании на запад — одна календарная дата пропускается.

Командир крейсера «Яков Свердлов» Андрей Колесниченко

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 7

Выполняя кругосветное плавание в составе пионерской эскадры, доложите в походный штаб:

1. Какие ордена и медали Советского Союза учреждены в годы Великой Отечественной войны для награждения военных моряков. Какие еще нагрудные знаки военных моряков вы знаете?

2. Какая советская атомная подводная лодка впервые всплыла на Северном полюсе. Кто командовал этим походом, когда он выполнен?

3. Кто из русских военных моряков совершил первое кругосветное плавание, какие географические пункты названы его именем, когда, на каких кораблях и сколько времени оно выполнялось.

Рекомендуем всем членам экипажей пионерских кораблей прочесть книгу «Корабли-герои», выпущенную издательством ДОСААФ в 1970 году. Советуем каждому юному моряку научиться вязать 8—10 морских узлов. Надо знать, для чего они применяются.

Походный штаб

С Фели Волну-Морского!
Флота, юные моряки!
Дважды Герой Советского Союза
Контр-адмирал Финабану

В пресс-центре „Океан-2“

Лучшие девизы экипажей:

«Учиться военному делу настоящим образом» (В. И. Ленин).

Эсминец «Пламенный», командир Володя Фирсов

«В море — дома, на берегу — в гостях».

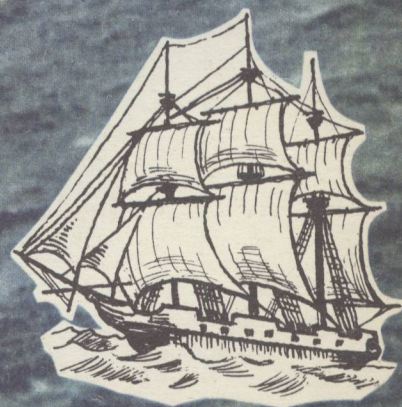
Лидер «Ташкент», командир Витя Ефимов

«У моряков нет трудного пути, нет и легкого пути, у них есть только славный путь».

Крейсер «Адмирал Нахимов»-2, командир Леня Рогачев

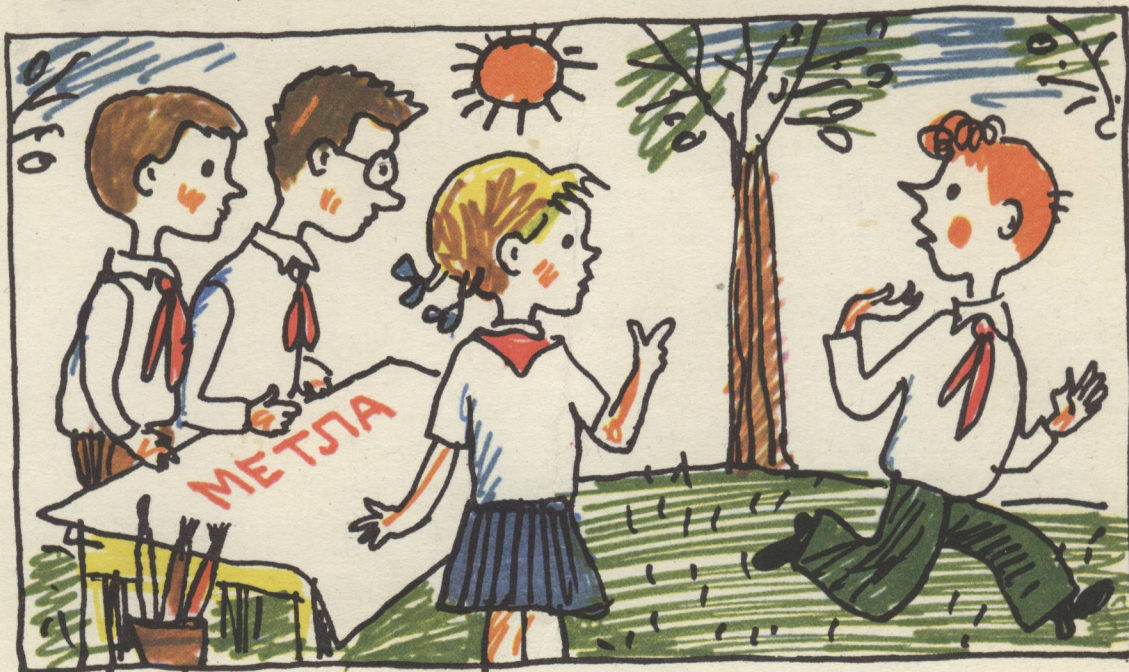
«С врагом бейся смело!»

Эсминец «Смелый»-1, командир Саша Иванов

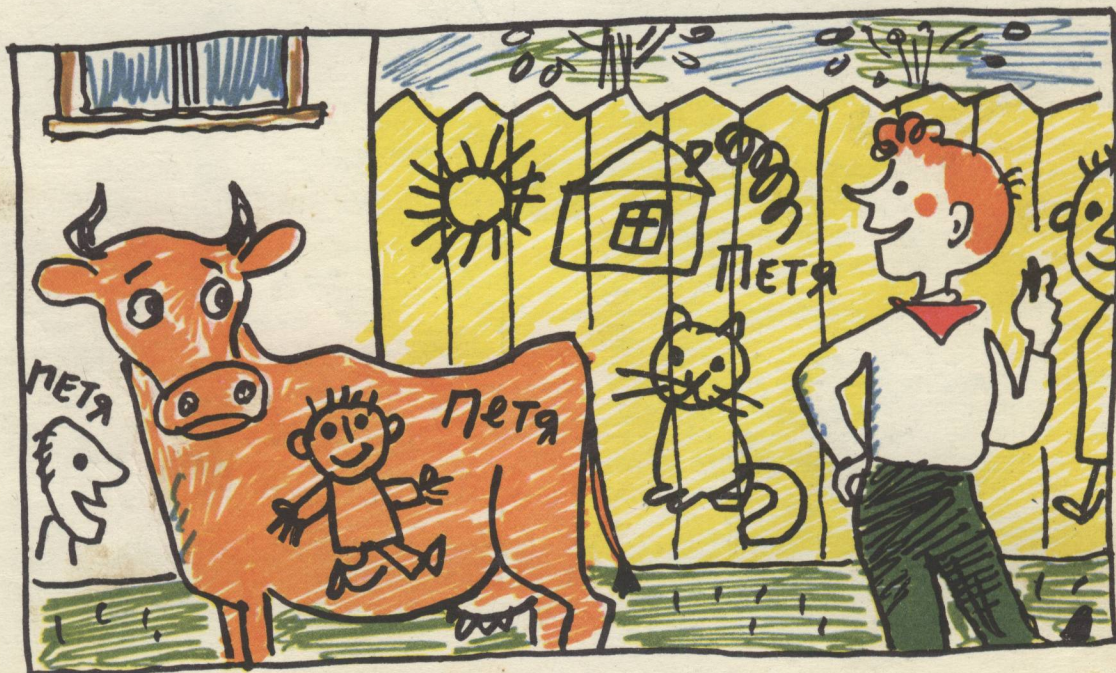

Над вторым выпуском странички «Школьного боевого»
работали художник Л. Каминский, поэт В. Алексеев

ИСТОРИЯ, БЫВШАЯ В ОДНОМ ПИОНЕРСКОМ ЛАГЕРЕ...

Просит все звено у Пети:
„Нарисуй нам в стенгазете!“

Что ему газетный лист?
Петя — монументалист!